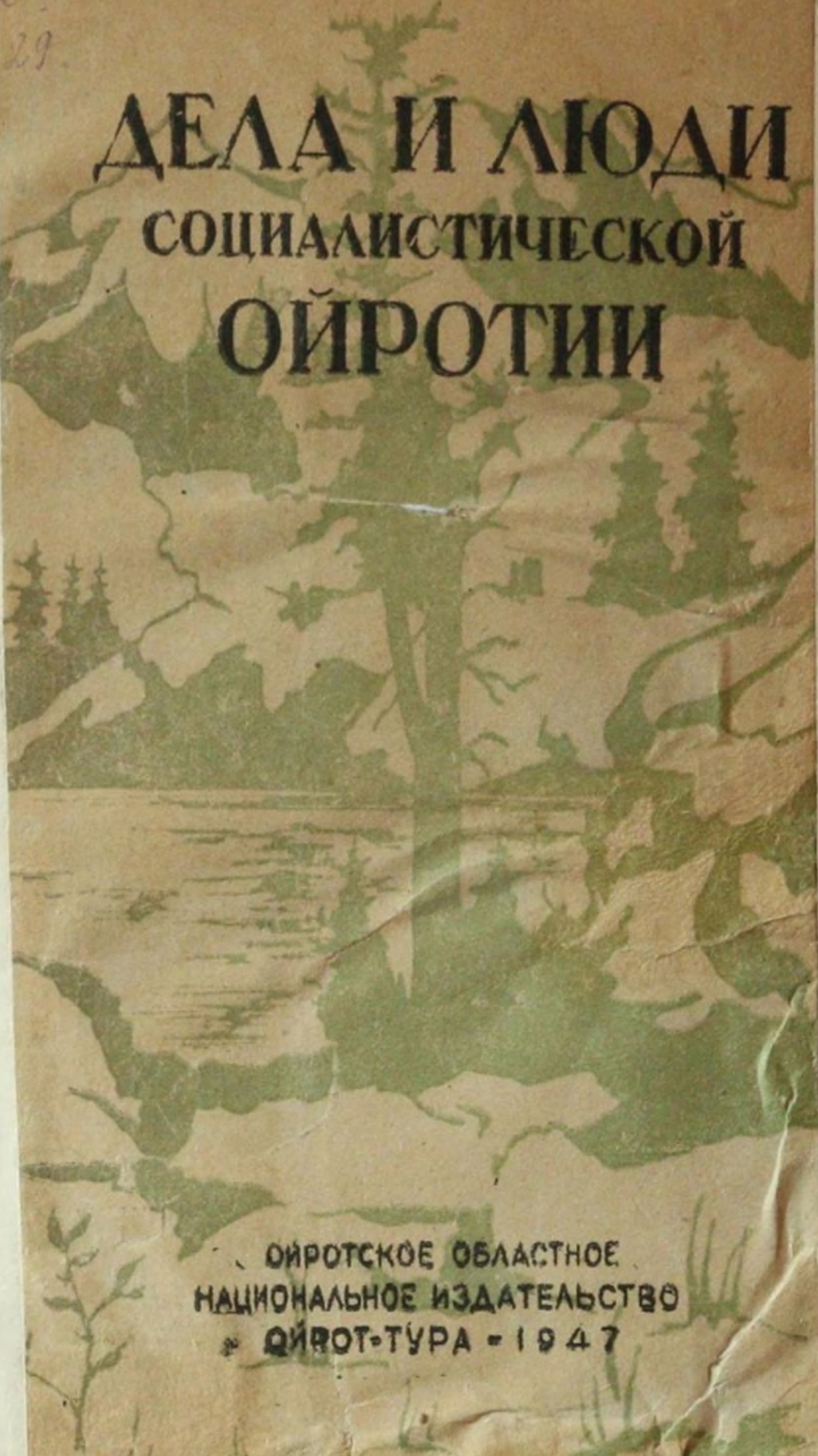

29.

ДЕЛА И ЛЮДИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЙРОТИИ

ОЙРОТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЙРОТ-ТУРА - 1947

64004

757
BIBLIOTHECA

- 64004 -

925
5-29.

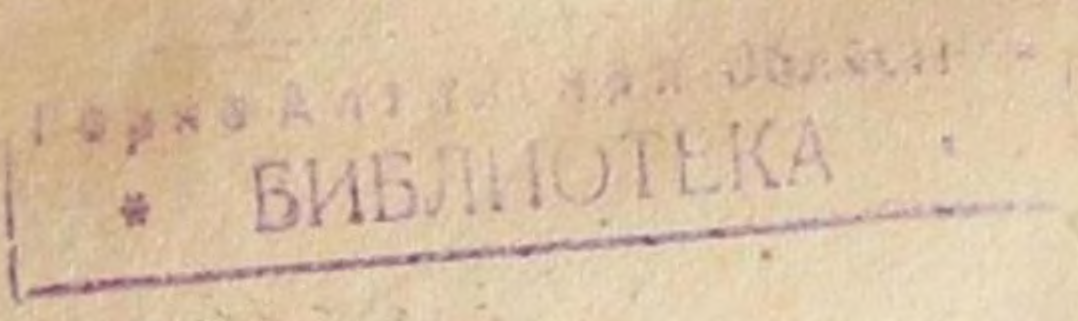
ДЕЛА И ЛЮДИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЙРОТИИ

СБОРНИК ОЧЕРКОВ

50

Инв. 640042

ОЙРОТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЙРОТ-ТУРА - 1947

Дела и люди социалистической Ойротии

1-го июня 1947 года исполнилось 25 лет со дня образования Ойротской автономной области. Прошедшие годы были годами упорной борьбы и больших успехов, годами возрождения алтайского народа, бурного роста его материальных и духовных сил.

Дореволюционная история маленького алтайского народа — это история его несправедливой и тяжелой жизни. Он находился под гнетом монголо-язычных жузжан, тюркских ханов, китайских феодалов, разных авиатских князей, вплоть до предводителя монголов Чингиз-хана: почти двести лет алтайский народ угнетался джунгарскими завоевателями. Жестокие иноземные поработители издевались над алтайским народом, ввергли его в бездну страшной нищеты, рабства и бескультурья, жгли его анлы, угоняли скот, забирали в рабство жен и детей. Потоками лилась безвинная кровь. И горы Алтая народ называл «Канду-Алтай», что означает «Кровавый Алтай».

Во второй половине XVIII века горный Алтай был присоединен к Российской империи, что имело большое прогрессивное значение для развития более высоких форм хозяйства, быта и культуры алтайского народа. Это в первую очередь спасло алтайское население от полного разорения и физического уничтожения китайско-монгольскими завоевателями. Во-вторых, оно означало установление тесного, непосредственного соприкосновения алтайцев с русским народом, который стоял на несравненно более высокой ступени исторического развития.

Вместе с тем присоединение Алтая к царской России не могло привести к улучшению жизни алтайцев, так как в то время Россия была «тюрьмой народов». И горный Алтай стал ее новой колонией. Жестокая власть ханов сменилась безграничной властью своевольных царских сатрапов; русские помещики, кулаки и купцы стали хозяевами Алтая. Гнет русского царизма над трудящимися алтайцами дополнялся гнетом алтайских зайсанов и баев. Они грабили природные богатства, захватывали плодородные долины и прекрасные алтайские пастбища. А коренных жителей, действительных хозяев зем-

ли—трудящихся алтайцев—загоняли все дальше в горы на бесплодные каменные россыпи.

Все богатства—земля, скот, пастбища—находились в руках работодателей алтайских трудящихся. Большинство трудового населения алтайцев совершенно не имело скота и земли, работало на русского царя, кулаков, купцов, зайсанов, баев и влачило полуголодное существование. Жили они в примитивных хижинах-аилах, построенных из древесной коры, где зимой стоял страшный холод и постоянный дым. Вечная грязь и голод являлись источником для распространения всевозможных инфекционных заболеваний. Между тем о здоровье народа никто не думал. На всю горную область, по размерам своим превышавшую многие европейские государства, имелось три фельдшерских пункта. Да и они были доступны, главным образом, только зажиточным слоям населения.

Особенно тяжела и безрадостна была жизнь женщины-алтайки. На ее плечах лежало все хозяйство кочевника-алтайца. Их имели право украсть и без их согласия выдавать замуж зачастую за малолетнего 7—10-летнего мальчика.

Дореволюционная Ойротия была крайне отсталой в культурном отношении. Алтайский народ жил в темноте и невежестве. Грамотных насчитывалось 5—6 процентов. На каждые 2.000 жителей был только один грамотный. Трудовое же алтайское население было поголовно безграмотным. Школ насчитывалось всего два с половиной десятка. Обучались в них дети царских чиновников, духовенства и других представителей имущих классов.

О национальной литературе, искусстве и музыке говорить не приходится, ибо алтайский народ не имел даже своей письменности.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда разорвала цепь капиталистического рабства. Она заложила прочный фундамент для полного уничтожения эксплуатации человека человеком; спасла многие народы, в том числе алтайский, от окончательной гибели; принесла трудящимся массам свободу и положила начало несокрушимой дружбе между народами, входившими раньше в состав Российской империи.

1-го июня 1922 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление об образовании Ойротской автономной области. Это историческое постановление явилось еще одним актом торжества ленинско-сталинской национальной политики, практическим выполнением решений X съезда большевистской партии, где записано:

«...задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям»

этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке...»

Образование Ойротской автономной области еще больше подняло алтайский народ на борьбу за новую жизнь. При помощи своего старшего брата—русского народа, под руководством партии Ленина—Сталина, он к первой годовщине установления своей государственности окончательно очистил ойротскую землю от последних бандитских шайк и вплотную приступил к строительству социалистической Ойротии.

Выйти из многовековой нужды, выбраться из крошечной пропасти темноты и невежества было нелегко. Но алтайский народ не боялся трудностей. Он уверенно смотрел вперед, так как был не одинок, а входил равноправным членом в великую семью свободных народов. Алтайский народ получал огромную помощь от передового русского народа, от рабоче-крестьянского советского правительства, от большевистской партии и великих вождей трудящихся—Ленина и Сталина.

За прошедшие XXV лет со дня образования Ойротской автономной области, особенно в период сталинских пятилеток, неузнаваемо изменился экономический и культурный облик Ойротии, а в связи с этим совершенно иным стал и сам алтайский народ.

В горах и долинах, где раньше были разбросаны мелкие и примитивные хозяйства кочевников, сейчас созданы крупные социалистические хозяйства—275 колхозов, 10 совхозов, 4 машинно-тракторных станции. Колхозы объединяют 98 процентов всех крестьянских хозяйств области. Они получили от социалистического государства на вечное пользование 201.674 гектара сенокосных угодий, 678.004 гектаров пастбищ и огромное количество пахотной земли.

С победой колхозного строя коренным образом преобразилось сельское хозяйство и особенно ее главная отрасль—животноводство. Если раньше скот находился круглый год под открытым небом, что отрицательно отражалось на росте поголовья и продуктивности, то сейчас положение изменилось. Для обобществленного животноводства только в колхозах построено 2749 конюшен, скотных дворов, телятников и других помещений. Вводится плановое использование пастбищ. С каждым годом все более расширяется площадь посева многолетних трав, а при животноводческих фермах производится посадка корнеплодов. Из года в год растет заготовка грубых кормов. Только в 1946 году колхозами было заготовлено сена свыше полу-

тора миллиона центнеров и около миллиона центнеров заложено сенокоса.

Создание прочной кормовой базы и внедрение культурных методов ведения социалистического животноводства способствует более быстрому росту поголовья скота. С 1932 года по 1946 год поголовье скота во всех категориях хозяйств увеличилось на 30 процентов, а в колхозах за этот же период выросло почти вдвое. Сейчас на каждый колхоз приходится в среднем 3—4 фермы с общим количеством в 1.236 голов. Десятки колхозов области имеют от 3-х до 5 тысяч голов скота и больше. Колхозы «Путь к социализму» и «Кызыл Мааны» насчитывают более чем по 15 тысяч голов скота, колхоз «Мухор Тархата», Кош-Агачского аймака, имеет 22 тысячи голов скота.

Наряду с увеличением поголовья скота растет и продуктивность животноводства. Так, в 1946 году колхозы Ойрот-Турского и Чойского аймаков надоили в среднем на каждую фуражную корову по 1200—1300 литров молока. В колхозах имени Сталина, Ойрот-Турского аймака, «Ильич», Чойского аймака, и многих других удои еще более высокие.

Росту повышения продуктивности животноводства много способствует работа по улучшению породности скота. Область имеет специальные научные учреждения: областную комплексную сельскохозяйственную станцию, государственную заводскую конюшню и государственный племенной рассадник алтайской лошади. В результате их работы и завоза племенного скота из других областей за период с 1935 по 1942 год количество породного скота у нас увеличилось в 16 раз.

Значительных успехов добились мараловодческие совхозы. Дикие олени и маралы пасутся и размножаются в огромных огороженных парках. Страна ежегодно получает на миллионы рублей пантовой продукции.

На заготовке кормов и в уходе за скотом труд людей облегчается с каждым годом путем внедрения механизации.

Вполне понятно, что для развития животноводства на новых, научных началах нужны были грамотные, хорошо подготовленные кадры. Такие кадры были созданы за сравнительно короткий срок, что возможно лишь в условиях колхозного строя.

Сейчас в области работает 33 зоотехника, 17 ветеринарных врачей, 21 ветеринарный техник, 60 ветфельдшеров, сотни ветсанитаров, заведующих животноводческими фермами и бригадиров; имеются тысячи опытных доярок, поярок, свинок, телятниц, пастухов и чабанов, которые в большинстве своем хорошо овладели минимумом зоотехнических и ветеринарных знаний и умело применяют их в своей повседневной работе. Коллективный труд стал трудом великим и творческим, делом чести, славы и героизма. Он изменил у людей

само отношение к работе. Самоотверженно трудятся тысячи колхозников, выросли сотни организаторов колхозного производства, подливых борцов за высокопродуктивное животноводство. Только за 1946 год свыше тысячи колхозников и колхозниц, работающих в животноводстве, получили за свой труд дополнительную оплату.

Новаторы-животноводы увлекают за собой всех колхозников, они учат, как надо трудиться и на деле претворять в жизнь план послевоенной сталинской пятилетки.

В Ойротии широко была распространена «теория», что здесь никогда не родился и не будет родиться хлеб, особенно пшеница, что алтайский народ должен заниматься только лишь животноводством, а продукты земледелия: зерно, овощи и тем более фрукты завозить из других районов страны. Эта вредная «теория» полностью развеяна практическими делами трудящихся области.

За годы советской власти посевная площадь увеличилась больше чем в пять раз, значительно расширились посевы основной продовольственной культуры — пшеницы. Теперь вместо абылов и андазынов на полях колхозов и совхозов работают тракторы, комбайны и другие сложные сельскохозяйственные машины, что дало возможность резко повысить урожайность полей и валовый сбор зерна. Ойротия из области, потребляющей продукты полеводства, становится областью, производящей эти продукты.

Сто и больше пудов зерна пшеницы, овса и ячменя с каждого гектара снимают сейчас не на отдельных опытных участках энтузиасты-одиночки, а с больших массивов многочисленные звенья, бригады и в целом колхозы.

В колхозе «Ленинский путь», Усть-Канского аймака, звено Клавдии Ивановны Сницеровой в 1946 году на своем участке собрало по 140 пудов пшеницы с гектара.

Алтайцы, о которых миссионеры до революции писали, что они не знают никаких овощей, кроме дикого лука и колбы, сейчас выращивают картофель, капусту, огурцы, помидоры, морковь и другие овощи.

С развитием социалистического земледелия росли и крепили агротехнические и механизаторские кадры, а также практики — мастера высоких урожаев. На колхозных и совхозных полях сейчас работают 26 агрономов, десятки агротехников, 26 механиков, 59 бригадиров тракторных бригад, 284 тракториста, 57 комбайнеров, 299 бригадиров полеводческих бригад и др.

Все они борются за выполнение пятилетнего плана, руководствуясь историческим постановлением февральского пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». 19 лучших из них в текущем году удостоены высоких правительственных наград. За самоотверженный труд тракторист Ойрот-Тур-

ской МТС Порошин Алексей Васильевич награжден орденом Трудового Красного Знамени, колхозница колхоза «VII съезд Советов», Усть-Канского аймака, Дунбаева Пина и председатель колхоза «Новая деревня», Турачакского аймака, Данилов А. награждены медалью «За трудовое отличие».

После Великой Октябрьской социалистической революции, главным образом в период сталинских пятилеток, в Ойротии начала создаваться совершенно новая отрасль сельского хозяйства — плодово-ягодное садоводство. Вначале оно носило исключительно любительский характер, а сейчас уже становится серьезной отраслью в экономике колхозов, дающей ежегодно большие доходы. Под садами занято 269 гектаров.

Колхоз имени Кирова, Эликманарского аймака, в 1945 году продал фруктов из своего сада на 35 тысяч рублей и роздал на трудодни колхозникам 14 центнеров. Колхоз им. Сталина, Ойрот-Турского аймака, в 1946 г. собрал в своем саду 58 центнеров фруктов. В недалеком будущем вся Ойротия зацветет садами.

Развивая всесторонне свое хозяйство, колхозы из года в год увеличивают свои доходы, умножают свои богатства, полноценней делают трудодни колхозников. Накануне Великой Отечественной войны и даже в период войны такие колхозы, как «Мухор Тархата», Кош-Агачского аймака, имени Кагановича, Усть-Канского аймака, получали доходы более чем по миллиону рублей каждый.

Промышленность Ойротии, ее пути сообщения и связь родились и получили развитие после Великой Октябрьской социалистической революции. Все, что построено в этом направлении и работает сейчас, это сделано руками алтайского народа за последние десять—пятнадцать лет. В области работает около 400 государственных и кооперативных предприятий. Среди них 54 предприятия союзного и республиканского значения, 23 местного, 58 относящихся к составу промысловой и инвалидной кооперации. Ойротия имеет 99 сыродельных и маслодельных заводов, 108 механических и водяных мельниц, Чемальскую ГЭС, 19 электростанций в районных центрах и на предприятиях, ремонтные мастерские в совхозах и МТС, леспромхозы и другие. С каждым годом растет их производственная мощность. Так, с 1935 по 1946 год на предприятиях союзного и республиканского подчинения количество выпускаемой продукции увеличилось почти в два раза, на предприятиях местного значения, промысловой и инвалидной кооперации — в три раза.

Ойротия стала давать стране алтайскую ртуть, вольфрам, молибден и золото. Ойротский мрамор из Ороктойского карьера украшает подземные дворцы московского метрополитена и рекомендован на строительство Дворца Советов. С каждым годом все больше и больше изучаются недра горного Алтая и обнаруживаются новые богатства.

До революции алтайский народ знал только три способа передвижения: пешком, верхом, да ксе-где можно было проехать на двухколесной таратайке. Главным средством связи служил табыш, т. е. передача новостей устно от одного всадника другому. Сейчас с севера на юго-восток всю область пересекает прекрасный Чуйский тракт — основная жизненная артерия области. Кроме Чуйского тракта построено и улучшено около 3500 километров дорог и до 9 тысяч погонных метров мостов.

С каждым годом все гуще покрывается область разными видами связи. Вместо двух в прошлом, сейчас работает 77 почтовых отделений. Все аймачные центры связаны телеграфом со всеми пунктами советской страны, а телефонной связью — с областными и краевыми центрами.

Заново создана и с каждым годом расширяется радиосвязь. В данное время работает областная радиовещательная станция, 17 трансляционных узлов, 4000 радиоточек и 185 эфирных установок. Алтайский народ одновременно с жителями Москвы узнает о всех событиях, происходящих в Советском Союзе и за его пределами.

В промышленности, организациях дорожного строительства и связи, так же, как и в сельском хозяйстве, выращены многочисленные и высококвалифицированные кадры. Среди них большое количество алтайцев, которые руководят промышленными предприятиями, управляют сложнейшими машинами.

Советская власть навсегда раскрепостила алтайскую женщину. Сейчас женщины-алтайки наравне с мужчинами активно участвуют в хозяйственной, политической и общественной жизни страны.

Две женщины-алтайки — Елена Упаева и Софья Шабуракова — являются депутатами Верховного Совета СССР, сотни женщин избраны депутатами краевого, областного, городского, аймачных и сельских Советов депутатов трудящихся. Алтайка Мария Федоровна Саруева выросла до заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации областного комитета партии, орденосеца Ябыкова Мария руководит крупным колхозом.

Принцип ценить человека больше всего на свете, неустанно охранять здоровье людей был положен в основу политики большевистской партии, рабоче-крестьянского правительства с первого дня существования советской власти.

Партия Ленина — Сталина и советское правительство обращали и обращают исключительное внимание на коренное улучшение быта наиболее отсталых при царизме народов, на ликвидацию тяжелых инфекционных заболеваний, которые раньше свили себе прочные гнезда на окраинах страны. В Обротю были посланы специальные отряды медицинских работников на борьбу с сифилисом, оспой и

трахомой. Начала быстро развигваться и расти сеть стационарных лечебных учреждений.

В настоящее время в Ойротии работает 24 больницы с 553-мя койками, поликлиника, 23 врачебных амбулаторий, 5 диспансеров, 36 фельдшерских пунктов, 28 фельдшерско-акушерских, 7 пунктов специального назначения, 4 зубных кабинета, зубопротезная мастерская, рентгеновский кабинет, малярная станция, санитарно-бактериологическая лаборатория, детский санаторий и здравница все-союзного значения — курорт «Чемал».

Областной и аймачные отделы народного здравоохранения имеют в своем распоряжении санитарные автомашины и самолет. В экстренных случаях больному любого отдаленного, затерянного в горах селения оказывается немедленно квалифицированная медицинская помощь. Таким образом уже спасены сотни человеческих жизней.

На страже охраны здоровья трудящихся Ойротии находятся 59 врачей и 429 человек среднего медицинского персонала, среди которых имеются также представители коренного алтайского населения.

Большой вклад в дело народного здравоохранения внесли ветераны медицинской службы в Ойротии Калмыков Д. И., Шилькин И. А., Алексеева З. Т., врачи Созыкина Т. С., Тарасова П. А., Любушкина В. М., Бородина Е. Д. Все они своим упорным трудом, чутким и внимательным отношением к людям завоевали себе огромную любовь и уважение среди широких трудящихся масс.

Женщина-мать и дети постоянно находятся в центре внимания партии и правительства. В области построено и работает 8 родильных домов, 11 консультаций, 54 детских сада и ясель, детская поликлиника и санаторий, много детских площадок. Дети, потерявшие родителей, находятся на полном государственном содержании в 8 детских домах.

На все это государство отпускает огромные средства. Бюджет области по здравоохранению за 25 лет увеличился в 208 раз.

Многодетным матерям в нашей стране оказывается материальная помощь от государства и большой почет. В Ойротии 260 женщин награждены орденами и медалями, 37 женщин с гордостью носят на груди звезды матерей-героинь.

Советская власть избавила трудящихся Ойротии от темноты и невежества. В корне изменился культурный облик алтайского народа.

Совсем недавно алтайский народ не имел даже своей письменности, если не считать попытки миссионеров в конце прошлого столетия перевести русскую азбуку на алтайский язык.

С приходом советской власти алтайский народ получил свою письменность и начал создавать культуру и искусство, национальные по форме и социалистические по содержанию.

Огромное развитие получило народное образование. Вместо не-

скольких миссионерских школ для детей зайсанов и баев. Сейчас в области работает 312 школ, в которых обучается 22.839 человек. Алтайских, казахских и смешанных школ в области более 100. На родном языке обучается 7.500 детей-алтайцев. Для учащихся, родители которых живут в далеких горных поселках, создано при школах более 30 интернатов, в которых содержится на полном государственном пансионе 1.600 детей.

Ойротия за четверть века своего существования превратилась в область почти сплошной грамотности.

Наряду со школами всеобуча в области работают специальные средние учебные заведения: педагогическое училище, рабфак, зооветтехникум, фельдшерско-акушерская и торгово-кооперативная школы, а также сеть краткосрочных курсов. Алтайская молодежь учится в вузах нашей страны и в аспирантуре.

На поприще народного просвещения работает свыше 1.300 учителей, из них более 300 алтайцев. Среди работников школ имеются хорошие мастера педагогического труда. За самоотверженную работу награждена орденом Ленина учительница школы № 12 города Ойрот-Тура Истигешева Е. И., орденом Трудового Красного Знамени — директор областного педагогического кабинета, депутат Верховного Совета СССР Шабуракова С. Н. Многие другие работники школ также имеют правительственные награды.

Советское правительство и большевистская партия не жалеют средств для того, чтобы создать необходимые условия для культурного развития и разумного отдыха трудящихся. В Ойротской области сейчас работают 10 домов культуры, 30 сельских клубов, 99 изб-читален, краеведческий музей, драматический театр, 35 киноустановок, 16 библиотек, имеется пионерский клуб, детская техническая станция и ряд других учреждений. Культурно-просветительные учреждения как в городе, так и в деревне являются центрами политического воспитания трудящихся масс, развития художественной самодеятельности алтайского народа.

Большим достижением алтайского народа является создание своего национального драматического театра, который вырос из небольшой студии, организованной в 1936 году. За 10 лет своего существования областной театр проделал огромную воспитательную работу. Он поставил свыше 600 спектаклей, которыми обслужил более 270.000 зрителей. Театр выезжал с постановками в самые отдаленные пункты области и показывал трудящимся лучшие пьесы русских и иностранных классиков, а также современных советских драматургов.

Большая заслуга театра заключается в том, что он воспитал значительную группу талантливых артистов из коренного алтайского населения: Алтарыкову, Быйхыева, Уксегешеву, Тыдыкову и других. Театр дал толчок для создания национальной драматургии и

явился центром ее развития. Пьеса «Чейнеш» алтайского драматурга Павла Кучияк пользуется огромной популярностью у алтайского и русского зрителя. В 1945 году на смотре национальных театров страны Ойротский национальный театр занял одно из первых мест.

В Ойротии создано и работает областное национальное издательство. По далеко не полным данным, оно издало более тысячи печатных листов различной литературы тиражом свыше 650 тысяч экземпляров. Издается политическая и научная литература, учебники для начальных и неполных средних школ. Алтайский народ, не знавший что такое книга, сейчас читает на своем родном языке труды Ленина и Сталина и научную энциклопедию марксизма-ленинизма — «Краткий курс истории ВКП(б)». Произведения Пушкина, Горького, Чехова, Крылова, Н. Островского, Шолохова и Маяковского переведены на алтайский язык.

С введением письменности на алтайском языке появились свои поэты и писатели. Крупнейшим поэтом, драматургом и прозаиком, а также неутомимым собирателем образцов алтайского народного творчества является П. В. Кучияк (родился в 1897 году и умер в 1943 году). Он за свою сравнительно короткую жизнь создал большое количество талантливых и высокохудожественных произведений. На алтайском языке издано 11 книг П. Кучияк, а на русском — 5. Сборник «Творчество народов СССР», изданный «Правдой», открывается поэмой П. Кучияк «Зажглась золотая заря». О Павле Васильевиче Кучияк алтайский народ отзывается так:

Возьмет ружье — охотник, возьмет тоншур — певец.
Положат грим — актер, возьмет перо — поэт.

Лучшей характеристикой П. Кучияк, пожалуй, трудно найти. В этих словах выражена любовь к человеку, который явился пионером развивающейся литературы возрожденного алтайского народа.

Вторым, не менее талантливым певцом-самородком алтайского народа является Н. Улагашев, награжденный орденом «Знак почета». Имея богатую память, Н. Улагашев за свою многолетнюю жизнь впитал в себя огромное количество народных былин, легенд, сказок, и все это донес до наших дней. Более двух десятков лет прожил Н. Улагашев при советской власти и, несмотря на свой преклонный возраст, он пел и о прошлой страшной жизни алтайцев, и о борьбе своего народа за свободу, и о строительстве социализма. Он с любовью пел о большевистской партии и великом вожде народов товарище Сталине. Много сказок, легенд и былин, рассказанных Н. Улагашевым, записано и издано. Скоро выйдет из печати на русском языке сборник его произведений объемом в 13 печатных листов.

Интересно пишет поэт и драматург Чот Енчинов. Его произведениями являются «Темир-Саана», «Ай-Тана»; интересны его лирические стихи «Расставание», «Май», «Новый Алтай» и другие.

Ему принадлежит честь перевода на алтайский язык гимна Советского Союза.

В молодую алтайскую литературу приходят все новые и новые люди. Молодой писатель Ч. Чунжекков дал уже два сборника детских сказок и рассказов. Книжку сказок написал Ябыков. В стихах и прозе пробуют свои силы начинающие литераторы Каланаков, Кочеев и другие.

В связи с развитием художественной оригинальной и переводческой литературы неуклонно совершенствуется алтайский язык. Уже сейчас имеется большая группа хорошо подготовленных авторов по составлению и переводу школьных учебников.

В настоящее время в Ойротии издается две областных и шесть аймачных газет, из них одна областная и три районных газеты выходят на алтайском языке. Кроме того алтайцы ежедневно слушают на родном языке областную, а в аймаках — местную радиопередачу.

За четверть века в области политической, экономической и культурной жизни алтайского народа произошли такие изменения, о которых не могли мечтать самые лучшие его представители в прошлом. Всего этого трудящиеся Ойротии добились под руководством большевистской партии и великого вождя народов товарища Сталина, при помощи великого русского народа и социалистического государства. Насколько велика помощь государства трудящимся Ойротии, наглядно видно из роста бюджета по одному лишь народному образованию, на которое в 1922 году было ассигновано и израсходовано 177.000 рублей, а в 1946 году — 20 миллионов 130 тысяч рублей, то есть в 119 раз больше.

В годы Отечественной войны тысячи лучших сынов и дочерей алтайского народа ушли в ряды Советской Армии. С оружием в руках они защищали честь, свободу и независимость социалистической Родины, зажиточную и радостную жизнь, которой добились в период сталинских пятилеток.

На фронтах Отечественной войны алтайцы-воины героически и умело уничтожали вражеские силы. В борьбе с коварным и злейшим врагом Родины они не жалели ни сил, ни жизни.

За героические дела, боевую доблесть и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами и японскими империалистами 16 воинам — офицерам и рядовым присвоено звание Героя Советского Союза, 1877 человек награждены орденами и 4678 человек получили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». 10 тысяч трудящихся Ойротии носят медали за освобождение крупнейших городов Советского Союза и столиц европейских государств от немецко-фашистских захватчиков.

Самоотверженно работали трудящиеся Ойротии в тылу. За годы

войны Ойротия дала государству 300 тысяч пудов мяса, 160 тысяч пудов масла, 140 тысяч пудов сыра, 80 тысяч пудов шерсти, несколько миллионов пудов зерна и других сельскохозяйственных продуктов, десятки тысяч теплых вещей и посылок для бойцов и офицеров Советской Армии и более 20 миллионов денег из личных сбережений. За доблестный труд в Великой Отечественной войне Советского Союза против фашистских захватчиков и японских империалистов десятки трудящихся Ойротии получили ордена, 7000 человек награждены медалями.

Героические усилия советского народа на фронте и в тылу не пропали даром. Под руководством большевистской партии и товарища Сталина мы одержали всемирно-историческую победу в войне с коварным, страшным и сильным врагом. Советский народ вышел из войны более сильным и сплоченным, еще выше подняв свой престиж на мировой арене.

Несмотря на самоотверженный труд советского народа, война, навязанная нашей стране немецко-фашистскими захватчиками, нанесла серьезный урон народному хозяйству. Это отразилось и на экономике Ойротии: в области произошло некоторое сокращение поголовья скота, посевных площадей. Понизилась продуктивность животноводства и урожайность колхозных полей.

Меньше чем через год после окончания войны вождь советского народа товарищ Сталин 9 февраля 1946 года на собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы в исторической речи четко и ясно изложил программу ликвидации последствий войны, указал путь дальнейшего движения нашей страны вперед, по пути завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

На основе указаний товарища Сталина большевистская партия и советское правительство разработали пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы, который утвержден высшим законодательным органом нашей страны — Верховным Советом Союза Советских Социалистических Республик.

Воодушевленные и вооруженные сталинской программой социалистического строительства, трудящиеся Ойротии с величайшим энтузиазмом взялись за хозяйственное и культурное строительство в условиях мирной обстановки.

В новой сталинской пятилетке трудящиеся области поставили перед собой задачу увеличить колхозное стадо на 160 тысяч голов, довести поголовье лошадей до 45 тысяч, крупного рогатого скота — до 80 тысяч, овец — до 525 тысяч голов. Расширить посевные площади за пятилетие по сравнению с 1945 годом более чем на 100 процентов, обеспечить получение средней урожайности зерновых культур по 12 центнеров с гектара и тем самым увеличить производство зер-

на на 2.800.000 пудов. Пятилетний план предусматривает увеличение тракторного и комбайнового парка на 100 процентов. Будет построена новая МТС в Шебалинском аймаке. Площадь, занятая под колхозными садами, расширится до 150 гектаров. Будут построены 35 колхозных гидроэлектростанций, 23 мельницы с крупорушками, 10 маслособойных заводов и др.

В послевоенной пятилетке мы должны добиться увеличения валового выпуска продукции предприятиями государственной промышленности на 400 процентов по сравнению с 1940 годом, а по предприятиям кооперативной промышленности—на 66,5 процента. В 1950 году кооперативная промышленность должна дать стране разных товаров более чем на 16 миллионов рублей.

Намечено заложить две шахты по добыче каменного угля Курайского и Кош-Агачского месторождений. За пятилетие будет построена шерстяная ткацкая фабрика с годовой мощностью переработки шерсти в 200 тонн, еще более будут механизированы процессы производства валяльно-войлочной фабрики. Значительно расширятся предприятия промысловой инвалидной кооперации. Будет построено 13 сырозаводов общей производственной мощностью по переработке 8700 тонн молока в год.

По дорожному строительству, транспорту и связи намечаются большие работы на Чуйском тракте, достройка трактов Ойрот-Тура—Чоя, Чибит—Улаган, Шебалино—Усть-Кап, капитальный ремонт существующих дорог на расстоянии 102 километров. Значительно увеличатся автотранспортные перевозки.

Для улучшения работы связи намечено проведение вторых телеграфных проводов, полный ремонт телеграфных и телефонных линий, телефонизация всех сельских Советов.

За первый год работы по выполнению послевоенной пятилетки трудящиеся Ойротии уже добились значительных успехов. Производственные программы 1946 года по выпуску валовой продукции промышленность области выполнила на 103 процента и дала стране сверх плана на 159 тысяч рублей продукции. Особенно больших успехов добилась горно-рудная промышленность. По Турачакскому и Акташскому рудоуправлениям годовой план значительно перевыполнен.

С начала второго года послевоенной пятилетки на предприятиях промышленности широко развернулось социалистическое соревнование за встречу новыми производственными показателями 25-летнего юбилея Ойротской автономной области, за выполнение и перевыполнение планов 1947 года ко дню XXX годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Колхозное крестьянство, воодушевленное постановлением Совета Министров и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушения Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», постановлением фев-

ральского пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» и Указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда и награждении орденами и медалями за получение высоких урожаев, развернуло борьбу за встречу XXV годовщины образования Ойротской автономной области и XXX годовщины Великого Октября высокими показателями работы во всех областях сельского хозяйства.

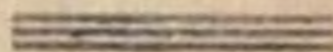
Колхозные животноводы борются за то, чтобы в 1947 году увеличить общественное стадо: по лошадям—на 3.500 голов, крупному рогатому скоту—на 4.400 голов, по овцам и козам—на 38 тысяч голов. От каждой фуражной коровы получить в среднем по 800 литров молока, а от каждой овцы—по 1,8 килограмма шерсти.

Колхозные полеводы борются за то, чтобы в текущем году собрать на полтора миллиона больше зерна, чем в прошлом году. Нет ни одного колхоза, где бы колхозники не взяли на себя конкретные обязательства по расширению посевных площадей, особенно пшеницы, и по резкому увеличению урожайности.

Взятые обязательства колхозники и рабочие совхозов и МТС подкрепляют практическими делами. В этом году значительно лучше колхозы и совхозы области провели зимовку скота и весенний сев. Засеяли больше прошлого года около 9 тысяч гектар.

В борьбе за возрождение алтайского народа всегда в передовых рядах находилась областная партийная организация. Она под руководством ЦК ВКП(б) вела трудящихся Ойротии от одной победы к другой. Десятки и сотни коммунистов на предприятиях, в колхозах, совхозах и МТС показывают образцы большевистского труда, ведут большую организаторскую и пропагандистскую работу, мобилизуют широкие массы на успешное выполнение плана послевоенной пятилетки, на подъем сельского хозяйства, на разрешение всех задач, поставленных партией и правительством перед Ойротской автономной областью.

И. Коломин.

Лейтенант Шуклин

День 20 июля 1942 года начался спокойно. С утра лейтенант Шуклин отправился в рощицу за соседней деревушкой. Там накануне были поставлены на ремонт орудия его батареи. Ежедневные бои сильно поизмотали орудия и, по заключению специалистов, они нуждались в срочном ремонте.

К полудню стала нарастать канонада на переднем крае. А в 12 часов дня к походной мастерской подъехал помощник командира полка.

—Предпринято наступление. Немцы располагают танками. Под руками у нас нет больше противотанковых орудий. Ваши орудия могут принять участие в бою?

Шуклин неуверенно пожал плечами, взглянул на мастеров.

Мастера отрицательно покачали головами.

—Разве только вот эта,—указал один из них на противотанковую пушку сержанта Акинщина.—Но она в таком состоянии, что из нее опасно стрелять, может разорвать дуло.

—Это у моей-то пушки!—обиделся Акиншин.—Не может этого быть. Я ее знаю, как самого себя.

—Поедемте, товарищ лейтенант!—обратился он к Шуклину.

Через несколько минут орудие, прицепленное к трактору, уже выехало на позицию. Ускакавший вперед Шуклин выбрал удобное место для боя. Рядом с ним был и командир взвода лейтенант Мальцев.

Орудие установили на небольшом кургане, с которого хорошо видно широкое поле колыхавшейся от ветерка поспевавшей ржи и далекий гребень возвышенности, за которой был враг. Ждать долго не пришлось. Скоро на гребне показались вражеские танки. Один за другим спускались они с холма и, подвывая под себя рожь, двигались прямо на позицию Шуклина.

Вот когдагодились Шуклину знания, полученные в артиллерийском училище и предыдущих боях. Быстро определено расстояние до танков. Установлен прицел. Шуклин отдал команду:

— Огонь!

Первый же снаряд попал в цель. Головной танк врага завертелся на месте, охваченный огнем. Сидя на коне,—так лучше было корректировать стрельбу,—Шуклин почти непрерывно командовал:

— Огонь! Огонь! Огонь!..

Когда был подбит третий вражеский танк, остальные, нащупав орудие, открыли убийственный огонь. Снаряды рвались совсем рядом. Пришлось переменить позицию.

Пока оттаскивали трактором орудие, разворачивались, немцы воспользовались заминкой и снова направили свои танки на курган Шуклина. Передний танк шел уже совсем близко.

— Романенко! — окликнул Шуклин наводчика. — Ударь разок по головному.

Дуло пушки, медленно поворачиваясь, нащупало танк. Раздалась команда, и через минуту длинные языки огня охватили застывший на месте вражеский танк.

Бой был напряженным. Под обстрелом врага приходилось несколько раз менять позицию.

Когда же впереди на ржаном поле уже дымился десяток подбитых танков, Акиншин взволнованно доложил:

— Товарищ лейтенант! Снаряды на исходе.

В тыл за снарядами был отправлен водитель трактора Осадчий. Бой продолжался. Разрывы вражеских снарядов выводили из строя людей. Осколком ранено в бедро лейтенанта Мальцева, подбито наводчика Романенко. У панорамы встал боец Куюмов.

Осадчий подоспел во время. Снаряды были уже почти все расстреляны. Почти сразу же Осадчего ранено в бок, и он свалился в рожь, теряя силы.

Когда на поле боя встал недвижимо, задымился двенадцатый вражеский танк, остальные повернули обратно. Но два из них остановились на возвышенности и с места повели обстрел орудия Шуклина. Приходилось еще раз менять позицию, а водитель трактора лежал без сознания. Что делать? Шуклин сам сел на трактор и перевез орудие на новое место.

В это время к Шуклину подъехал связной из штаба и передал благодарность командира дивизии.

Артиллеристы продолжали обстреливать врага. Подбиты были и два немецких танка, оставшиеся на возвышенности.

Теперь можно было передохнуть. Но не успели бойцы вытереть пот с лица, не успели подсчитать результаты своей работы, как из-за дальнего холма выкатились пять немецких грузовиков с пехотой. Меткими выстрелами были подожжены три машины, остальные две скрылись за холмом.

И вот в этот напряженный момент, перед появлением новых танков врага, орудие отказалось действовать — нарушилась полуавтоматика, перестал закрываться затвор.

Но уже слышался нарастающий рокот наших тракторов. Подтягивались из тыла новые орудия...

Лейтенант Шуклин облегченно вздохнул и, крепко обняв Аквишина, сознался:

— Жарко было, браток!

Сознавая, что он доказал свою верность Родине и на деле подтвердил свое желание до последнего вздоха защищать ее, лейтенант Шуклин в тот же день подал заявление о приеме его кандидатом в члены партии большевиков.

Отдохнув, Шуклин написал домой о первом поединке, выдержанном им, но, судя по письму, он не придавал большого значения своему подвигу. Письмо получилось коротким и даже сухим.

«Вчера одно мое орудие разбило и уничтожило 14 танков и 3 машины, — писал Илья. — В машинах находилось до сотни гитлеровцев. Приказ командира артиллерии мной выполнен, танковая атака отбита, противник был отброшен на запад».

Только позднее, после того, как его вызвал к себе генерал-майор и благодарил в присутствии полковых командиров, когда стали его навещать военные корреспонденты и писатели, расспрашивая о бое, Илья Шуклин понял, какой подвиг совершил он во славу Родины.

* * *

Впереди был Северный Донец. За ним лежала разоренная украинская земля, дымился в развалинах Донбасс. Там временно хозяйничали немцы. Украина и Донбасс ждали своих освободителей — воинов Советской Армии.

Часть готовилась к решительным боям.

Бойцы и командиры приводили в порядок оружие. Изнемогая от августовской жары, люди охотно утоляли жажду сочными сливами и ароматными яблоками. Фруктами их угощали девушки и ребятишки из окрестных, недавно освобожденных сел.

Наступление началось в конце августа. Враг оказывал сильное сопротивление. Немецкое командование переброси-

ло на этот участок фронта большое количество тяжелых танков. Наглые, уверенные в своей неуязвимости, фашистские танкисты пытались контратаковать наши позиции. И вот тут-то особенно много пришлось потрудиться артиллеристам.

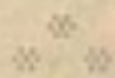
Батарея Шуклина сдерживала основной напор вражеских танков.

22 августа немецкие танки несколько раз пытались прорваться на участке, обороняемом батареей Шуклина, и каждый раз, напуганные метким огнем, поворачивали обратно. Артиллеристы работали с особенным усердием. Результат их работы был налицо: впереди дымились подожженные меткими попаданиями 7 тяжелых немецких танков. Шуклин руководил боем из блиндажа, где находился командный пункт.

Обозленные неудачей, немцы сосредоточили на батарее Шуклина огонь своей тяжелой артиллерией, направили группу бомбардировщиков. Артиллеристы стойко держались. Под ураганным огнем врага быстро меняли место, моментально пристреливались.

Но вот одна из бомб упала рядом с командным пунктом, в котором находился Шуклин. Блиндаж был совершенно разрушен. Бойцы бросились к своему командиру. Силою взрыва его выбросило из-под обломков и он лежал ничком, головой на запад, с широко разброшенными руками, точно хотел, умирая, сделать еще один бросок вперед, отнять еще хотя небольшой кусок родной земли у врага. На левой руке командира продолжали идти часы, подаренные Центральным Комитетом комсомола. На часах была надпись: «За нашу Родину».

После сражения тело старшего лейтенанта Ильи Захаровича Шуклина было с подобающими воину почестями похоронено в пионерском лагере недалеко от станции Святогорск. На могиле героя боевые товарищи установили скромный памятник. Поклялись, что отныне будут они беспощадно мстить врагу за смерть своего любимого командира.

Слава героев бессмертна. Имена народных героев навсегда остаются в сердцах их товарищей по оружию, товарищей по учебе, работе, борьбе, в сердцах всех, за счастье и радостное будущее которых они отдали свою жизнь.

«Отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей Родины», — говорил товарищ Сталин.

Одним из таких героев является погибший за Родину

старший лейтенант Илья Захарович Шуклин — славный воспитанник ленинского комсомола.

За геройство и мужество, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, Шуклин был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны первой степени и медалью «За оборону Сталинграда». Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР ему, уже посмертно, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Память о Шуклине будут хранить трудящиеся Ойротии, в которой он рос, учился, работал; школа, которая его воспитала; артиллерийское училище, научившее его мастерству артиллерийского боя; часть, в которой он сражался и погиб.

Томское артиллерийское училище гордится славным своим воспитанником.

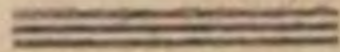
Молодые бойцы, поступившие в часть, в рядах которой сражался и погиб Шуклин, знакомятся с бессмертным подвигом героя. В списки части навечно занесено имя погибшего во славу Родины старшего лейтенанта Ильи Захаровича Шуклина. И теперь ежедневно, при проверке личного состава части, гордо и торжественно звучит имя нашего земляка:

— Герой Советского Союза, старший лейтенант Шуклин!
— вызывает командир подразделения.

— Погиб смертью храбрых в борьбе с немецкими захватчиками в бою под Святогорском! — слышится ответ...

Герой как бы незримо присутствует в своей части вместе с бойцами, вдохновляя их своими бессмертными подвигами.

К. Растегаев.

Жанбек Елеусов

Весна усеяла цветами окрестные горы. Зазеленели поля, подступающие к самому селу. В окнах колхозных домиков искрятся лучи весеннего солнца. И люди стали более подвижными и улыбчивыми.

Из открытых окон школы далеко слышен заливистый звон колокольчика. Распахнулись двери. Говорливой стайкой на крыльцо выбежали школьники, рассыпались по широким улицам села. После всех на крыльце появляется сухощавый, по-военному подтянутый молодой человек. Весеннее солнце находит на его груди маленькую золотую звездочку. Молодой человек идет вдоль села и дети провожают его любовными взглядами.

— Наш Жанбек Акетович идет!

Встречаются взрослые колхозники. Они почтительно здороваются с молодым человеком и потом долго смотрят ему вслед. И случись рядом кто-либо из приезжих, обязательно скажут:

— Наш герой! Слыхали, наверно? Ну, конечно же, как не знать Жанбека Елеусова...

По вечерам, когда исполнено все по хозяйству, а сон еще не манит на покой, односельчане любят побеседовать со своим учителем. Им уже до мелочей известна небольшая, но яркая жизнь Жанбека, но они снова и снова спрашивают его о боевых подвигах, о наградах, полученных им, о двух встречах Елеусова с немецким генералом: о встрече у командира дивизии, а до этого в бою, когда Елеусов взял генерала в плен. Но самым интересным слушатели признают форсирование Днепра, в котором особенно ярко проявилось мужество молодого воина.

* * *

Холодный осенний ветер седыми барашками пенит реку.

Как бы дрожа и негодуя, Днепр выплескивал мутные волны на отлогий несчастный берег.

По вечерам из расположенного недалеко леска на этот влажный от днепровских волн песок выходили советские бойцы. Поеживаясь от осенней сырости, молча подолгу глядели на высокие кручи правого берега. За рекой был враг. Требовалось накопить силы и средства, чтобы преодолеть могучий водный рубеж. В ожидании бойцы прикидывали глазами ширину Днепра, примечали особенности противоположного берега.

Среди этих бойцов был Жанбек Елеусов. Лучшему пулеметчику полка, командиру пулеметного взвода Елеусову исполнилось восемнадцать лет. Ему не терпелось поскорее переправиться через Днепр и вступить в бой с фашистами.

Приказ о форсировании Днепра был получен 12 сентября. Ночью началась переправа. Стрелковая рота лейтенанта Жихарева и приданный ей пулеметный взвод Елеусова устремились к правому берегу. Но немцы сосредоточили по храбрецам губительный огонь, сорвали переправу. Утром налетело огромное количество немецких самолетов и засыпало левобережье бомбами. Переправа была на несколько дней приостановлена.

Среди вернувшихся назад не было ни Елеусова, ни его взвода. Одиннадцать пулеметчиков последовали за своим юным командиром, прорвались через огневую преграду и вступили на правобережье Днепра. У них было 5 станковых пулеметов, много патронов и неиссякаемый запас решимости биться с врагом. Они закрепились у яра, тянувшегося параллельно Днепру.

Утром, чуть просветлела темень, немецкий батальон, державший охранение этого участка, предпринял наступление. Бой, не затихая, длился до ночи. Вторую ночь на правом берегу проводили уже только двое живых пулеметчиков — Жанбек и барнаулец Василий. Остальные девять были убиты. На другой день погиб и Василий. Жанбек остался один. Под прикрытием ночной темноты он отошел к самой крутизне днепровского берега, установил перед собой все пять пулеметов — по два на фланги, один вперед — и стал ждать третьего утра.

Немцы не заставили себя долго ждать. Низко пригибаясь к земле, точно боясь задеть головами поднимающийся над рекой утренний туман, немцы двинулись к храбрецу. Подпустив поближе, Елеусов встретил их пулеметным огнем. Немцы отошли. Они не могли понять, на что рассчитывает

этот единственный советский солдат, сопротивляясь им. Хриплыми голосами немцы кричали:

—Рус! Сдавайся! Ты будешь жить!

Елеусов только сплевывал от раздражения, отвечая немцам:

—Я и так живу. И буду жить. Выживи-ка ты!

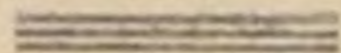
После краткого обмена мнениями друг о друге повторялись бесконечные, парализуемые Елеусовым, попытки подойти к пулеметчику и уничтожить его. Еще три дня Елеусов вел непрерывный бой с немецким батальоном. Три дня не спал, не ел, не пил.

Когда на пятый день полк переправился через Днепр, командир полка Герой Советского Союза Смирнов сам подошел, чтобы поцеловать и обвить Жанбека. Елеусов почти не в силах был подняться от усталости. Он лежал, сжимая опухшими руками рукоятки пулемета. Вокруг валялось более 60 вражеских трупов.

После короткого отдыха Елеусов снова впереди со своим взводом преследует врага. На двенадцатый день была форсирована Припять. В полк прибыл командир дивизия и поздравил Елеусова с присвоением звания Героя Советского Союза.

Высоко и незапятнанно держа честь звания Героя, Жанбек Елеусов—бывший колхозник сельхозартеля „Нацмен“, Усть Кавского аймака, всегда был первым в полку, участвуя в боях под Черниговом и Коростенем, под Житомиром и Ровно, в боях за освобождение своей любимой Родины.

К. Растегаев.

Сергей Налимов

Вся жизнь этого человека неразрывно связана с интересами народа. Сын крестьянина, Сергей Налимов с детских лет привык любое дело, за которое брался, выполнять обдуманно, обстоятельно.

До войны — животновод в родном колхозе, а потом и председатель сельхозартели „Горный Алтай“, Налимов ушел добровольцем в армию в августе 1941 года. В Бийске, куда явился Налимов, его, опытного артиллериста, отслужившего уже три года действительной службы, участника войны с белофиннами, определили наводчиком в артвзвод.

Долгий и нелегкий путь прошел Сергей Налимов по дорогам войны. Под Каширой, Коломной и Серпуховым, обороняя подступы к Москве, под Курском и западнее Сталинграда орудие Сергея Налимова метко и ощутительно било по врагу. Снаряды Налимова разили ненавистного врага под Белой Калитвой и Ворошиловградом, под Сумами и Черниговом, под Львовом и Глуховом.

* * *

8 октября 1942 года конногвардейцы генерала Белова начали свой тысячекилометровый марш на Юго-Западный фронт для участия в операциях по окружению Сталинградской группировки немцев. Двигались форсированным маршем, совершая в сутки по 70—75 километров.

К местам боев Налимов довез свою пушку в полном порядке. Лошади, несмотря на тяжелый переход, были здоровы и крепки.

19 ноября 1942 года был получен приказ Верховного Главнокомандования о переходе во всеобщее наступление. Ночью тысячи пудов металла были обрушены на головы немцев. После артиллерийской подготовки конники прорвали оборону врага и начали его преследование. Третья коро-

Левская дивизия румынской армии стала быстро откатываться, оставляя на дорогах свою технику, убитых и раненых.

Налимов едва поспевал со своей пушкой за уходившими вперед кавалеристами. Умаяв упряжных лошадей так, что в пахах пушистилась, застывая на морозе, пена, он сердито ругался:

— Ну, язви их, и солдаты! Ну и королевская дивизия. Чисто зайцы скачут, только пятки блестят. Не догонишь. Тьфу, — сплевывал он всерьдцах и укоризненно поглядывал на убитых румын.

Преследуя врага, за сутки продвинулись почти на 60 километров. К ночи вышли к большой казачьей станице Усть-Медведицкой. Здесь у противника был заранее создан крупный узел обороны, имелись танки, подтянутыми оказались резервы пехоты.

К полудню выяснилось, что немцы решили предпринять контрнаступление. После сильной артиллерийско-минометной подготовки, под прикрытием более чем сорока танков в контратаку двинулись отборные пехотные части немцев и румын.

— Спешиться и перейти к обороне! — получили команду кавалеристы.

Налимов выдвинулся со своей пушкой почти на 400 метров вперед за цепи спешившихся конников и прямой наводкой стал бить по наступающему врагу. Немецкие танки, построившись шахматным порядком, сумели подойти почти на 500 метров к батарее, убийственным огнем вывели из строя две соседние с Налимовым пушки. Тем большая ответственность легла на Сергея.

— Держись, братцы! — подбадривал Налимов бойцов.

Но те вряд ли слышали. До предела поглощенные боем, они видели только ползущие громады танков и мельтешившую в глазах пехоту немцев. Им, грешным делом, казалось, как впрочем и большинству бойцов, что основной своей силой враг обрушился на небольшой участок, обороняемый ими. Думалось, что исход боя зависит только от них. Не выстоят — и все будет проиграно. И это было очень хорошо, это придавало небывалые силы бойцам, обязывало их стоять насмерть.

Впереди уже горели три вражеских танка, подожженные снарядами налимовской пушки, а один подбитый танк стоял на месте.

Наступающие танки уже были так близко, что удар снаряда был слышен почти одновременно с выстрелом.

Еще один снаряд попал в цель, подбив гусеницу. Скре-

жеща и подпрыгивая, точно от злости, танк завертелся на месте.

Налимов громко и зло рассмеялся.

— Так, так, повертись маленько!

В душе у Сергея вдруг родилась уверенность и спокойствие. Ну, конечно же, сомнения нет, фашистам не пройти!

* * *

Внезапным налетом захватили села Половку и Ивановку. На деревенских улицах стояли подбитые и вполне исправные танки, орудия, брошенные впопыхах отступавшими румынами.

Налимов отдыхал, сидя на опрокинутом ящике. По-кавалерийски раскачиваясь на ходу, подошел вернувшийся из штаба командир взвода лейтенант Чернов.

— Вот какие дела, Налимов. Пойдем в обход. Лошадей придется отбирать спокойных, чтобы не шумели в пути. Надо будет до рассвета успеть зайти в тыл, а потом ударить неожиданно. Пушку возьмем с собой.

Ночь выдалась темная, светила только звезды, такие же крупные и яркие, как на Алтае.

Ехавшие впереди конники наткнулись на довольно глубокую степную речушку. Влево, по данным разведки, должен был находиться мост.

Проехали немного в этом направлении и вдруг услышали впереди какой-то неясный шум. Подъехали ближе. Стали ясно слышны людские голоса.

— Налимов! — тихо позвал к себе сержанта Чернов. — Я сейчас сам пойду вперед, выясню в чем дело. Приготовить пушку к стрельбе прямой наводкой и ждать.

Лейтенант исчез в темноте.

Ждать было томительно и неприятно. Нетерпеливо переминались выпряженные из орудия коня.

Вдруг внизу, где был мост, послышались два пистолетных выстрела, и еще больше усилился гул.

Почти бегом направился Сергей к колодезю. Скапая, шурша землей, вниз и опешил. Светлячками вспыхивали десятки карманных фонариков. Света их было достаточно, чтобы разобратся в обстановке: запрокинутые поперек моста обозные телеги, сгрудившиеся лошади, перекошенные злобой лица ездových. На мосту застрял крупный неприятельский обоз и при помощи карманных фонариков офицеры-интенданты пытались разобратся в обстановке.

— Что делать? — возник перед Налимовым вопрос. Но

уже в последующую минуту он решился. Там был его командир, и он должен притти на выручку ему.

Сергей ворвался в самую гущу обозников, точно палицей, круша их прикладом и расстреливая из карабина.

Выстрелы и истошные вопли раненых: „Рус! Рус!“ еще больше усилили панику в обозе.

На Налимова набросились четыре румынских солдата, пытавшихся живьем взять храбреца. Патронов больше не было. Некоторое время Сергей отбивался от наседавших румын прикладом.

— Налимов! Налимов! Ко мне! — слышался где-то левее голос Чернова.

Выхватив кинжал, Сергей при его помощи стал прокладывать себе путь к лейтенанту.

Вскоре вверху слышалось, скатывающееся вместе с людьми вниз, громкое:

— Урра-а-а!

Перепуганные румынские обозники с места прыгали в реку, стараясь спастись от этих, неизвестно откуда появившихся русских.

Бой закончился, когда стало светать. В сероватой предутренней мгле уже видны были повозки, груженные доверху военным имуществом, испуганно косящие глазами, переминавшиеся с ноги на ногу лошади с оборванными построумками, трупы чужих солдат. К лейтенанту подвели группу пленных солдат и офицера-интенданта. Подошел сержант Сидоренко. Доложил:

— Насчитано 30 повозок, 40 исправных лошадей, да более ста убитых солдат.

На востоке над степью занималась заря, роняя розоватые отблески на поверхность тихой реки.

* * *

В тылу у немцев находились почти весь месяц. Рвали важнейшие коммуникации, уничтожали склады, подрывали дороги, освобождали населенные пункты, по-своему наводя там порядок.

Почти месяц не видели хлеба, питались лепешками, испеченными прямо в золе костров на коротких привалах. Совсем не видели соли. Много тягот вынесли на своих плечах, забывая обо всем этом, ради одного — желания как можно лучше, точнее выполнить приказ.

Дни, сменявшие бессонные ночи, приносили новые бои с врагом.

Неудержимой лавой, несущей на своих клинках смерть

врагу, продвигались конники по широким привольным донским землям, в строгом соответствии со стрелой, тщательно вычерченной на карте офицерами штаба.

Когда уже был получен приказ о выходе из рейда, немцы сосредоточили вокруг советских конников большие силы, стараясь во что бы то ни стало уничтожить их, не дать уйти к своим.

В непрерывных боях часть потеряла почти всех лошадей. Продвигались в пешем строю, с боями пробивая себе путь. Измученные и выбившиеся из сил батареицы на руках перекатывали свое орудие по опаленной боями земле.

Наконец до расположения своих частей осталось чуть побольше трех километров.

Ночью переходили линию фронта. Ползти приходилось через полосу сплошного огня и свинца. От ракет и трассирующих пуль было светло, как в хорошую лунную ночь.

Тащить с собой орудия было невозможно. С них сняли замки, вывели из строя. Точно с любимой девушкой, прощались батареицы с пушкой. Сколько верст прошла она с ними по дорогам войны, сколько раз своей безотказной службой выручала в тяжелых случаях эта до мелочей, до осколочной царапины на щитке, знакомая полковая пушка.

Три часа ползли бойцы под огнем врага, все сокращая расстояние, отделявшее их от своих. Переползая по-пластунски, Налимов тащил на себе тяжело раненного в бедро земляка Игната Семенова. До войны Семенов был председателем колхоза им. Сталина в селе Камлак, Шебалинского аймака. Ползти было мучительно тяжело. Сергей выбился из сил. Припадая лицом, пересохшими губами схватывал снег, чувствовал как что-то теплое просачивается сквозь одежду ему на ногу.

„Кровь, — думал Сергей. — Этакую уйму крови теряет парень. Хотя бы выдюжил“.

И он снова, напрягая силы, приподнимался на локтях и полз.

Десять, двадцать метров преодолевались с большим трудом, а затем силы снова оставляли его. И снова он тяжело опускал голову на снег, слушая, как, точно большая птица в клетке, бьется сердце.

„И откуда такая тяжесть в раненном человеке, — думал Сергей. — Крови столько теряет, а легче не становится“.

Как бы угадывая мысли товарища, скрипя от боли зубами, Семенов просил:

—Сережа! Дорогой! Брось ты меня, ради бога... Не дотянешь. Сам только замаешься....

Но слова эти удваивали силы Налимова. Он приподнялся и снова полз вперед.

26 февраля вышли к своим. Радости не было предела.

Сергей склонился к лежащему на плащпалатке Семёнову.

—Не унывай. Сейчас тебя в госпиталь направят. Подремонтируют, домой поедешь. От меня и других ойротцев родной земле кланяйся низко... За ногу не бойся. Еще плясать будем. Отвоююсь — обязательно к тебе заверну, ташаур араки разошьем. Теперь ты у меня в долгу.

Благодарная улыбка пробежала по усталому лицу Семёнова.

Обманчивая тишина ночи нависла над широким Днепром. На той стороне, на высоких кручах укрепились немцы. Они считали Днепр неодолимой преградой и спокойно отсиживались в укрытиях, изредка для острастки разрывая тишину залпами.

На левом отлогом берегу реки под покровом ночи накапливались силы русских, шла подготовка к переправе.

Налимов по-хозяйски еще раз осмотрел работу своего расчета. Пушка была установлена на две резиновых лодки, под нее подмостили жерди и установили пять ящичков со снарядами. Лошади оставались на этом берегу.

Батарейцы проплыли десятка полтора метров, когда немцы забили тревогу. Над головами повисли пачки ракет, начался ураганный огонь. Сверху при свете ракет немцам было хорошо видно все происходившее на воде и удобно вести обстрел.

От снарядов и мин вода кипела в берегах. Мимо налимовского плотика проплывали вниз по течению обломки разбитых плотов, трупы убитых. Несколько мин разорвалось совсем рядом, и Сергея окатило холодной водой.

Низко, почти над самыми головами, пронеслись немецкие самолеты, сбрасывая бомбы и поливая пулеметным свинцом. Правее и левее Налимова бойцы соскакивали с разбитых плотиков в воду и плыли, держась за обломки. Плыли на правый берег, туда, где враг.. За некоторыми тянулась полоска воды, окрашенной кровью.

Но самое главное и трудное началось потом, когда бойцы, выбравшись на узкую песчаную отмель правобережья, мокрые и усталые пошли в бой.

Ночь, утро и весь день до темна бойцы сержанта Налимова вели огонь по врагу, на руках перекатывая орудие в наиболее опасные места. За день они подбили несколько танков, подавили немало огневых точек и уничтожили сотни немецких солдат.

Вечером переправили и подали расчету лошадей. Стало значительно легче. Но бой не прекращался ни днем, ни ночью. Немцы не хотели смириться с мыслью, что русские преодолели неприступный водный рубеж.

Советская Армия, перешагнув Днепр, прочно закреплялась на отвоеванном плацдарме и шла дальше.

* * *

Свет от настольной лампы падает на раскрытые списки курсантов Шадринского краснознаменного кавалерийского училища имени Первой Конной Армии. Против фамилии курсанта Сергея Налимова — отчерченная ногтем птичка.

Дверь раскрывается и в кабинет подполковника входит, показывая отличную выправку, курсант.

— Товарищ подполковник, курсант Налимов прибыл по вашему приказанию.

— Вот вам земляки письмо прислали, — говорит подполковник — Благодарят зато, что хорошо воевали, не уронили чести алтайцев.

Улыбка скользит по лицу курсанта. Он еще более подтянулся, щелкнув каблуками, отчеканил:

— Служу Советскому Союзу!

В электрическом свете искрилась граненая золотая звездочка на его гимнастерке и чуть ниже на муаровой ленте — орден Ленина.

* * *

Успешно окончив обучение в Шадринском краснознаменном кавалерийском училище, Налимов, уже в качестве офицера — командира артиллерийского подразделения, продолжал воевать с немцами, все дальше и дальше продвигаясь на запад. Тяжелое ранение заставило его покинуть армию, когда уже шли бои за Кенигсберг.

Домой он возвратился героем. Грудь его украшали ордена и медали. Но это был все тот же простой и общительный человек, которого знал и уважал каждый колхозник за правдивость и трудолюбие. Его избрали председателем правления колхозники сельхозартели „Путь Ленина“, Шебалинского аймака. Тяжелое состояние здоровья не помешало Налимову с энергией приняться за укрепление

колхоза, одного из самых крупных в районе. Колхоз, руководимый героем, имеет семь различных животноводческих и птицеводческих ферм, пасеку в 146 пчелосемей, питомник черносеребристых лисиц. Машинный парк артели состоит из двух автомашин, тракторной и двух конных молотилок и большого количества разного другого инвентаря.

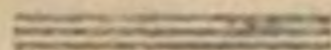
Славный военный и трудовой путь послужил основанием трудящимся Шебалинского и Эликманарского аймаков для избрания Сергея Венедиктовича Налимса депутатом Верховного Совета Союза ССР.

Армейская выправка и привычки сохраняются в человеке надолго. Поэтому и сейчас, когда кто-либо, ознакомившись с работой колхоза, хвалит ее, Налимов по привычке встает, опуская руки по швам, готовый ответить: „Служу Советскому Союзу!“ Потом, спохватившись, широко улыбается и, разводя руками, совсем по-граждански говорит:

—Стараемся помаленьку.

И он действительно старается всей своей работой, поведением и жизнью с честью оправдать высокое доверие народа и звание Героя Советского Союза.

К. Растегаев.

Наказ матери

У Степаниды Маскаевой из села Дмитревка, Турачакского аймака, всего девять детей. Пятеро из них в годы Отечественной войны находились на фронтах, грудью отстаивали Родину от фашистских поработителей. Из коротких и скупых сообщений, которые между боями успевали послать сыновья, Степанида знала, что ребята ее воюют неплохо.

Но материнское сердце никогда не находило покоя. Думы и заботы о детях не покидали ее. Особенно часто Степанида Маскаева вспоминала своего Михаила, до войны работавшего в селе избачом. „Парень он умный, дельный, но горяч. Характером такой. Направится по верному пути — хорошо, собьется в сторону — не остановится во-время“, — думала мать.

И вот сентябрьским вечером Маскаева пишет наказ своему Михаилу и командиру части. Просит генерала поприглядеть за ее сыном, направить его, если что, на путь истинный.

В письме к сыну были такие строки: „... Свято выполняй наказ мой, не посрами семью Маскаевых. Передай всем бойцам и командирам горячий материнский привет. Громите врага беспощадно, до победы“.

Ответ ей писали уже всей частью. Бойцы и командиры сообщили ей, что о сыне она беспокоится совершенно зря. Сын ее уже стал прославленным разведчиком, командиром разведывательной группы захвата в роте.

Михаил Маскаев был одним из самых талантливых разведчиков не только своей части, но и всего фронта.

Многие разведчики стремились перенять особый маскаевский опыт захвата „языка“.

На личном счету Маскаева числились десятки доставленных в часть особо важных „языков“. Слава о бесстрашном

разведчике гремела по фронту. Каждому, кто прибывал в часть, рассказывали о нем. Политотдел армии выпустил специальную листовку: «Слава русскому солдату!», в которой рассказывал о боевых подвигах Маскаева.

Однажды на фронт прибыла делегация трудящихся. Командир дивизии представил делегатам Маскаева, как первого классного мастера разведки.

— А нельзя ли посмотреть, как он работает? — попросили делегаты.

— Нет, — усмехнулся командир, — этого сделать нельзя. Но если вы хорошо попросите самого Маскаева, он, пожалуй, достанет вам к утру свежего „языка“.

После разговора Маскаева с делегатами командир дал разведчику задание доставить к утру контрольного пленного.

Утром делегаты были разбужены рано. К ним явился утомленный, но довольный успехом разведчик, а рядом с ним стоял, растерянно мигая глазами, ошеломленный немецкий офицер.

Маскаев уже командовал отдельной разведывательной ротой, когда он впервые „уклонился“ от прямого и точного выполнения приказа командования.

Согласно приказу командира дивизии рота должна была пройти в тыл врага, разведать линию обороны, огневые точки и коммуникации противника, вернуться и доложить о результатах. Задание было выполнено. Но когда маскаевцы возвращались назад, услышали они из-за колючей проволоки стоны и плач.

Стремительным и неожиданным ударом обрушились маскаевцы на оборону немцев, произвели панику и разбили врага. Из-за колючей проволоки концентрационного лагеря были освобождены 8 тысяч жителей Витебска. Маскаевцы повели их в расположение своей части. Впереди этой большой и необычной колонны бойцы несли на носилках своего тяжело раненного в бою командира.

.. Когда возмужавший и изменившийся на фронте Михаил возвратился после тяжелого ранения домой, мать, радостно вскрикнув, бросилась к сыну.

— Постой, мама, — остановил ласково Маскаев, — уронишь, ведь, я теперь не совсем прочно стою на земле...

На его гимнастерке сияли ордена и медали. Мать насчитала их одиннадцать. Золотая граненая звездочка Героя Советского Союза искрилась в слезинках, мутивших глаза матери. Вспомнив о своих думах и волнениях, о наказе сыну, посланном на фронт, мать тихо сказала:

— Спасибо, родной!

К. Растегаев.

Балтийский моряк

Ледяные волны Балтики перекатывались через палубу торпедного катера. Мороз крепчал. Соленые брызги моря, обдавая с ног до головы, быстро замерзали. Покрылась тонкой хрустящей коркой одежда, стыли руки и лица. Сильный встречный ветер и килевая качка затрудняли работу моряков.

К командиру орудийного расчета комсorghу Валентину Андрусенко подошел молодой краснофлотец Михайлов.

—Товарищ старшина, — обратился он, — разрешите спуститься в кубрик погреться.

Старшина спокойно оглядел моряка. От него ничто не ускользнуло: ни заледеневшая коркой одежда, ни посиневшие от холода руки, вытянутые по швам, ни ледяные сосульки на бровях. Было ясно, что парень действительно замерз. Но разве сам командир не мерзнет, разве другим морякам, работающим на палубе, жарко?

Андрусенко спокойно сказал Михайлову:

—Значит, желаешь отогреться? А боевое задание? Посмотри на Володина, думаешь ему не хотелось бы в теплый кубрик?

Краснофлотец Володин стоял „вперед смотрящим“ на баке. Он был зорек в эту штормовую погоду. Вглядываясь вперед, он время от времени отирал водяные брызги с лица рукавом бушлата.

Михайлову стало неловко за свою минутную слабость.

—Простите, товарищ старшина. Я не пойду греться.

* * *

—Если хочешь быть настоящим моряком — привыкай к испытаниям, закаляйся, совершенствуйся, учись, — неуставно твердил своим краснофлотцам старшина I статьи Валентин Андрусенко. И молодые комсомольцы-катерщики с уваже-

нием слушали советы своего комсорга—бывалого моряка-балтийца.

На боевом катере любили и уважали Андрусенко все. Его жизнь была еще не велика годами, но богато насыщена славными делами. Все знали, что этот молодой высокий (на голову выше других) и крепкий сибиряк, с правильными чертами крупного лица, чуть поджатыми, точно в упрямстве, губами, не раз хватил соленого до слез горя. Но это не сломило его воли к жизни и борьбе, а только закалило его.

Валентин начал свою службу летчиком. Более пятидесяти раз стрелок-радист Андрусенко вылетал на бомбардировщике в небо над Ленинградом. В один из последних вылетов он подбил немецкий „Мессершмидт“, но сам был тяжело ранен и контужен. Мужественно перенес операцию, он снова вернулся на Балтику, но уже не в авиацию, а на корабль. Морской охотник—торпедный катер, на котором служил Андрусенко, геройски участвовал в боевых операциях в Выборгском заливе, под Таллином и Палдиски, под Виртсу и в боях за остров Даго. Всюду Андрусенко был смелым и решительным моряком.

В боях с немцами Андрусенко получил 5 тяжелых ранений, несколько контузий, перенес 4 серьезных операции. И всякий раз после этого он возвращался на корабль с еще большей решимостью бить врага. Он был жизнерадостен, прямолинеен и прост. В часы досуга пел душевные песни или рассказывал ребятам юмористические рассказы. Во время подготовки к боевым операциям был спокоен.

Меньше всего он любил говорить о своих боевых подвигах, считая, что скромность—неотъемлемая черта характера советского моряка.

*
* * *

Немцы закрепились на последнем клочке советской земли, в Эстонии—на острове Эзель. Днем и ночью кипели бои. Моряки не давали врагу ни на час передышки. Но сил было мало и следовало подбросить на остров десант. Старшине I статьи Андрусенко на этот раз поручили командование десантной шхуной.

После быстрых и стремительных катеров условия на шхуне были совершенно иными. Шхуна раздражала своей медлительностью и неповоротливостью. По морю она шла со скоростью черепахи. Мишень для вражеских снарядов—крупная. На борту шхуны был отряд бойцов, орудия, боеприпасы. Все это надо было доставить на остров.

Немцы заметили в сумерках шхуну и открыли по ней

огонь. Пристрелялись. Учитывая особенности артиллерийской стрельбы, Андрусенко смело вел шхуну к берегу. Шхуна лавировала между столбами воды от вражеских снарядов, рвавшихся совсем рядом. Невдалеке от берега корабль все же попал в огневой мешок. Один из снарядов угодил в корму, и шхуна остановилась.

Тогда Андрусенко влез на мачту и оттуда, чтобы сквозь грохот и шум слышали все, крикнул:

— Кто хочет жить и победить — за мной!

С тяжелыми автоматами и гранатами за поясом бойцы бросились в ледяную воду иплыли к острову под обстрелом врага. Девяносто человек, мокрых и страшных в своей ярости, выбравшись на берег, бросились в атаку. Пока моряки удерживали отвоеванный плацдарм, на берег были доставлены орудия и весь остальной груз шхуны.

Дважды в эту ночь водил Андрусенко свою шхуну к острову. Она доставила туда более четырехсот десантников, которые оттеснили немцев и решили исход ответственной операции.

Вскоре остров Эзель был полностью очищен от немцев.

За отвагу, мужество и личный героизм, проявленные в бою, Валентину Андрусенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

Величайшая скромность — основное в характере Андрусенко. О своих славных боевых подвигах, как и о присвоении звания Героя Советского Союза, Валентин коротко и просто сообщал в письмах к матери. Полные сыновней любви, они приходили от берегов Балтики на Алтай, в село Усть-Кан. Сообщая о своей встрече с воспитанниками московских ремесленных училищ в Колонном зале Дома Союзов, где он был с контрадмиралом дважды Героем Советского Союза И. Д. Папаниным, Валентин писал матери и сестре Марии в январе 1945 года:

«Я счастлив, что мог своим верным служением Родине поддержать высокую честь советского моряка. Думаю, что и впредь буду так же верно и преданно служить Родине. Обо мне, дорогие, не беспокойтесь. Впрочем, когда будете праздновать Победу, которая уже близка, поднимите первый бокал вина за меня и моих боевых друзей-моряков, за тех, кто в море».

К. Растегаев.

Собрание в Кош-Агаче

В областном центре задумали хорошее дело. Все это лето здесь много перебивало всяких комиссий и специалистов, чтобы разобраться в нуждах и недостатках местного животноводства, и в общем разобрались как будто,—а вот не было еще сделано одного: не выслушали пастуха. Что он скажет? О чем попросит? Пастух же в горной Ойротии —главное действующее лицо. И особенно велика его роль в самом далеком районе, Кош-Агаче, где стада круглый год проводят на пастбище или «тебенюют», как здесь говорят, то-есть ходят в табунах, на подножном корму, не только летом, но и зимой.

Задумано—сделано. Голубенькая „эмка“ пустилась в трехдневный путь к Кош-Агачу, пересекая по диагонали всю область, крохотную на материке Сибири, но равную по числу квадратных километров целой Венгрии.

Навстречу нам все громче шумели горные речки, все круче перевалы, все ярче и выше цветы и травы, розовые поля кипрея, синие поля аконита, черно-синие ковры корона, а на одном из перевалов, Чике-Таманском, забелели пушистые звезды редчайшего горного цветка—эдельвейса. В Швейцарии он цветет одиноко над пропастями, и чтобы сорвать его, альпинисты частенько рискуют головой,—а тут, неведомый никому, красавец эдельвейс разросся целой семьей, и мы, глазам своим не веря, рвали его в огромные букеты.

Был конец лета, а запах земли пьянил,—так медоносны здешние лесные доливки, „елани“. Сравнить силу и глубину впечатления от земли, от красок, от звуков, от запахов горной Ойротии ни с чем нельзя, природа все здесь устроила на «превосходную степень». Можно только сказать, что в этой жемчужине Сибири сочеталось лучшее, чем горд Тироль,—лесные ущелья, горные реки, водопады,

—с лучшим, что есть у Швейцарии, — озерами, снеговыми вершинами («белки», по местному) и долинами цветов.

Чем выше забирались мы, тем больше отступало от нас дерево: сперва сдали сосны, не выдержав высоты, потом береза переродилась в так называемую полярную карликовую березку, да и та скоро исчезла. Дольше удержалась шершавая, светлозеленая, обомшелая лиственница, но на Семинском перевале отступила и лиственница, остался один царственный кедр с могучими мохнатыми, отягощенными шишкой, ветвями, — „бабушка Алтая“, по любовному определению алтайского эпоса.

На полупустынной равнине Кош-Агачского аймака — только солончаковые пучочки грубой и серой, как сама земля, травы. Вокруг на горизонте — кристаллы голых гор, расцвеченные фиолетовым, голубым, пунцово красным. Нигде ни кустика. Кош-Агач на местном языке означает: „Прости, дерево“, — одно единственное дерево растет здесь. Забвеньем пахнет полынь.

А жизнь кипит, — широкая улица с шумным движением местного транспорта — верблюдов и маленьких мохнатых лошадок под высокими алтайскими седлами. Пешком не ходит никто, все тут ездят верхом, и древнейшие старухи гарцуют на лошадях, как влитые в седла.

На границе пустыни Гоби, на высоте двух с четвертью тысяч метров, здесь, как и в каждом советском районном центре, спешат верхом люди с портфелями в райсовет. Открыта дверь в уютную столовую, убрана книгами витрина, работает типография, возвращаются ребята из школы, несет почтальонша новые газеты и журналы в отличный парткабинет, — она здесь, как и всюду на Алтае в дни войны, выполняет огромную культурную функцию — сразу и библиотеки, и читальни, и лекционного зала, и консультационного бюро, и места для собраний, занятий и учебы.

Взглянув на забор перед зданием парткабинета, наш спутник сказал: «Чабаны уже в сборе!» В самом деле, множество маленьких лошадок, запыленных по брюхо, было привязано к забору: извещенные по телефону, люди съехались на собрание со всего аймака.

Сталинская Конституция в ее историческом действии — это прежде всего сам человек, то, чем он стал, по сравнению с тем, чем он был, — и это особенно ярко видишь на отдельных наших народностях, до революции бесправных.

Алтаец, именующий сам себя „алтай-кижи“, то-есть „житель Алтая“, по мнению Марра, — древнейший человек вми-

ре, протоазият, предшественник всех азиатских рас. Много племен составляют сейчас то, что мы называем алтайской народностью. В Кош-Агаче живут преимущественно теленгиты, а бок о бок с ними — родственные алтайцам казахи.

До революции кто только не помыкал алтайцем, — он был в плену у собственного бая, его обирал свой шаман, он был опутан царскими чиновниками, миссионерами, купцами, кулаками. Рубаха гнила на нем, не снимаемая до последних дней жизни; женщина не смела скинуть тяжелой одежды „чегедек“, навсегда одеваемой на нее после замужества. Только ничтожный процент ребятишек выживал от болезней, у алтайцев зеленою сочилились изъеденные трахомой глаза, их донимали нищета, грязь, инфекции.

А сейчас бывший бесправный батрак-пастух стал хозяином богатейших пастбищ. В Ойротии 14 клубов, 590 красных уголков, 10 районных библиотек, 10 домов культуры, 116 изб-читален, свой прекрасный национальный театр, своя драматургия, начало которой положил покойный советский писатель Кучвяк, первый поэт и романтик Ойротии.

И человек, чье лицо веками носило защитную маску приниженности, приbedненности, непротивленья, человек, прятанный в сутулости, молчаливости, робости все своеобразие, весь многовековой наследственный дар своей национальной пластики, всю свободу своего национального жеста, расцвел и развернулся при советском строе не только морально, но и пластически.

Мы входим в узкую и длинную залу парткабинета. За столом, уставленным графинами со свежим белым, отраднокисленьким в этот знойный день, кумысом, собрались знатные кормачи и чабаны, а вернее, кормачи и чабанки, потому что война и здесь на первое место в тылу выдвинула женщин.

При слове „пастушка“ мы привыкли представлять себе нечто очень юное, зарю девичьей жизни. К этому приучило нас искусство XVIII века с его пасторалями в музыке, живописи и поэзии, еще звучавшими в ранних стихах Пушкина. А здесь, рядом с молодыми пастушками, есть семидесяти—восемьдесятiletние старухи, опыту которых доверены самые трудные пастбища. Они сидят в остроконечных пирамидальных шапках, обшитых по краю барашковой кромкой: из-под шапок свисают у них две длинные, табачного цвета, не успевшие посесть косы. Эти старческие косы кокетливо заплетены ремешками, украшенными маленькими, завезенными из Индии, раковинами, и заткнуты за широкий пояс справа и слева. Худенькие, смуглые, ставшие сухими

и блестящими от солнца и ветра, лица, узкие, бездонно-глубокие монгольские глаза, беззубые старушечьи рты с неуловимо деликатным, почти детским, выражением, и на этих лицах играют веки. Именно играют, — семидесятилетняя старуха-чабанка так тонко, с таким юмором вскидывает и опускает их, отвечая на ваши вопросы, что вы через эту величавую страницу времени, через письма этого лица угадываете новую, не известную вам доселе форму человечности, внезапно открывающуюся в живом жесте ярче и понятней всякой книги. Глубоким внутренним достоинством дышит этот жест.

У старой чабанки сын и внук на фронте, и сейчас она, медленно раскуривая трубку и внимательно сблизив брови, слушает по радио последнюю сводку.

Курят все, даже молоденькие девушки. В синем дыму каким-то изваяньем кажется знатный верблюжатник, казах Кадыр Ачубаев, почти сомкнувший узкие, косые глаза, вскинувший ястребиный профиль с кудреватым клином дымчатой бородки, весь остроконечный — от шапки до кончика сапог.

Все это — люди большой советской культуры, не раз бывавшие в Москве на сельскохозяйственной выставке, отличные советчики, с которыми стоит поговорить.

И беседа в самом деле оказалась на редкость поучительной.

Маленькая Ойротия хоть и похожа на Швейцарию, а все же — Сибирь, страна сухого, резкого, холодного континентального климата, с непрерывной сменой атмосферного давления, изнашивающей не только сердца людей, но и сердца овец и коров.

В животноводстве Ойротии есть свои разделы, которых нет в Швейцарии, — верблюдоводство, мараловодство. И скот здесь, выдержав многовековую борьбу с климатом, приспособился, закалился, приобрел свои качества — за счет других качеств, — силу и крепость в ущерб молочности. Сибирская корова дает, правда, меньше молока, чем симменталка, но она прекрасно зимует там, где симменталка гибнет, и не требует забот и ухода, как эта последняя. Овца местной породы дает, правда, грубую шерсть, но зато она во много раз выносливей меринуса, неприхотливей его и может нагуливать много жира.

Старухи-чабанки отлично понимают всю диалектику происходящей борьбы за животноводство, отлично разбираются в принципе районирования. Одна из них, вставляя па-

пиросу, которой угостили ее, в свой чубук, сказала с неподражаемой восточной вежливостью:

— Ты говоришь о том, что мало молока у наших коров и мало шерсти у наших овец. Сколько знаю, — больше от других слышала чем сама. знаю, — направление нашего скотоводства в Кош-Агаче мясное. Наши коровы пасутся — нагуливают мясо овцы нагуливают жир. Овчина алтайской овцы очень хорошая, хотя шерсть грубая. Меринос у нас гибнет. Надо сохранить нашу алтайскую породу.

Другая на вопрос о том, в чем заключается хорошее качество пастушьей работы, ответила нам:

— Хорошо пасти — значит хорошо ходить. Чтоб овца жирела и шерсть на ней густела и становилась мягче, нужно выцас разбить на клетки, и когда пасешь, менять эти клетки, давать в течение полутора месяцев каждой клетке отдохнуть, а уже потом возвращаться на старое место.

Иначе сказать, хороший чабан должен быть в своем роде землеустроителем, провести „пастбищеустройство“ и сделать это не при помощи реек и геометрии, а при помощи собственных ног и памяти.

Алтайская речь удивительно образна, переводчик невольно упрощал ее и огрублял. Это было особенно жаль, когда речь на собрании зашла о пастухе и его нуждах. Пастух здесь — самый нужный и ответственный человек. Ему колхоз поручает стадо, — то есть и свой долг государству, и хлеб насущный, и зажиточность завтрашнего дня. И вот, уходя зимою на тебевевку, пастух долгие месяцы проводит вдали от родной юрты, в безмолвии морозных, пустынных пространств: он становится одиноким „человеком у костра“.

— Город, не забывай человека у костра! — воскликнула одна из чабанок. — Мы долгие зимние дни и ночи охраняем твой завтрашний день, бережем и пасем скот, но ведь надо позаботиться и о нас! Чем жив человек у костра? Три вещи нужны ему, и без этих трех вещей одиночество еще глубже, работа его еще труднее, мороз для него еще холоднее.

Она подняла узкую, коричневую, старческую руку и по пальцам сосчитала.

— Первая вещь — металлический котелок. Вторая вещь — кок-чай. Третья вещь — соль.

Нашим торговым организациям нужно прислушаться к этим словам и засылать в Ойротию не рассыпной, а плиточный зеленый чай.

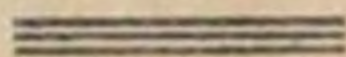
И еще одно: дозарезу нужен Ойротии свой ветеринарный институт, подобный ветинституту в Ереване, куда при-

езжают советоваться чуть ли не со всего света. Быть может, силами и кадрами этого института следовало бы открыть в Ойрот-Тура хотя бы его филиал и создать при нем лабораторию для выработки вакцин.

Закончилась беседа торжественной частью, — лучших чабанок премировали: кого ягненком, кого телкой или жеребенком. Разъезжаются люди, все меньше лошадей остается у забора. Подкатила к ступеням и наша вычищенная голубая „эмка.“

Невероятный закат обливает горы. Машина мчится вниз под пение горной речки, сливающегося с рокотом мотора. Мелькают молочно-розовые зеркальца небольших озер. Умные утки ниточкой плывут подалее от ружья, к соседнему берегу. Небо, горы, одиночество этой пустынной земли в ее острых, незабываемых контурах, такое тонкое, тончайшее, словно пером нарисованное по кисее, становится вдруг открытием: понимаешь, откуда взялось монгольское изобразительное искусство. Мы считаем его манерой, условностью, но оно реально. Его диктовала природа. Еще сотня километров — и видение пустыни Гоби потухает в темноте наплывающего леса.

Мариэтта Шагинян.
г. Ойрот-Тура. 1943 год.

Слуга народа

В глубоких балках, покрытых синеватой тенью гор, еще холодно блестел снег, а на солнцепеках уже побурела дорога и южные склоны гор чернели ранними проталинами.

Весна по-хозяйски, деловито входила в свои права. В один из таких теплых мартовских дней в село Ынырга и прибыла Степанида Ивановна Гриб—молодой зоотехник. Все волновало ее: и эти красивые изгибы гор, и встреча с опытными животноводами, и, главное, большая первая самостоятельная работа. На весь Ыныргинский куст, с пятью крупными колхозами, она была единственным зоотехником.

Работа предстояла немалая. Колхозы переживали свою весну. Наступила новая пора в жизни сибирской деревни. Крупное коллективное хозяйство, основанное на социалистических началах, требовало новых форм правления, животноводческие фермы—внедрения правильного научного метода в выращивании скота, в повышении его продуктивности.

Зоотехник на селе был вновинку. Степанида Ивановна знала: от ее умения правильно, на научной основе организовать работу животноводческих ферм зависит рост колхозного стада и его продуктивности. От ее способности наладить зоотехническую подготовку работников ферм зависит успех животноводства в колхозах.

Задача немалая. Это и вдохновляло и немного пугало молодого зоотехника. Но энергичная и предприимчивая Степанида Ивановна смело пошла навстречу трудностям. В первые же дни побывала она на всех фермах и наметила план действия.

Во всех пяти колхозах строительство благоустроенных помещений для скота только начиналось. Нужно было довести его до конца в самое ближайшее время. Она присутствует на всех заседаниях и сессиях сельского Совета, тре-

бует систематических отчетов о состоянии строительства от заведующих ферм и строителей. Колхозы просят, в свою очередь, помощи в составлении планов полевых работ, совета, как правильно организовать труд, наладить учет.

Все это было ново, неясно первым руководителям колхозного строительства, и у Степаниды Ивановны нехватало сил сознаться в своем незнании агрономии... Ведь в ее лице люди видели представителя научной социалистической организации хозяйства в деревне. Пришлось самой засесть за учебники и пособия по полеводству. Далеко за полночь не гасит лампу Степанида Ивановна, засиживается за книгами, пополняя свои знания, совершенствуясь.

Так с первых дней ее захватывает кипучая жизнь колхозов, и она становится активным участником социалистического преобразования деревни.

Не все и не всегда проходило гладко.

Однажды вечером Степанида Ивановна беседовала с работниками фермы о минеральной подкормке для телят. Говорила она горячо, убежденно. И как всегда, ее, казалось, охотно слушали. Но только на этот раз она почувствовала что-то недоверчивое, выжидающее в глазах слушателей, настороженность, неодобрение отражали лица самых опытных телятниц. Единения с аудиторией не было.

Степанида Ивановна попросила высказаться,

— А что тут высказываться? — поднялась с места одна пожилая колхозница. — Все это правильно ты говоришь... Нужно. Только известь в подкормке — угробление.

Выступили и другие. Оказалось, что зоотехник — предшественник Степаниды Ивановны, недолго работавший в этом кусте, рекомендуя известь в качестве минеральной подкормки, или неправильно рассчитал дозу, или не проследил за составлением известкового раствора, только известь явилась причиной гибели многих телят. Поярки категорически отказывались от известки. Они не доверяли знаниям зоотехника. Нужно было доказать на деле ошибочность их убеждений. Степанида Ивановна отправилась в телятник, присутствовала на пойке телят, из своих рук давая им необходимое количество ценной подкормки.

Годы социалистического преобразования деревни требовали от работников села — интеллигенции и хозяйственников большого напряжения сил, упорства и умения в работе.

И молодой специалист все свое время и силы отдает работе. Совершенствуясь и обогащая свой опыт, требователь-

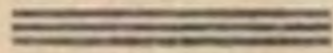
ная к себе и внимательная к людям, Степанида Ивановна Гриб завоевывает широкую популярность среди животноводов Ойротви, как человек, хорошо знающий свое дело, стремящийся к совершенству.

Пастухам Кош-Агача хорошо знакома эта скромная женщина со спокойными провидательными глазами. В метель и холод появляется она у пастушьих костров на дальних зимовках. Ее советы выслушивают и одобряют старейшие табунщики Онгудая. Те, кто по полсотни лет гоняют табуны коней, те, кто вырастили за свою жизнь не один десяток косяков.

— Я всегда помню, — говорит Степанида Ивановна, — этих простых людей, всю жизнь проживших у своих отар и табунов. Каких замечательных мастеров имеет наша область! Мунус Юзуков, Тужемеев Дьяныл, Толоев Эркэ, Маркитанов Яков, Салагашев Сунгалдай — ведь это инженеры своего дела! Опыт каждого из них — это целая книга. Я высоко ценю их мастерство и горжусь их дружбой. Народ — наша сила. Народ — источник духовного богатства, — часто говорю я себе. Его доверие нужно хранить в чистоте и беречь его.

Депутат Верховного Совета СССР Степанида Ивановна Гриб ведет и большую государственную работу. К ней идут за советом, просят помощи. Сотни людей получают и совет и помощь. Инициатива, общительность, обширные разносторонние знания, сила воли и характера, большевистская принципиальность сочетаются в этой женщине — представительнице славного отряда советской интеллигенции.

Вл. Дремов.

В Шаргайтинской долине

Широкая долина окружена с двух сторон горами. По их склонам растет лиственница. Деревья и густые заросли кустарника сдерживают снега и ветры. Местами горы разрезаны глубокими ущельями. Здесь в затишьи всю зиму сохраняются хорошие травы. Эти места с давних пор известны скотоводам. Лучших пастбищ для тебеневок не сыскать в аймаке.

В этой долине и приютилась Шаргайта — вебольшое алтайское село. На берегу речки Песчаной несколько айлов. По ущельям в одиночку жили бедняки. Они пасли свой скот в кустарниках и по кромкам леса, а в долине на прекрасных выпасах нагуливали жир байские стада...

Но это было давно. О времени том в народе сохранилось много мрачных легенд и тяжелых, безрадостных рассказов.

...В 1930 году в долине организовался колхоз «Большевик». Жизнь преобразилась. Хозяйство свое колхозники повели дружно. Подняли целинные земли. Построили добротные скотные дворы и конюшни. С каждым годом росло общественное стадо. К 1941 году «Большевик» насчитывал уже на своих фермах 505 голов крупного рогатого скота, 750 овец и 534 лошади.

Немало положили труда в развитие животноводства лучшие люди колхоза. Табунщик Чимдый Шагаев вырастил для общественного хозяйства не одну сотню коней. Пуще глаза берег колхозное достояние пастух Чимдый.

Шестнадцатый год пасет дойных коров Чичилов Паинка, а молодняк — 73-летний Торбох Будюваев.

— У стариков хорошая дружба, — говорят про них в колхозе. — Они друг друга контролируют. Сначала Чичилов сдает Будюваеву молодых телят, а через три года Чичилов принимает от Будюваева их уже взрослыми коровами. Бывает, что,

привнямая коров, Чичилов спросит, а где такая-то телочка? Что с ней? Хорошо примечает старик весь приплод.

В дружбе—сила колхоза. Эта дружба в борьбе за выполнение планов помогла колхозу не уронить хозяйство в трудные годы войны. На фронт, на защиту любимой Родины ушли тогда лучшие люди. Но не пали духом оставшиеся. Старики и подростки заменили ушедших. Трудились они, не жалея сил, ради общего дела. Особенно отличилась чабан Мария Мундукина. Во время заготовки кормов она работала даже ночью, пока отдыхала ее отара. Марию назначили заведующей ОТФ. Не решалась скромная женщина браться за такую ответственную работу. Девушки-комсомолки Лапасова Куча, Саймина Ильгей, ставшие чабанками, успокоили ее:

—Ничего, Мария, помогать будем тебе, мы ведь все в ответе за ферму.

И в дни незабываемых торжеств, когда колхоз встречал своих героев с фронта, девушки с законной гордостью отчитались в своей работе. Ферма сдала государству 1273 овец и коз, 8900 килограммов шерсти, 1926 овчин. Но отары не стали от этого меньше. Наоборот, они увеличились на 312 голов.

Так же хорошо работала в годы войны молодежь и на других фермах. Ушедшего на фронт знаменитого табунщика Шагаева Чевдыя сменил его сын Сумка. Комсомольская организация послала его на конетоварную ферму. Ему сказали:

—Будь достойным отца своего, Сумка... Береги молодняк. Богатырских расти коней для Советской Армии.

И Сумка Шагаев взял аркан табунщика. Он принял косяки молодняка. Сто сорок прекрасных коней вырастил Сумка для фронта. Не было падежа на ферме. Не мог Сумка плохо работать, если его послала на дело комсомольская организация...

Не отстала и молочно-товарная ферма. Девушки-дойрки пообещали комсомольской организации добиться высокого надоя молока. Слова их не были пустым заверением. Комсомолка Челгонова Карыдаш добила высшее по ферме надоя от закрепленных за ней коров—по 12,5 центнера от каждой коровы.

Молочно-товарная ферма никогда не была в долгу перед государством. Хороший хозяин на ферме—и образцовый порядок. Вот уже несколько лет фермой заведует Чондыков Чайганек. Ферма ежегодно перевыполняет планы воспроизводства стада. Из года в год повышаются удои молока. Хо-

роший уход и добросовестная работа всего коллектива фермы обеспечивают успех.

— У нас строго взыскивают за нерадивость сами колхозники, — говорит председатель правления тов. Могульчин. — На колхозных собраниях отчитываются о своей работе не только заведующие фермами, но рядовые доярки, чабаны.

В дни отела и окота и во время подготовки ферм к зимнему стойловому периоду старики приходят на фермы и проверяют все до мельчайших подробностей.

Замечательных успехов добился колхоз в полеводстве. Несмотря на то, что за годы войны поизносились плуги и бороны, обветшал и другой сельскохозяйственный инвентарь, полеводческая бригада, руководимая Ечеш Лапасовой, не только справлялась со всеми полевыми работами, но даже добилась превышения довоенного урожая. В 1946 году колхоз одним из первых в аймаке выполнил план хлебопоставок и сдал сверх плана свыше 600 пудов зерна.

За годы войны колхоз получил четыре почетных грамоты от крайкома партии и крайисполкома за перевыполнение плана воспроизводства стада, за успешную работу на весеннем севе. С 1944 года колхоз держит переходящее красное знамя райкома партии и аймакисполкома.

В этом большая заслуга партийной организации и ее секретаря тов. Чалчикова. Коммунисты колхозной парторганизации — это лучшие, передовые люди артели. Они возглавляют все ответственные участки работы, примерно и самоотверженно трудятся, неустанно несут в массы страстное большевистское слово.

Баит Матвеевич Могульчин председательствует шестнадцатый год. Могульчин отлично знает людей, прислушивается к их советам. Вместе с ними строит планы на будущее. Это — хорошие, светлые планы.

...Мы ехали на дальнюю зимовку. Пара сытых коней, вырвавшись из леса, пошла в вамет по ровной дороге. Дул теплый влажный ветер. По обочинам дороги чернел пар. Баит Матвеевич попридержал горячих коней и с беспокойством посмотрел на осевший тонкий синеватый снежный покров. Потом он наклонился из кошевы, захватил снегу в пригоршню и сжал. Между пальцев просочилась вода. Он покачал головой:

— Знаете, что это значит? Если снег не растает, то нам придется побывать на всех зимовках... Почему? Потому что снег подернется водой и застынет. Попробуй тогда, достань траву... Скот зубы поразбивает, со льдом глотать будет... Простуду схватит... Вот, что это все значит...

Мы свернули в ущелье и выехали на косогор. Стадо баранов паслось здесь. Снега почти не было. Лицо председателя просветлело. Он облегченно вздохнул. Навстречу нам на низкорослой алтайской лошадке подъехала всадница. Это была пастушка Чийкова Куйха.

— Ну, что же, докладывай, Куйха, — весело крикнул Байт Матвеевич.

— А что докладывать — сами видите, — она кивнула в сторону стада.

— Вижу. А скажи, почему ты в телогрейке?

— Не сшили еще шубу, Байт Матвеевич...

— То-то, что не сшили... А заболеешь, где я пастуха такого найду?

— Не заболею, не беспокойтесь...

— А ты не ручайся. Лучше бы подождала, а заведующий фермой с гуртом побыл бы. Так-то надежнее было бы. И мне спокойней.

Он посмотрел вокруг:

— Травы тебе здесь на месяц хватит?

— Еще останется.

— Травы много. Это верно. А все же не гоняй по всей клетке, береги траву-то.

На обратном пути Байт Матвеевич рассказывал о своих колхозниках.

— Хорошие люди. С таким народом поглядите, как развернемся. Так ли еще заживем...

Когда-то скотные дворы были далеко от жилых домов. Теперь колхоз разросся и они оказались чуть ли не в центре Шаргайты.

— Это нехорошо. Всю планировку нашу портят, — говорит Байт Матвеевич — Дворы они еще хорошие, теплые, но будет лучше, если мы их перенесем вон туда, к лесу... Так все колхозники думают. Обязательно этим делом займемся. Опять же на новом месте лучше и потому, что они будут защищены от ветра.. Здесь они на косогоре, на голом склоне оказались. Лес-то в деревне вырубил... Работа эта большая и потребует больших усилий. Зато порядок будет.

Вопрос о переброске скотных дворов на новое место поднимался колхозниками не раз. Одно время собрались уже было за дело приниматься. И место подыскали, и распановали, и людей выделили. Война помешала. Теперь вопрос этот поднимается снова.

— Уж коли решили строить, — говорит председатель, — то строить будем образцовые дворы. Потребуется много строительного материала — теса, длаха. А где его взять? Тут по-

близости нигде лесопилок нет. Вот мы и решили построить лесопильный завод. Оборудовать его — не такое уж сложное дело. На днях колхоз пускает свою водяную мельницу. Река сильная. Потянет и раму. Лесозавод — статья доходная. Будут отстраиваться и соседние колхозы, бешпельтирские и баргашские.

Колхоз решил в новом пятилетии построить хорошие подъездные пути к ферме, улучшить дорогу к селу, отремонтировать и поделать новые мосты через горные речушки, которых здесь насчитывается немало.

На фермах и на зимних стоянках для чабанов, пастухов и табунщиков решено выстроить колхозные дома. В Шаргайте построить общественную баню. Помочь колхозникам отстроить жилые дома, приобрести новые сельскохозяйственные машины.

Но это еще не все!

Баит Матвеевич снял лисью шапку, посмотрел на яркое солнце и, улыбаясь ему, сообщил:

— Электрическую станцию построим. Провода над Шаргайтой загудят. Свет дадим, настоящий свет... электрический!

А. Демченко.

О чем пел старый пастух

Дика и сурова природа высокогорного Кош-Агачского аймака. Безлесные степи-полупустыни расположены на высоте 1800 метров над уровнем моря. Над необозримыми просторами аймака величественно возвышается Курайский и Сайлюгемский горные хребты, да вечно заснеженные Чуйские альпы.

И все-таки этот край по-своему интересен и богат. Повинуясь творческой воле возрожденного народа, природа этого сурового аймака отдает ему свои богатства.

Мы ехали к стоянке старого Улака. Весенняя ночь застала нас у самой цели. Лошади, почуяв жилье, громко заржали. Ловко соскочив с седла, Сойон Керексебесова направилась к избушке пастуха со словами:

— Вот мы и приехали. Располагайтесь.

Я также сошел с коня и привязал его рядом с чудесной белой лошастью Сойон.

Нас встретил уже совсем старый, но еще довольно крепкий пастух Улак Попошев. Весенняя ночь располагала к душевной беседе.

Мы расположились на воздухе, перед избушкой, у большого, ярко горевшего костра. Улак рассказал Сойон о том, как чувствуют себя сарлыки в его гурте, о том, что беспокоит его.

Керексебесова заведует фермой. В свою очередь она познакомила пастуха с постановлением пленума ЦК ВКП(б) „О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период“ и задачами, которые сейчас стоят перед животноводами.

Усевшись поудобнее у огня, Улак положил уголек в свою трубку и, задумчиво поглядывая на пламя, стал вполголоса петь.

Я не мог понять его слов, но сама песня казалась мне широкой, как эти безбрежные степи.

Улак пел долго. По временам он вставал, отходил от костра к своему гурту, где были его помощники, потом возвращался, потрежнему усаживался у огня и, точно песня не прерывалась, продолжал тянуть гортанным голосом протяжную мелодию степного напева.

— О чем он поет так долго?—поинтересовался я.

Сойон улыбнулась, обернув ко мне молодое лицо.

— Поет обо всем. Видимо, под впечатлением нашего приезда и разговора он вспоминает свою жизнь. Теперь ему хватит петь до самого утра. Сейчас он поет о том, как работал у злого бая. Потом будет петь о колхозе и счастье, которое он нашел на старости лет. Хорошо поет Улак!

— А разве действительно так много интересного в его жизни, что можно о ней петь целую ночь?

— Конечно. Даже мало одной ночи. Рассказывать о нашей жизни и то долго, а петь еще больше времени надо.

И вот, в горах, ночью, у пылающего костра, комсомолка Сойон пересказала мне привычным языком то, о чем пел семидесятилетний пастух Улак Попошев.

* * *

Радость редко появлялась в аилах бедняка-теленгита. Чаще в них заглядывало горе и большая нужда, о которых даже сейчас тяжело вспоминать. Все, чем богат был край, — лучшие пастбища, богатые луга в поймах рек, тысячные стада — принадлежали баям Дебтеэкову, Матьдиргалу, Дватову, Мурчикову, Топчинову. Зимой и летом до изнеможения трудились на баев за нищенскую плату лучшие пастухи и табунщики округа. Бай вел подсчет, и всегда приходилось так, что за год работник съел и износил больше, чем заработал. Хозяин записывал на него долг.

Об этом времени хорошо помнит он, Улак Попошев. Правду его слов могут подтвердить старые колхозники Амыр Шортланов, Арбачи Суразова и другие.

Лето и осень пасла хозяйский скот, обшивала его семью старая Арбачи Суразова. А когда собралась уходить, то за свой труд получила 5 фунтов сырчика да овчины дохлых овец на шубу. Чем богаче жил бай, тем он был несноснее для бедняков.

Не уступали в жадности баям и шаманы.

Печальной была жизнь теленгита. Бедняцкие слезы жгли травы байских пастбищ.

Распрямляя спину, вздохнул свободно народ только пос-

после Великого Октября. Исчезли с земли теленгитов и баи, не стало шаманов, объединились бедняки в колхозы. Мухор Тархата. Теперь они стали хозяевами богатства. От русла реки Чуи и до Сайлюгемского хребта втянутся их колхозные земли. Среди лугов и пастбищ текут реки Тархата, Кок-Езек, Себистей, Ирбис-Ту.

Радостным стал труд. Люди работают с небывалым старанием и усердием. Шли годы замечательной жизни. На богатых пастбищах колхоза паслось 16 тысяч овец и коз, полторы тысячи коней, коров и верблюдов. Мухор Тархата стал одним из самых богатых колхозов в Ойротии, книга и грамота, светлое жилище и чистая одежда стали знакомы теленгитам. Узнали люди, что такое счастье и что такое настоящая человеческая жизнь.

Но запылала Великая Отечественная война и колхозники «Мухор Тархаты» пережили немало трудностей. Более ста мужчин ушло на фронт защищать Родину и свое счастье.

Работать, управлять фермами пришлось женщинам и девушкам. Немало прекрасных мастеров женщин стало в колхозе «Мухор Тархата». Это стахановки животноводства Сары Мандышканова, Сайрал Санданова, Борсук Ачикова и другие. Это заведующие фермами и бригадиры Союн Керексебесова, Боромбой Назарова, Яшбала Чептушева, Шура Агаинова. Хозяйство колхоза продолжало расти и креануть.

Много мяса, масла, шерсти и овчин дал колхоз стране и фронту. В армию послал 574 отборных коня, 342 головы крупного рогатого скота и 12.550 овец. За два года одолжил займы государству 606 тысяч рублей. В освобожденные от немцев районы отправил колхоз 250 голов скота...

Может, обеднел он от этого, стал слабым? Нет!

К концу войны колхоз имел скота больше, чем было у него.

Победа прибавила силы людям. В первый год после войны колхоз перевыполнил план. Теперь он имеет 18 с половиной тысяч овец и коз, 390 лошадей, 955 коров, за год выращено животноводами 2.200 ягнят и козлят, 334 теленка и 68 жеребят.

Получило государство от колхоза мягкую, теплую шерсть и жирное мясо, 650 тысяч литров молока и 23 центнера брынзы.

Из года в год растут колхозные доходы. В 1946 году колхоз получил 818.490 рублей дохода. Все полновеснее становится трудодень, все богаче становится жизнь.

Безбедно живут здесь люди. За один год получают без малого до миллиона рублей деньгами и много продуктов.

Старый пастух Улак Попошев, горький бедняк в прошлом, в годы войны купил облигаций государственных займов на 75 тысяч рублей.

Зажиточно и культурно живут колхозники «Мухор Тархаты». Они имеют свою школу и красный уголок, слушают радио, разговаривают по телефону с районным центром. Они выпясывают и читают газеты, любят лекции и беседы. В этом году они построят новый клуб и большую баню, построят много новых жилищ.

До революции теленгиты не знали грамоты, сейчас их молодежь, табунщики и доярки, молодые чабаны и телятницы имеют семилетнее образование.

Дети и внуки бедных кочевников стали образованными людьми. Четверо из них учителя, один землеустроитель, три ветфельдшера, одна медсестра. Шесть животноводов имеют среднее образование. Люди из колхоза «Мухор Тархата» выдвинулись на ответственную работу в райком ВКП(б), аймакисполком и сельсовет.

И всю многогранную деятельность крупного коллективного хозяйства в эти годы направлял опытный руководитель, председатель правления коммунист Майманаков. Это он, специалист сельского хозяйства, придя на руководящую работу в колхоз «Мухор Тархата», добился его роста, экономического укрепления, помог членам сельхозартеля добиться крупных хозяйственных успехов. Советское правительство высоко оценило организаторский талант и труд Майманакова, наградив его орденом Трудового Красного Знамени

* * *

...Весенняя ночь оказалась слишком коротка для рассказа о делах и людях этого колхоза. Когда Сойон Керексебе-сова закончила свой прозаический пересказ песни старого пастуха, на востоке уже светлела полоска неба.

Старый Улак все так же сидел, полудремотно покачиваясь у костра, и пел. Дым из его трубки поднимался тоненькой белой струйкой вверх. Погода была тихой. Старик пел о счастье, обретенном людьми в борьбе и труде, о прекрасном будущем, которое совсем недалеко.

«Человек слишком беспокоен, когда дело доходит до его жизни, — пел Улак. — Разве он может быть спокоен, найдя хорошую жизнь, если знает, что может жить еще лучше. Человек всегда стремится к лучшему и в этом его сила...»

Будто приветствуя слова старого пастуха о прекрасном и близком будущем, из-за хребта показалось по-весеннему яркое солнце.

К. Растегаев.

Сила коллектива

Своего председателя — Прокофия Щигреева — члены сельхозартеля «Красные орлы» уважают и ценят. Прежде чем начать то или иное дело, председатель обязательно скажет:

— Вы хозяева, вам думать, заботиться.

Мнение коллектива, решение общего собрания, Устав сельхозартеля — для председателя закон и руководство к действию.

В прошлом году «Красные орлы» выступили инициаторами соревнования колхозов Ойротив за отличную подготовку к зимовке скота. Перед этим колхозники долго со всех сторон обсуждали свои возможности.

— Выскочить да крикнуть, чтобы вся область тебя услышала, дело нехитрое, — рассуждали степенные колхозники. — А ведь запевалы-то всегда впереди ходят...

Вызов на соревнование был сделан. «Красные орлы» взялись за подготовку к зиме, работали с таким задором и старанием, что трудно было не поддаться соблазну этого радостного, целеустремленного труда. К председателю являлись даже престарелые:

— Ты уж, Прокофий Филаретович, и нам какую ни есть работу дай...

Все для зимовки было предусмотрено и, конечно, сделано. Много хорошего сена поставил колхоз, заложил силоса. По-хозяйски были прибраны и учтены все гуменные отходы. Много больших мясистых тыкв было выращено на прифермском участке. Скотные дворы, кошары, конюшни и телятники были заблаговременно отремонтированы, утеплены и продезинфицированы. Зима пришла, когда все уже было готово.

И если бы кому-либо из вас довелось побывать на животноводческих фермах «Красных орлов», вам было бы

трудно удержаться от похвал образцовому порядку, успехам животноводов.

Результаты прошлого года у них прекрасные. На молочно-товарной ферме перевыполнен план месячного поголовья. Оставлено в ремонтной группе 17 нетелей и 10 телочек куплено у колхозников. 74 овцы прибавилось за год. И с каждой здесь настригли по 3 кг 109 граммов шерсти вместо 2 килограммов по плану. Чабаны Елена Зяблицкая и Соломея Рогова имеют наилучшие показатели.

Доярка Надежда Козлова надоила по 1700 литров молока от каждой из 12 закрепленных за ней коров и вырастила 12 телят.

Доярка Александрова надоила от своих 12 коров по 1600 литров молока и полностью сохранила телят. Средний удой на фуражную корову по колхозу составил 1560 литров, а план—1500.

Трудно сказать, кто из животноводов этого колхоза работает лучше, кто хуже. Здесь все самые лучшие.

И заведующая животноводством колхоза Ксения Романовна Лукьянова затрудняется ответить на этот вопрос. Она охотно водит нас по своим владениям, заставляя предварительно вытирать ноги у входа о солому, смоченную дезинфицирующим раствором.

В теплом телятнике стоят чистенькие клетки, в них пестрые упитанные телята, а на скотном дворе у кормушек привязаны сытые и чистые коровы. На конюшне каждой лошади определено свое место.

Ксения Романовна подробно рассказывает о труде каждого работника фермы, забывая сказать только о своем труде и своих заботах.

Это заботами и строгой требовательностью Лукьяновой достигнут порядок на ферме. Это она строго следит за тем, чтобы выполнялись зооветправила. Это она контролирует рацион скота, норму грубых и сочных кормов, отпускаемых ежедневно, это она учит доярок, как лучше раздоить корову.

На животноводческих фермах колхоза „Красные орлы“ зима прошла без урона, сохранились высокие удои, и колхоз уже сдает молоко в счет плана этого года. Вот что значит хорошо подготовиться к зиме.

Добротные постройки „Красных орлов“ говорят об экономической крепости колхоза.

Прокофий Филаретович Щигреев знает стремление колхозников видеть свое коллективное хозяйство многоотраслевым, разносторонним. И много делает в этом направле-

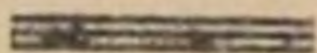
нии „Красные орлы“ имеют уже сейчас, помимо молочной, овцеводческой, коневодческой и животноводческой ферм, такие высокодоходные фермы, как птицеводческая и звероводческая, пасеку в 500 пчелосемей, собственную мельницу, крупорушку, кузницу и различные мастерские.

Из года в год увеличивается колхозная пашня и луга. За последние три года площадь зерновых увеличилась на 59 гектаров и достигла 226, а сенокосы—до 583 гектаров, вместо 320 гектаров, имевшихся ранее.

Растет хозяйство, растут и его доходы, крепнет благосостояние колхозников. Ценят и уважают они своего председателя, чья забота, опыт и правильное руководство помогли „Красным орлам“ выйти весной этого года победителями в соревнованиях и получить переходящее красное знамя Ойротского обкома ВКП(б) и облисполкома.

Решения февральского пленума Центрального Комитета партии и близящееся тридцатилетие Октябрьской революции вдохновляют колхозников в их славной борьбе за дальнейшее процветание родного колхоза.

М. Олегов.

Елена Упаева

Имя Елены Упаевской известно всем в широких долинах Урсула и Каракола. В 1930 году 15-летней девочкой она вместе с родителями вступила в колхоз „Дьаны Дьол“ — „Новая дорога“. Взволнованная, она сказала тогда отцу, старому Упаю:

— Счастье привалило, отец!

— Э-э! Я тоже думаю, Лена, — и улыбка вдруг смахнула 20 лет с лица старого охотника.

Шумела новая жизнь. Не знала покоя Лена. К колхозу она привязалась, как к родному дому, с упоением принималась за любую работу, и все кипело в ее цепких руках.

...Жаркий летний день. Солнце печет так сильно, что ноги обжигает горячая трава.

— Отдохни, Лена, уморилась! — говорят косари.

— Что вы! Я совсем не устала.

Коса неслышно подрезает травы. Широкий, чисто скошенный прокос у Лены. Ее красная косынка, легко, по девичьи накинутая на волосы, мелькает у всех на глазах — впереди.

— Лена опять далеко ушла! — тревожатся косари.

— Догоним! — заступая на новый прокос, говорят косари. Но трудно догнать Лену Упаеву. Ее коса летает над травами, зьенит, поет на суходоле, как зеленая речка бежит высокий подкошенный ряд.

...Колхозный двор. Дойка только началась, пропели первые струйки молока в звонких ведрах доярок. За руками Лены Упаевой не уследишь, так быстро они выбирают молоко из грузного коровьего вымени. С ведром, полным пенящегося молока, Лена первой подходит на замер к учетчику.

И так всегда, всюду — первая.

Когда у Лены спрашивали, как ей удается делать все быстрее и лучше других, она не знала, что ответить. Ей и

в голову не приходило, что умение и сила брались от любви к колхозу.

Еще до войны, по осени, когда небо заволакивают тучи и сверху сыплется снежная крупа, в Каярлыке открылась изба-читальня. В октябрьский праздник, по колхозному обычаю, в ней премировали стахановцев. За любовь к колхозному труду не раз благодарные каярлыковцы премировали Лену Упаеву.

Наступила война. Из колхоза ушло на фронт более ста колхозников. Отбыл и председатель. Как никогда, было тихо на колхозном собрании. Выбирали председателя. Дело нелегкое. Нужен был такой человек, который бы в трудную военную годину сумел хозяйствовать. Призадумались колхозники. Вдруг чей-то мужской голос прервал тишину:

— Предлагаю выбрать председателем Елену Упаеву!

Как взрыв раздались аплодисменты.

— Упаеву председателем!—подхватили колхозники.—Хорошим будет председателем.

Далеко-далеко за горами гремела война. Но близок был фронт каярлыковцам. Тяжелые военные радости и горести сплотили колхоз еще крепче. „Дьяны Дьол“ успешно справлялся с заданиями военного времени. По широкой долине голубого Урсула, за Каракольские перевалы летела слава о колхозе „Дьяны Дьол“, о его славном председателе Елене Упаевой.

450 строевых коней „Дьяны Дьол“ поставил для Красной Армии.

400 центнеров мяса „Дьяны Дьол“ сдал государству сверх плана.

Колхоз „Дьяны Дьол“ первым в Онгудайском аймаке убрал урожай.

В 1946 году страна выбирала лучших своих людей в Верховный Совет СССР. Алтайский народ выбрал депутатом в Совет Национальностей передового человека колхозного крестьянства, достойную дочь социалистической Родины—Елену Упаеву!

— Это только в нашем отечестве возможно,—говорит Елена,—чтобы представительницу маленького народа, дочь простого промыслового человека, охотника, родившуюся и выросшую в далеком горном урочище, так высоко подняла страна, выдвинула депутатом.

Колхоз „Дьяны Дьол“ раскинулся по правому берегу быстрого Каярлыка. Кругом горы, поросли кедром и лиственницей. Растолкав их, легла долина. Зимой по ее просто-

рам гуляют ветра. Летом—всегда тихо в этих местах, воздух напоен пряным настоем разнотравья.

В горах рано падают снега, и поэтому в старину редко-редко где в долине рос ячмень.

— А мы все сеем!—говорит Елена Упаева.—Это вот у них, у стариков, хлеба не родились!—усмехнувшись, кивает на завалину, где на весеннем погожем солнце отогреваются после долгой зимы старики. Хоть стары они, а не пропустят мимо ушей едкого слова, взъерошатся на артельного председателя:

— А ты нам тогда плуги давала? Андазыном землю ковыряли и хворостиной семена заделывали. Разве это пахота, посев? Вон пашут!—и расходившиеся старики указывают за село, в поле, где родную широкую долину из конца в конец пашет трактор. Возделанная земля, влажная, парная, преет под горячим солнцем, обещает богатый урожай.

Вот уже которое лето Каярлыкская долина покрывается колхозными хлебами. Зреет жухлый ячменный колос. На взгорьях, на солнечном припеке наливается пшеница. Всех раньше, словно боясь упустить короткое лето в горах, поспевают овсы.

У колхоза „Дьаны Дьол“—хорошо налаженное хозяйство. С каждым годом в овчарнях прибавляются ягнята. Благополучно телятся коровы, множатся супоросные свиньи.

В полях засеяны последние полосы. Все село взялось за огороды. Елена Упаева, смуглая, с серьезными, энергичными чертами лица, поспекает всюду. То едет в поле смотреть, как пашут, боронят, то приходит на скотные дворы, где по утрам всегда так шумно. Кишучая колхозная жизнь, годы славного труда дали ей опыт, широту взгляда и смелую хватку. Она все досмотрит и даст верный совет.

— Хозяин,—с уважением говорят о ней колхозники.

Раньше в Каярлыке не садили картофель.

—Высоко, не будет здесь расти,—говорили в урочище.

Не нравилось это установившееся мнение Елене. Старинной, неверием в колхозные силы отдавало от него. Во время войны Елена завезла в колхоз семенной картофель. Посадили. Горячее солнце прогрело землю, и земля отдала свои соки. Осенью колхозники взяли с поля тяжелые мешки с картофелем.

Каярлыковцы не любят вспоминать, что весной того года они предлагали председателю съесть семенной картофель, чтобы не пропал. Теперь в Каярлыке картофель садят все.

Два года назад, где-то внизу, в долине Урсула, Елена

раздобыла две пчелиные семьи. В урочище многие звезды хали:

—Зачём привезла пчел?—У нас высоково. Завтра же они улетят обратно.

Елена не поверила, а пчелы не улетели. Нынче на солнечной елани стоит уже десяток гудящих ульев. Это начало будущей большой пасеки. Наполняя весенний воздух хлопотливым шумом, пчелы падают на медовосные цветы.

—Пчелка у нас проворная, говорит пчелочник Макарьев, —за лето натаскивает много меда. А мед наш ароматный с цветов!

Главной отраслью колхоза «Дьяны Дьол» было и остается животноводство. Перевыполняя все государственные задания, колхоз неизменно увеличивает поголовье скота. В 1940 году на МТФ было 60 дойных коров, теперь — 130, а в 1943 году на ОТФ насчитывалось 800 овец, теперь около двух тысяч.

Быстрые, сильные кони, выращенные в табунах «Дьяны Дьол», не знают равных по всему Онгудайскому аймаку.

К концу пятилетки колхоз вдвое увеличит поголовье скота. Это подсказано решением февральского пленума партии «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период».

—Только племенной, высокопродуктивный скот будет гулять на наших сочных лугах в 1950 году, — говорит Упаяева. — Скотные дворы нам придется расширить, обновить. Пятилетний план мы выполним, — и добавляет: — Я выросла в этих местах и знаю, как наш народ умеет ходить за скотом.

Елена не рассказывает о себе, о том, как в холодные зимы отогревала в своих горячих руках коченеющих ягнят, как заботливо ухаживала за больными животными.

Берегом Каярлыка шел старик. С ним мы уже встречались, когда ехали по песчаной дороге уадами в Дьяны Дьол. Тогда он вышел из лога в долину и не дождал нас. За спиной у него было старое ружье, по видимому, армовского типа. Садясь к нам на телегу, старик проговорил:

—Шибко мало убим? Зверь плохой идет, весенний.

Мы не знали, что это Упай, знаменитый охотник, повергший за последние годы 45 волков, сдавший на пункты Сибпушнинны тысячи белок. Всею дорогу молчал старик. Его не радовали ни теплый день, ни вырвавшаяся из подо льда говорливая речка. Старик, казалось, не был рад наступающему лету. До осени, когда на снежной пороше так четок

след таежного зверя, — было далеко. Скучными глазами смотрел старик на весенние поля.

Увидев Упая, Елена спросила:

— Что скажешь, отец? Нашел?

Оказывается, Упай ходил не без дела вниз по речке. Не такой уж скучный, равнодушный Упай, как мы думали! Его, как всех колхозников, волнует вопрос — где ставить колхозную электростанцию. Капризный Каярлык часто меняет русло, — того и гляди, окажется гидростанция на сухом месте.

Мы уверены, — не Упай, так другой колхозник найдет такую твердь, которую не удастся размывать своевольному Каярлыку.

Горячая, быстрая в решениях, Елена Упаева чутко относится к людям. Колхозник пришел с войны обмороженный, израненный, но с прежней страстью к охоте. Ему советовали отдохнуть, заживить раны, предлагали и легкую работу, но он ушел в тайгу. Неизвестно, как он добывал зверя, но пришел с добычей. Два дня отогревался и опять ушел в таежные горы. И там, в горах, его подстерегло несчастье — вскрылись раны. Кое-как добрался домой. И опять тоскует...

— Какую бы ему работу по душе найти, все думаю, — говорит Елена. — Как бы успокоить сердце раненого солдата?

В Каярлыке всюду навален лес — у школы, у клуба, по обочинам улицы. Колхоз строится. В Каярлыке нет антов, но колхозники не хотят жить ни в избах, ни в пятистенниках. На собрании они решили на каждом дворе построить дом с тремя комнатами, с верандой, с палисадником. Но вот беда! Не договорились — где воздвигнуть село. На прежнем месте летом хорошо, а зимой — метели, сугробы. Все чаще и чаще каярлыковцы посматривают за реку, там, у горы — за ветром, поляна, и земля что ни есть самая огородная. Наше дело постороннее, а все-таки посоветуем:

— Переезжайте на ту сторону. За зеленым бортом, на широкой поляне ставьте новые дома! С новосельем поздравим!

В феврале этого года Елена Упаева вступила в партию. Вера Чекурашева, секретарь партийной организации колхоза «Дваны Двои», рассказала, как ее сверстница и подруга росла вместе со своим колхозом, со всей страной. Чекурашева говорила о Елене Упаевой, но коммунистам колхоза — скотоводам, охотникам, строителям казалось, что она и в них говорит. Путь Елены Упаевой — неустанная борьба за

процветание колхоза—это и их путь. Решение их было единодушным:

— Елена Упаева достойна быть в рядах нашей партии!

Елена Упаева была взволнована. И как не волноваться! Свершалось большое событие в ее личной судьбе. Вступление в партию разделяло ее жизнь на две половинки. Начинаясь новый этап—в рядах партии. Надо эту вторую часть жизни провести так, чтобы ничем не запятнать ни своего имени, ни гордого звания члена большевистской партии, достойно служить народу, быть его верным слугой.

Елена Упаева оправдывает великое доверие народа.

К колхозу „Дьяны Дьол“ в Онгуде приковано внимание всех. Всех интересует, как руководит большим сложным хозяйством депутат Верховного Совета СССР Елена Упаева. По беспроволочному телеграфу по всем направлениям разносятся радостные вести:

— „Дьяны Дьол“ уже пашет.

— „Дьяны Дьол“ уже отсеялся!

— „Дьяны Дьол“ сдал молокопоставки за 1947 год!

— „Дьяны Дьол“ на своих высокогорных участках решил в честь 30-летия Октября получить небывалый урожай.

Стоит Елене Упаевой выехать из колхоза, а ездят по району она часто, как в Урскульскую долину, навстречу ей спешат люди отовсюду. Одни—что-то спросить у нее, другие—посоветоваться. Иные хотят увидеть своего депутата, чтобы просто перекинуться добрым словом.

Вечером мы смотрели в долину. Маленькое черное пятно, приближаясь, быстро увеличивалось.

— Федор на машине катит,—сказала Елена.—Привык на войне ездить быстро, с ветерком.

Федор привез соседей, колхозников из селения Ело. Елинцы приехали, чтобы уговорить каярлыковцев строить электростанцию совместно, и сразу же заговорили о воде, об арыке и еще о многом своем, соседском.

Снизу с Урскульской долины потянул низовый ветер, донесся шум дождя.

— Ваши пашни поливает!—заметили каярлыковцы. Гости прислушались. Дождь шел стороной, поливал их пашни. В словах соседей они почувствовали затаенную тревогу.

— А вот эта вас смочит!—облегченно вздохнули елинцы и показали на черную дождевую, словно на крыльях вылетевшую из-за горы тучу. Грянул гром. Эхо раскатилось по горам. Весенний проливной дождь обрушился на Каярлыкскую долину, на широкие колхозные пашни.

Счастливыми улыбками озарились все лица.
Зацветут долины травами, уродится нынче хлеб.

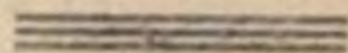
* *
*

Весну 1947 года колхоз, руководимый Еленой Упаевой, одним из первых в Онгудайском аймаке провел весенний сев в лучшие агротехнические сроки. Члены сельхозартели, воодушевленные Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении передовиков полеводства, решили в этом году вырастить на своих полях небывалый урожай, как и в прошлом году, первыми перевыполнить план поставок зерна государству.

Во всей многогранной хозяйственной деятельности сельхозартели „Дьаны Дьол“ чувствуется направляющая рука знатного хозяина и организаторский талант председателя.

За успехи, достигнутые в укреплении колхозного производства, Указом Президиума Верховного Совета СССР Елена Упаева награждена орденом Трудового Красного Знамени.

А. Каланаков.

Чабан Маныки Клешев

В семье ожидали счастливого возвращения хозяина с охоты. Будет удачной охота, — продаст отец пушнину, закупит себе припасов, а на остальные деньги привезет ячменя для толкана и лепешек, чаю, табаку, ребятам новые рубашки.

Но вышло не так, как хотелось. В ту зиму плохим был промысел. Едва хватило денег приобрести припасы. Все необходимое пришлось брать в долг, а платить потом втрое больше.

Осенью, собираясь на зимнюю охотничью стоянку, Клешев зашел к баю попросить на один сезон лошадь под съезд.

— Зачем тебе, Клешев, брать на один съезд? Я продам лошадь по сходной цене. Что ты за алтаец, ходишь пешком. Деньги весной уплатишь, — сказал бай.

Подошла весна. Клешеву нечем уплатить своего долга. Решил отдать старшего двенадцатилетнего сына Маныки к баю в работники.

У бая Кайтанакова были табуны лошадей, гурты крупного рогатого скота, сотни отар овец. Он вел крупную торговлю с бийскими купцами, монгольскими скотоводами. Сотни тысяч лучших пастбищ находились в его руках. Он владел всей Кырлыкской долиной. И все, кто жил в этой обширной долине, простирающейся на 30 километров вглубь, были зависимы от Келия, работали на него. И выходило всегда так, что кто больше и лучше работал, тот всегда оставался в долгу у бая. Восемнадцать лет подряд проработал на бая и Маныки Клешев. В стужу и слякоть, полураздетый и голодный, он выполнял все, что заставят байские приказчики.

Шли годы. Прошла молодость мрачно, однообразно. За свой изнурительный, тяжелый труд Маныки не получал от

бая ничего. Спрашивал товарищей: почему бай не платит им за работу деньги и кому можно пожаловаться.

— Напиши прошение русскому царю, даст он указ оплатить Маныки Клешеву сразу за 18 лет и будешь ты тогда богатым, — шутили над Маныки другие работники.

— Нет, видно, Маныки, нашему брату правды не найти. Нет такого закона, который бы защищал бедных...

Истощилось терпение. Решил Маныки уйти от бая в лес. Лучше умереть с голоду, чем продолжать мучительную жизнь.

Вспоминал жизнь отца-охотника. Хоть бедно тот жил, но в тайге чувствовал себя свободным. Маныки также решил стать охотником. В детстве от отца он научился метко стрелять и это пригодилось.

Маныки стал охотником. Знакомые с детства вершины вдоль Чарыша, Тулайбы и Кырлыка не раз он исколесил пешком, преследуя зверя. И все же Маныки мало добывал пушнины. Счастье не улыбалось молодому охотнику. Для охотника недостаточно одного умения метко стрелять. Надо иметь хорошее оружие, капканы, лошадь, наконец, охотничью собаку. У Маныки ничего этого не было. Он обладал одним лишь старым мултуком, который дал ему сосед во временное пользование.

Скупщики пушнины на каждом шагу обманывали охотника-алтайца. Они скупали за гроши ценные шкурки зверей, а за товары, которые привозили в обмен на пушнину, брали втридорога.

При всей этой несправедливости и неудачах охота увлекла Маныки. Он почувствовал, что стал жить свободнее, избавился от издевательств и унижений, каким подвергался у бая.

Октябрьская революция принесла правду, о которой мечтал Маныки. Забитый алтаец стал равноправным. Открылись широкие горизонты новой жизни.

Маныки Клешев продолжал заниматься охотой, но жизнь его не была похожа на прежнюю. Добычу он сдавал теперь не частникам-купцам. В первый же год Маныки получил от государственных заготовителей столько денег и продуктов, сколько не получал за все прошлые пять лет. Помимо всего за хорошее качество пушнины его премировали ружьем. Вскоре по всей Кырлыкской долине Маныки стал передовым охотником.

В 1929 году в с. Кырлык организовался колхоз «Бедняцкий труд», переименованный позднее в сельхозартель имени 18-го партсъезда. В числе первых членов артели был Маны-

ки Клешев. Жизнь свою колхоз начал почти не имея материальной базы. Скота было мало, люди не имели опыта в обработке земли. Одним замечательным качеством обладали люди, объединенные в колхоз,—страстным желанием трудиться на благо общего дела, быстрее видеть результаты коллективного труда.

Маньки Клешеву дали ответственное поручение: организовать овцетоварную ферму. Он справился в конторе о количестве поголовья овец, но толком никто не мог сказать, сколько же в колхозе овец.

—Ферма-то, может, не получится, а отара одна выйдет подходящая,—сказал животновод, и пригласил назавтра принимать от него скот. Маньки гордился оказанным ему доверием и горячо принялся за работу. Объехал пастбище и облюбовал место для стоянки. Оно было удобным: по обеим сторонам реки широко раскинулся ровный и сухой участок под летние пастбища, богатый солончаками. Здесь же, невдалеке, на безлесном солнечном склоне горы Маньки определил участок для тебеневки.

Вскоре приехали колхозники и стали возить лес. К осени рядом с аилом был выстроен дом для него, чабана колхоза, и хорошая, теплая кошара для овец. За полвека своей жизни Маньки впервые поселился в своем доме. Маньки никак не мог понять, почему ему, бывшему бездомному и забитому кочевнику, оказывают такой почет.

—Мы только что начинаем строить колхозную жизнь,—объявил секретарь колхозной парторганизации,—и мы построим ее такой, чтобы каждый колхозник стал зажиточным, все алтайцы будут грамотными и культурными людьми, твои дети получают образование.

Первая колхозная отара оказалась в надежных руках. Маньки отдавал все силы уходу за животными, заботливо растил молодняк. Каждый год общественное стадо колхоза увеличивалось на 250—300 голов.

К началу 1938 года поголовье овец увеличилось до трех тысяч голов, то-есть больше чем в десять раз. Вместо одной, в колхозе стало восемь отар.

На работу чабанами Маньки подбирал людей старательных, заботливых. Долго и терпеливо Маньки возился с каждым молодым чабаном. Он учил их тому, как подбирать пастбища, как лучше их использовать, как организовать осенний вагул, каких нужно отбирать на племя маток и производителей. Многому учил Маньки чабанов, учил тому, что делал не один раз сам и, может быть, терпел неудачи и промахи, но все же добивался потом хороших результатов.

За многолетнюю работу Маньки обогатился опытом, стал настоящим знатоком своего дела. Он проводит большую работу по улучшению местной породы овец путем отбора. Почти в два раза увеличился вес животных. Повысился настриг шерсти.

Но одни лишь количественные показатели теперь уже не удовлетворяли передового чабана. Он поставил вопрос перед правлением о разведении породных овец и метизации местных. Предложения Маньки Клешева были поддержаны. Вскоре колхоз приобрел мериносовых баранов. Маньки, первым в своей отаре, провел искусственное осеменение. Результаты оказались прекрасными, деловой выход молодняка резко увеличился, исчезла яловость. Дважды был Маньки Клешев участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В годы Великой Отечественной войны старый чабан проявил себя как истинный патриот Родины. Несмотря на свои преклонные годы, он работал, не зная отдыха. Было трудное время. Когда в колхозе не хватало людей, Маньки брался обслуживать 950 овец, а в одно лето пас даже 1200. Его пример вдохновлял на трудовые подвиги всех колхозников.

— Фронт, страна ждут от нас, животноводов, больше продукции — мяса, кож, шерсти. Мы обязаны выполнять наш долг, укреплять и развивать общественное животноводство, — говорил на собраниях Маньки Клешев.

В тяжелые годы войны колхозные чабаны сумели увеличить поголовье овец на ферме более чем на две тысячи голов.

Маньки Клешев — передовой чабан и передовой колхозник. В войну он больше всех внес средств на строительство танковой колонны и эскадрильи самолетов «Алтайский колхозник». В 1944—45 годах Клешев купил займа на 40 тысяч рублей. Во всех начинаниях старый чабан подает пример.

За стахановский труд Маньки получает высокую оплату и живет в достатке. В личном пользовании он имеет трех коров, три головы молодняка, 15 овец, выращивает свою лошадь.

Семья у Маньки небольшая, очень дружная. Жена Борлодой — первая и незаменимая помощница в работе. Она вместе с Маньки ухаживает за отарой, охраняет ее в ночное время, а когда требуется, выполняет обязанности чабана. Много других забот у этой скромной труженицы. Дочь Айлдаш учится в шестом классе. Летом она живет вместе с родителями за 7 километров от деревни и охотно помогает им в домашней работе, пасет отару, заменяя отца.

Сын Айдып после возвращения из армии окончил сельскохозяйственную школу и работает теперь кустовым зоотехником.

Семьдесят лет исполнилось Маныки Клешеву, но он продолжает работать неутомимо и самоотверженно. Мы прибыли к нему на стоянку в конце апреля. В отаре начался массовый окот. В эти дни Клешев не отдыхал ни часу. Ежедневно, как по графику, принимал он до пятидесяти новорожденных ягнят.

Маныки радовался тому, что окот проходит в хорошую погоду и дело, видимо, обойдется без тепляков.

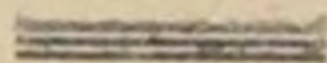
Уже более двухсот ягнят принял Маныки. Все ови, как на подбор, здоровые, крепкие, упитанные.

348 овец зимовало в отаре Клешева и к весне не было ни одной слабой. Мы спросили, как он сумел сохранить упитанность овец и получить хороший приплод. Маныки сказал, что начал готовиться к зиме еще летом прошлого года. Своей семьей поставил 450 центнеров сена.

— Зимой в сильные морозы овец вдоволь кормили сеном, — с удовлетворением вспоминает чабан, — видите, еще и приберегли к окоту.

В нынешнем году, в честь празднования 25-летия Ойротии и 30-летия Октябрьской революции, Маныки Клешев взял обязательство вырастить на каждые сто маток по сто десять ягнят. Оно будет выполнено. Передовой чабан Маныки Клешев не любит бросать слова на ветер.

А. Шашкин.

Тадышев Николай

По зеленой долине Башкауса, зажатой с двух сторон высокими мохнатыми горами и залитой яркими лучами июньского солнца, узкой змейкой вилась знакомая тропинка: убегала, пряталась за поворотом, затем показывалась вновь. Коля Тадышев спешил домой, в родной „Кызыл Мааны“, чтобы порадовать мать и отца своими успехами. Смуглое детское лицо его сияло улыбкой, черные глаза искрились радостью.

Как всегда в такие минуты, мать обязательно бросит на пол у костра непривкуренную трубку, которую она непременно набьет табаком, чтобы покурить, пока сын рассказывает, засуетится у очага, станет угощать вкусным обедом. А потом скажет отцу, что надо сшить сыну новую шубу и шапку с красивой кисточкой к осени. „В шестом классе будет учиться, а может быть, и в Ойрот-Тура поедет“.

Берегом шумного, порожистого Башкауса, торопливо бегущего навстречу, Коля дошел до притока Анай-Улагана. За речкой, в нескольких десятках метров, начиналась поляна, окаймленная густым, вечно зеленым пихтачом. Дальше с двух сторон возвышались вершины Юлючара и Кабака. На поляне расположился анай-улаганский колхоз „Кызыл-Мааны“.

Коля легким прыжком перемахнул через бурлящий ручей, и, свернув к своему дому, достал из сумки табель с отличными отметками...

* * *

Великая Отечественная война началась через несколько дней. Отец Коля—Георгий Тадышев, счетовод колхоза, ушел защищать Родину. На фронт проводили и многих других из колхоза.

Тринадцатилетний мальчик не мог ясно представить себе картину войны, не знал, какие требования она предъявляет к людям, к их труду. Но он видел своими глазами и хоро-

шо понимал, что в колхозе работать стало некому, а работы было много. Все резко изменилось, работали женщины и подростки. Вместе со всеми трудился и он, Тадышев Коля, помогая взрослым. Вместе со всеми переносил трудности и лишения военного времени.

Работать было нелегко. Но он не жаловался на усталость, на трудности. Делал все, что было в его силах. Ко всякому делу относился с большим вниманием, каждое дело выполнял добросовестно, не хуже взрослых. „Проворный был, смекалистый, всегда успевал сделать все, что ни поручи“, — говорят о нем и сейчас колхозники. Когда он шел, его маленькая проворная фигурка напоминала круглый катящийся шарик.

Коля не мог не чувствовать, с какой любовью относились к нему колхозники. Встречая их одобряющие взгляды, улыбки, думал: «Они довольны моей работой. Значит, и я приношу пользу». При этом ему хотелось сделать еще больше и лучше, скорее стать взрослым. И он скоро им стал: настоящим и добросовестным колхозником.

Повседневный труд, любознательность и честность сделали свое великое дело.

Весной 1942 года Тадышеву Коле исполнилось 14 лет. К этому времени он заметно повзрослел, окреп физически. Его назначили табунщиком. Комсомольская организация приняла его в ряды ленинского комсомола.

Когда старший табунщик Табаев ушел на фронт, первым кандидатом на его место был юноша Николай Тадышев.

Все лето и осень 1944 года старший табунщик и его помощник не отходили от лошадей, стараясь дать им хороший нагул, подготовить к зимней тебеневке. Спали мало. Попеременно несли дежурство. Днем использовали менее удобные участки пастбищ, а ночью более ровные и чистые, чтобы лошади, в случае испуга, в ночной темноте не покалечили себя. Кроме того это давало возможность табунщикам хорошо наблюдать за лошадьми даже при плохой видимости.

В конце октября, когда значительно похолодало, табунщики покинули летние пастбища в долине Башкауса. Неспеша гнали лошадей на зимовку, в Анай-Улаган. Внимательно следили за каждым животным, особенно за жеребыми матками, чтобы те шли спокойно, не скучивались в узких местах. Осенью скользко, грязь, заморозки, животное упасть может или согреется, когда быстро идет, а потом сгоряча напьется холодной воды или снегу поест. „Тогда

все пропало, не жди жеребенка", — на остановках повторял своему помощнику Николай.

* * *

В одну из осенних ночей горы сменили свой наряд. Выпал снег. На белом его фоне особенно ярко выделяются темно-зеленые окладистые кедры и высокие стройные пихты. Но и на них, на широких густых сучьях лежит белый снежный пух, придавая лесу особую красоту. Деревья стоят неподвижно. Они как бы боятся пошевелить даже самой маленькой веткой, чтобы не стряхнуть с себя белое платье из драгоценного пуха.

Кругом тишина. Только изредка откуда-то доносится мелкая прыткая дробь, которую выстукивает маленький лесной плотник дятел своим неотточенным топориком. Время от времени то на одной, то на другой ветке серым комочком появляется белка, принимается грызть шишку, придерживая ее передними лапками, роняет белые пушинки.

Но вот налетел порывистый утренний ветер, деревья закачали ветвями и стряхнули с себя белое платье.

Пасшиеся неподалеку лошади, на южном склоне горы, забеспокоились, начали жаться друг к другу, ища защиты от ветра.

— Быть сильному ветру, а потом ударит мороз, — встревоженно определил старший табунщик. — Оставаться здесь нельзя. Лошадей надо успеть перегнать ввиз, в лощину. Там густой лес, затишье. Корм хороший. Снег, правда, там глубже, но зато он не затвердеет даже в сильный мороз. Погнав, Михаил! — обратился он к помощнику. Тот посмотрел на небо.

— Может, пройдет?

— Пройти-то он пройдет, да только к ночи не раньше, а до ночи здесь, на открытом месте, можно загубить маток... Пойдем! — громко крикнул он, заметив, как на вершине соседней горы закачались деревья, и бросился к лошадям.

Спустя четверть часа лошади уже спокойно паслись в лощине. Здесь было тихо. Ветер с шумом проходил по вершинам деревьев.

— Я посмотрю за лошадьми, а ты иди на стан, — сказал Николай помощнику, — отдохни, пока есть время. Потом сваришь обед, покушаешь и придешь сюда, к лошадям. Потом я пойду обедать. С вечера будем караулить вместе.

Когда Михаил ушел на стан, Николай принялся за подготовку к ночи. Осмотрел лощину, хотя и так знал, что она чистая и относительно ровная — подходящее место для ночной пастбы. Затем подошел к шалашу, сделанному под

большой пихтой. Каждая жердочка его Николаю знакома. Четвертую зиму он встречается здесь, у этого несложного, открытого с одной стороны шалаша. Каждый раз, как только придет на это место Николай, хочется, как старому знакомому, сказать: „Эзен“. Вот и сейчас у него промелькнуло в голове это слово и, сам не зная зачем, он потрогал рукой верхние концы жердочек.

Перед шалашом, шагах в двух, лежат три обгорелые головни, — остатки прошлогоднего костра. Николай расчистил это место и начал собирать дрова.

Поздно вечером два табунщика сидели у большого костра и наблюдали за конями. Видно отсюда хорошо всю долину.

Ветер утих. Морозное небо смотрело на весь этот маленький мирок тысячами ярких золотых глаз.

А утром, когда зашло солнце, все лошади были перегнаны и паслись на южном склоне горы, — там, где вчера бушевал ветер.

* * *

Зима была суровой. Много пришлось перенести трудностей, бессонных ночей. Но Тадышев привык к ним. Он знал, что любое дело дается нелегко. „Там, на фронте, хуже, труднее, а вдут. . воюют“, — думал он в тяжелые минуты и тоже шел, боролся. Шел и знал, что его труд нужен.

Весной, когда на горах начал таять снег и появились проталины, лошади вернулись в долину Башкауса. Вернулись все до одной и в хорошем теле. Радостно было видеть первого новорожденного жеребенка. Вороной, шустрый, он, только что сосав мать, ударил по воздуху задними, еще не окрепшими, ногами и начал бегать, прыгать и взлягивать по чистой лужайке, описывая круги. Николай протянул руки и побежал к нему. Хотелось поймать его, прижать к себе, пожулькать, приласкать.

Хотелось также бегать и прыгать от радости. Но ведь он взрослый человек, табунщик! А жеребенок все бегал и прыгал, и взлягивал, короткий волнистый хвост его торчал черным куцым колышком. Николай смотрел и, не замечая сам, притопывал ногой. Наверное он еще долго бы стоял и топал ногой, и любовался первенцом, если бы не Михаил, который тоже с горящими смеющимися глазами прибежал к нему и сообщил, что родился второй. И они убежали туда, к новорожденному — к прибыли.

Прошло несколько дней и в их табуне было пятнадцать новорожденных жеребят. И все такие же здоровые, как первый. И каждому из них они радовались. Все пятнадцать

были сохранены, выросли. Через год, в 1946 году, они также радовались появлению на свет девятнадцати жеребят. И эти были сохранены полностью. С зимовки 1945—1946 годов весь табун вернулся без потерь, с хорошей упитанностью.

Зимовка этого года проведена так же успешно.

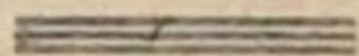
* * *

Старшему табунщику анай-улаганского колхоза „Кызыл Маачы“ Тадышеву Николаю Георгиевичу в 1947 году исполнилось всего только 19 лет, но он имеет уже пятилетний стаж трудовой деятельности в колхозе.

За время его работы старшим табунщиком колхозное конепоголовье увеличилось вдвое. За свой самоотверженный, честный труд он неоднократно получал ценные премии. В 1946 году в порядке дополнительной оплаты труда ему выдали двух жеребят. В 1947 году он получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

Николай Тадышев прошел замечательную школу с отличной оценкой.

И. Кочев.

Чабан Софья Адиканова

До утра еще далеко. Темным, широким пологом морозная ночь окутала все вокруг, подкралась по склонам гор к урочищу Кара-Айры, настойчиво подступает к самому айлу Софьи. И только когда пастушка, выходя из аила, широко распахивает двери, яркий свет горящего внутри костра заставляет ночь немного отступить. И тогда видна вся овечья отара. Мигая, овцы удивленно глядят на свет и плотнее прижимаются друг к другу.

Софья смотрит на небо, на звезды, начинающие меркнуть, на едва заметную светлую полоску востока и снова возвращается в аил.

— День будет тихий, — говорит она и подбрасывает дрова в костер под котлом с греющимся чаем.

Ничем не приметна Софья Адиканова. Она проста, спокойна, больше молчалива, чем разговорчива. И, однако, у нее есть большое преимущество перед другими ее подругами. Этого преимущества сразу не заметишь. Надо побыть с ней, побродить по зимним пастбищам Ялан-Гаша и Кара-Айры, посмотреть, как бережно и любовно она заботится о каждой из трехсот закрепленных за ней овец, чтобы почувствовать огромную внутреннюю силу этой женщины.

Поговорите с любым членом сельхозартеля „Дьаны Дьол“, Кош-Агачского аймака, и вы услышите, какое уважение к человеку и гордость за его прекрасный труд звучат в их словах при имени знатного колхозного чабана Софьи Адикановой.

За двенадцать лет своей работы Адиканова вырастила колхозу более 4 тысяч хороших, крепких ягнят. За эти двенадцать лет Софья до мельчайших подробностей изучила особенности и повадки овец, особенности местных пастбищных угодий.

У нее не бывает случаев падежа скота. В 1945 году она

вырастила без потерь 320 ягнят, в прошлом 1946 году — 300.

— А в этом году?

Адиканова смущенно улыбается и с минуту молчит, задумчиво глядя на огонь костра. Потом спокойно говорит:

— В этом году к тридцатилетию Октября выращу еще больше. Не угнаться будет Тадыеву.

— А кто такой Тадыев?

— Тоже чабан. Хороший. В колхозе им. Молотова пасет овец. Вызвала я его на соревнование, когда на зимние пастбища уходили. Вызвала и слово дала, что сохраню всех овец, и молодняк выращу лучше его. Слышала я, будто у него не совсем плохо проходит тебеневка. А у меня все же лучше дела. Обязательно перегоню его.

И увлеченная мыслью о возможности выйти победителем в соревновании с одним из лучших чабанов, Софья становится разговорчива. Она обстоятельно рассказывает о своем труде, о том, как пасет овец, ухаживает за ними, как принимает и выращивает молодняк.

— Сегодня я буду пасти овец на северном склоне Ялангаша. Травы там лучше, чем на южном склоне, меньше выветрены, — овцы сыты будут. Вот даже это все надо знать — где и когда лучше пасти овец, чтобы они насытились, где предохранить их от бурана и морозов. Знать надо овечек. Я, например, знаю своих животных так хорошо, что могу сейчас сказать, какая из них первой поднимется утром, какая принесет двойню. Да и разве можно не знать этого, раз мне колхоз доверил такое богатство, раз мой труд так высоко ценится. Это ведь не старое время. Для себя стараемся.

И Адиканова рассказывает о своем отце, который за нищенскую плату пас скот до революции у местного богатея. Тяжелый и добросовестный труд пастуха приносил большой доход и без того раздобревшему от богатства баю. Не приносил он только счастья семье пастуха, избавления от голода и нужды, которые никогда не покидали жильё отца. А сейчас Софья Адиканова только одна зарабатывает столько, что хватает на всю семью. Только по дополнительной оплате, не считая трудодней, она получала от колхоза за последние два года одну взрослую корову и 26 овец.

— Так жить можно. Можно и еще лучше, только стараться работать надо, — говорит Софья.

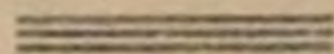
Она ловко подхватывает котел с чаем, ставит его на земляной пол.

Светаёт, когда мы выходим из аяла. Хорошо видны заснеженные склоны Кара-Айры и розовая полоска восхода

на них. Овцы поднялись на ноги и сгруппировались у выхода из пригона, высокие стены и хорошая крыша которого защищают их от буранов.

Животные доверчиво тянутся к своему чабану, чуя своим инстинктом в этом человеке заботливого друга и хозяина.

К. Растегаев.

Старый Бактубай

Седьмой десяток лет живет на свете старый Бактубай Саврин. Много видел, многое испытал он на своем веку. Точно из тумана встает перед ним далекое детство: аил отца в горах Кайсына. Маленький Бактубай, закутавшись в рваную шубу, лежит возле очага. Лежит он потому, что со вчерашнего дня ничего не ел, если не считать чашки чая со щепоткой толкана.

Свернувшись клубком, Бактубай смотрит на огонь, на то, как, весело потрескивая, огонь отбрасывает слабый свет на почерневшие от дыма стенки аила. Пусто в аиле и печально. На решетках, где должен коптиться курут, — только толстый слой сажи. Недалеко от дверей висит засохший таар, точно пустое вымя коровы. Молока в нем давно нет.

Бактубай поднялся на ноги, приоткрыл дверь и переступил порог аила. Яркие лучи солнца ослепили его на миг, и, зажмурившись, он слушал, как в логах свистели ямуранки.

Мать долго не возвращается с заимки русского купца Мокина. Она обещала принести маленькому Бактубаю молотого, вкусно пахнущего ячменя.

Солнце клонилось к вечеру, когда на дороге показалась, наконец, одинокая фигура женщины. Он узнал издали мать по засаленной шапке и старой шубе, длинный рукав которой болтался сбоку. Мальчуган поспешно зашагал навстречу. Мать что-то несла в небольшом мешочке. По ее радостным глазам он увидел, что к Мокину она ходила не напрасно.

— Шесть фунтов отвешал и до осени больше давать не будет. Отец заработал мало. — Вздохнув, мать продолжала: — Русский купец посмотрел маленькую книжку и говорит, что

все выбрали. Велел отцу тебя в подпаски взять. Три рубля в месяц дает.

Маленький Бактубай стал помогать отцу пасти мокинских овец. Юность прошла с чужими овцами в высоких горах Кайсына.

Шли годы, но вылезти из нужды он не мог.

Хитрый Мокин дал коровенку со своим тавром: „Пей молоко, заробишь как нибудь, а вырастет теленок—отдадите“.

Неказиста была коровенка, а привязала она Бактубая к Мокину крепко. Родились телята, росли до года, и купец перегонял их в свое стадо. Пять телят взял он от своего чабана. А в пятнадцатом году приказал перегнать и корову.

—Хватят, попользовалась. Тавро мое, я хозяин.

Остался Бактубай без коровы. Куда пойдешь, кому пожалуешься? У Мокина везде свои люди.

Освободила его от мокинской кабалы только советская власть. В Кайсыне организовался колхоз, и Бактубай стал табунщиком. Небогатой была сначала артель. Собрались все бедняки. Но сильна была тяга к новой жизни, к общественному хозяйству.

—Только и было в моем табуне тридцать пять лошадей, когда организовался колхоз. А теперь...—глаза старого Бактубая заискрились,—теперь у меня 221 конь. Кроме того 25 лошадей я отправил в годы Отечественной войны для Красной Армии. В этом году от 56 конематок я вырастил 54 жеребенка. Правление колхоза за мой труд выдало дополнительно к трудодням 5 жеребят.

Закурив, старик продолжает:

—В моем табуне много орловцев. Особенно славится своей породой жеребец „Атаман“. Настоящий табунный вожак. Недавно был такой случай. Лошади паслись в верховьях Кайсына. Стоял морозный зимний вечер. Неожиданно «Атаман» заржал. Весь табун метнулся к нему и сбился тесной кучей. С горы спускалась стая волков. „Атаман“ бил передними ногами снег и тревожно храпел. Звери приближались, охватывая полукругом лошадей, в середине которых были жеребята. Медлить было нельзя. Я выстрелил в ближайшего волка, и тот, подпрыгнув на месте, упал. Звери отступили.

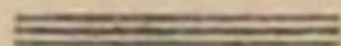
—В этом году к тебеневке я с ребятами подготовился неплохо. Заранее распределил участки, где и когда будут пастись лошади, заготовил корма, отремонтировал пригоны, утеплил их, вывез часть сена и сметал его на крышу. Нуж-

но бережно относиться к корму. Если его и много дать под ногами лошадям, толку будет мало. Втопчут в снег и сами останутся голодными. Поэтому я устроил кормушки. Большое значение имеет и водопой. Надо напоить лошадей вовремя и вдоволь. Другая лошадь не скоро подойдет к воде там, где образовалась береговая наледь.

—Особенно большое значение имеет сохранность конематок. У меня они в отдельном табуне. Часто кони лягаются, и вот тут-то нужен глаз. Предохранять от ушибов, особенно жеребых кобыл, — это основная обязанность табунщика. Не нужно допускать и большого скопления лошадей в одном месте. Это отражается, прежде всего, на их кормежке, и скученные кони часто грызутся.

Большой опыт у Бактубая Саврина — старого табунщика из колхоза „Пятилетка в 4 года“, Усть-Канского аймака, — всего не перескажешь. И этот опыт поможет ему занять одно из первых мест в социалистическом соревновании в честь тридцатилетия Октябрьской революции.

Н. Глебов.

С берегов Чуи

Горы уступают дорогу не сразу. Могучим кряжем они теснят тракт к обрывам, виснут над ним, угрожают. И только у Курая, последний раз вздыбясь на пути каменной преградой, отходят за Чую.

Тракт рассекает надвое последнее препятствие и вырывается на простор. Впереди в знойной долине — серая каменная степь. Далеко позади остались богатые долины, утопающие в зелени, и пестрота разнотравья.

Навстречу бежит тугой ветер — хозяин Чуйской степи. Он кружится в вихре пыли и песка, двигает мелкие гальки, которыми усеяна степь, и звенит ими.

Припорошенная пылью, мутная, бельмоватая Чуя течет меж песчаных крутых берегов, пробивается к Катуню. Гигантскими складками спадают Чуйские альпы к долине. Из ущелий текут бурные потоки, сясь прорваться к Чуе сквозь зыбучие пески и гряды галек. Пески наваливаются на них, впитывают влагу, обессиливая, истощая их.

Многие не доходят до большой реки, пересыхают на полдороге...

Путник тревожно смотрит на пустынную, распластавшуюся степь, скользит взглядом по тощим кустикам какой-то низкорослой травы. Все это не вяжется с тем Алтаем, оставленным позади, живописными его долинами, буйными травами и непроходимыми зарослями по берегам бурных рек, студеному ручьев.

...Кадыр срывает стебель желтой травы и, улыбаясь в жидкие усы, говорит:

— Если бы не эта степь, что бы тогда делал ты, Кадыр Ачубаев? Где бы нашли более вкусную траву твои верблюды? Верблюды — это знойная степь, это реки, колючки... Они едят траву чи. Вот она. Нет вкусней и приятней для

них травы, чем эта. Мне кажется, в моем табуне немного безгорбых.

Он гордо смотрит в степь. Около чистого домика, выстроенного специально для него колхозом на берегу Чуи, в широкой прибрежной долине пасутся верблюды. Он прав, знаменитый верблюдовод Кош-Агача. По долине медленно проходят косяки верблюдов, и жирные горбы седлом торчат на их спинах. В них кладовая верблюда. Есть горб—значит и жир есть. Выйдут все запасы из такой кладовой и горб повиснет лохматой челкой. На таком верблюде далеко не уедешь.

Величественно, будто корабль, подплыл к Кадыру большой белый верблюд.

—Это—отец почти всего табуна. Родоначальник белого племени. Еще от бая сохранил его,—Кадыр ласково потрепал животное по густой гриве и отогнал к табуну. Потом долго стоял, приставив ладонь к глазам, защищаясь от солнца, и смотрел в степь. Во всем облике его, в высокой, стройной и молодой еще фигуре чувствовалось, что он любит этот безбрежный простор, дышит им, живет, любит, как сын, эту суровую на вид Чуйскую степь.

Это она взрастила его, наделила мудрым опытом и отдала в руки доверчиво, как сыну, одно из ценнейших богатств колхоза.

—Мои корабли,—скупно улыбаясь, говорит Кадыр,—неплохо послужили в годы войны...

Он гордо и любовно оглядывает их и, нагнувшись, заботливо поднимает клочок пуха, оставленный на колючем кустарнике линявшим животным.

—Далеко ходили мои корабли...

Это было в суровое время. По степи от аилов и юрт умчались на заре джигиты. Резвые кони несли их туда, где в жаркой смертельной схватке с врагом боролась Отчизна. Каждый день выходили к тракту женщины, благославляя в долгий и опасный путь родных..

Потом опустел тракт. Редкие машины не доходили уже до высокогорного далекого аймака. Но аймак жил большой многогранной жизнью. На место ушедших мужчин встали женщины и подростки. Табуны и отары попрежнему уходили перед зимой в горы, а весной, когда начинался расплод, спускались в Чуйскую степь.

Проводил и Кадыр старшего сына. Был Мамий взрослым, самостоятельным верблюдоводом, и Кадыр видел в нем хорошего, понятливого хозяина. Мамий распрощался с семьей, с табуном и сказал отцу:

— Не вернусь без победы, лучше умру смертью храбрых. Но послужи хорошо и ты, отец. Пришло время показать силу и выносливость наших животных.

Хоть и молод годами был сын, но имел мудрость старца. Вскоре повял это не только Кадыр.

Все труднее и труднее становилась связь с городом. На складах заготконтор росли табора тюков с шерстью и пухом. Не вмещали подвалы брынзы и масла. А где-то там, в далекой России, охваченной пожаром борьбы, была в этом большая нужда. И тогда на тракт вышли пятомцы Мамвя и Кадыра. Сильные и выносливые, они поднимают громадные тюки масла и сыра.

Караваны верблюдов, мерно покачиваясь, потянулись по тракту с драгоценной ношей...

— Наши животные выдержали большое испытание, — Кадыр достал пожелтевшую от времени газету и развернул ее. Здесь сказано, как они работали...

Скромный старик умолчал о себе. Не нужно было смотреть газету, чтобы понять это.

Мы сидели с ним в чистом домике, на расписном, вытканом из белой шерсти сырмаке.^{*)} На стенах комнаты в рамках под стеклом висели 5 почетных именных грамот, красноречиво говоривших о работе Кадыра Ачубаева.

За окном, переливаясь радугой красок, горел закат. Он был удивительно ярок и красив этот закат на заснеженных вершинах гор.

— Всю жизнь здесь, и каждый раз, когда выпадает такой закат, не могу оторваться от него, — говорит Кадыр внезапно. — Правда, когда-то было не до этой красоты, так это было давно...

Безрадостна и жестока была жизнь молодого казаха-батрака у свирепого бая, унижительна и нищенски бедна. И тогда Кадыр пас верблюдов. Только не было старания и желаная знать больше. Много было разного скота у бая, только все это был мелкий скот и малопродуктивный. А верблюдов хозяин держал для жестокой эксплуатации. За породой он не следил. Тогда еще заметил Кадыр белого, в ту пору совсем молодого верблюда. Он отличался от всех изящностью своих форм, быстротой своих ног и широко развитой грудью...

От тяжелой, безжалостной нагрузки чахли и падали верблюды. А Кадыр и тогда уже привязался к ним. Были они безответны. Походила их жизнь на его жизнь — горькую и беспросветную.

^{*)} Сырмак — войлочный ковер.

Однажды он не послушался бая и не стал выючить белого молодого верблюда, которого втайне любил. Бай, расшвыривая, избил погонщика.

С каждым годом хирели верблюды. Табун их становился год от года все меньше и меньше. Обливалось кровью сердце молодого верблюдовода, глядя на них. Но чем мог помочь им Кадыр?

Хорошо, что вскоре пришли другие дни. Прогнала бая советская власть, и Кадыр снова пережил свою молодость. Легко и свободно вздохнула степь. Объединились труженики. Артелями повели свое хозяйство. И впервые за всю свою жизнь стал прислушиваться Кадыр к веселым, новым, как солнечный луч, зазвеневшим песням.

Кадыру поручили верблюдов. С жаром привялся он за восстановление табуна. Все знания и любовь свою отдал он этому делу, и результаты не замедлили сказаться: стадо росло с каждым годом. Он отбирал, хранил потомство белого верблюда. Неузнаваемыми стали животные. Строгий и честный, он требовал такого же старания от своих помощников.

Много бессонных ночей провел Кадыр со своей семьей у табуна. Особенно были тревожными дни во время выжеребки. Она у верблюдов происходит только в феврале. В это время по степи дуют холодные ветры. Кадыр в собственные руки принимал новое потомство, просиживая порой целые ночи у матки. Не каждый год они дают приплод, потому так дорог он.

Новорожденного Кадыр закутывал в шубу и нес в свой дом...

Многих трудов и стараний стоили Кадыру выращенные им 130 верблюдов. А когда-то во всем аймаке насчитывалось их всего подсотни.

Колхоз ценит его беззаветную и бескорыстную работу. Кадыра ежегодно премируют. Он участник Всесоюзной выставки. За 1946 год Кадыр получил по дополнительной оплате 2 верблюдов и 12 баранов. Высокая оплата за труд дала возможность знатному верблюдоводу жить зажиточно и культурно.

Честный труд принес Кадыру широкую известность и славу. Вот почему говорят в степи:

— Кадыр без верблюдов—все равно, что наездник без коня.

Любит Кадыр верблюдов и степь, суровую и неприглядную на вид, скупую на пышные уголья. Растит она чахлую на вид, незаметную, но питательную траву чи. Разбросала повсюду вкусные солонцы. Выпустила прохладные ключи на

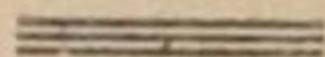
поверхность, все, чтобы услужить хорошим людям. И Кадыр, любовно оглядывая ее в вечерних сумерках, горячо восклицает:

— Что без нее я, мои животные? Что без нее несчетные отары овец в аймаке?.. Она близка мне и покорна. Она ведь щедрая. Это на вид сурова она. Ее нужно узнать, а потом легко и покорить себе...

Клочьями тумана поднимались сумерки. Потянуло холодом с гор. Вдали по берегам Чуи, у летних становищ, зажглись ночные пастушьи костры.

Много их мерцало уже в необъятных просторах степи. Будет еще больше. Так думает Кадыр Ачубаев, так думают все передовые пастухи аймака. Нужно только изучить ее, эту степь, а потом легко и подчинить ее своей силе.

А. Демченко.

Старший ветврач

Апрельское солнце уже наполовину скрылось за вершину горы. Слабые косые лучи его кое-где еще золотили желтый ковер Улаганской долины. Свежий весенний ветер оставлял за собой серебряную рябь на озерах.

Иван Евграфович подошел к дому, смахнул с ног седую дорожную пыль и открыл дверь. Тяжело перешагнув он через порог и молча стал раздеваться. По всему было видно, что человек устал. Сказывается возраст и пройденные за день пешком тридцать километров.

В командировке Иван Евграфович находился несколько дней. В колхозах Балыкту-Юльского сельсовета производил отбор лошадей для армии, попутно проверил состояние здоровья скота на фермах, нашел время и для бесед с животноводами. Использовал время как нельзя лучше.

Жена не стала его расспрашивать. Поняла, что ему сейчас не до разговоров, только и проговорила Александра Степановна:

— Что же это ты, пешком что ли?

Иван Евграфович повесил куртку на вешалку, доковылял отяжелевшими ногами до кровати и прилег.

— Мне предлагали лошадь на работу я вчера закончил поздно вечером. А потом еще совещание было в сельисполкоме... Ночью не поехал. Хотелось побывать у пастухов. Не попроведать пастухов нельзя. Кто знает, когда удастся поехать к ним в другой раз. А ведь там скот осмотреть надо, пастухи в десяти километрах от колхоза...

— А сегодня не дали коня? — не вытерпела Степановна.

— Дело в том, что сегодня я встал рано. Все еще спали. Будить пожалел... До темна люди работали...

Александра Степановна уже все поняла и ей не требовались подробные объяснения. Она хорошо знает характер человека, вместе с которым прожита вся жизнь. Чувствуя

ее молчаливый упрек, Иван Евграфович поправил подушку и продолжал.

— Ну как возьмешь лошадь, если на ней надо пахать. Сейчас лошадей беречь надо. Самый сев. У меня просто не хватает совести взять, оторвать от работы на целый день. Оно, конечно, пешком тяжело, но зато теперь знаю, что там делается и как.

Объяснение прервала ветсанитарка колхоза «Пограничник».

— Эзендер!—приветствовала она, входя в комнату.

— А-а! Эзен, эзен!—Вмиг повеселев, Иван Евграфович проворно поднялся с кровати. Встреча со своими питомцами всегда ему доставляет удовольствие. Обучено же им семь колхозных ветфельдшеров, свыше пятидесяти ветсанитаров и кастраторов. Это—его кадры, его глаза и руки в колхозах, его верные помощники в борьбе с эпизоотиями, за сохранение и улучшение продуктивности скота.

— Ну как там у вас дела?—начал он, обращаясь к вошедшей.

— Кем-ек, якши. Ничего, хорошо. Я узнала что, вы дома и зашла. Может, указания какие дадите.

— Так, так, отлично. Ну, а как все-таки скот, не болеет?

— Нет. Ничего. Только один теленок...

— Один! Разве это мало?—обеспокоенно воскликнул Иван Евграфович.

— Он не болел, а просто был слаб физически....

— Так об этом надо было сообщить мне немедленно,—перебил он и возмущился улыбке на ее лице.—Его можно было спасти.

— А потом он поправился. Мы его выводили.

Секунду Иван Евграфович смотрит на свою собеседницу недоумевающе.

— Выводили? Поправился?!

— За теленком был особый уход. Теперь он совсем здоров, веселый, красивый,—улыбаясь, рассказывала ветсанитарка,—большой вот такой.

— Как же это ты посмела так разыграть старика, а?—и он залился смехом.

— Я не хотела этого,—смущенно улыбаясь, оправдывалась санитарка.

— Ничего,ничего. Я не обижусь. Сам поспешил. А все-таки нужно было поставить меня в известность, хотя и надеялись, что справитесь сами,—уже серьезно заговорил он.—Лекарство имеете?

— Немного есть.

— Когда поедете обратно в колхоз?

— Сегодня.

Иван Евграфович задумался. Встал, прошелся по комнате и, подойдя поближе к собеседнице, посоветовал:

— На всякую мелочь обращайтесь внимание и сообщайте мне немедленно, как только что-либо заметите. А сейчас пойдете на ветучасток. Получите кое-какие лекарства.

Стал одеваться.

— Ты бы поужинал сначала, — предложила Александра Степановна, накрывая на стол.

— С ужином придется немного обождать.

Жена беспомощно развела руками:

— Никогда ни отдохнет как следует, ни поест...

После ужина Иван Евграфович просматривал газету. „Красная Ойротия“ сообщала о подготовке к 25-летнему юбилею области.

— Уже 25 лет прошло! Ойротия стала автономной областью, когда я работал в Турачакском аймаке, — вспомнил он, — а через пять лет получил назначение в Улаган. Здесь ведь нахожусь уже с 1927 года.

Мысль побежала по пройденному им пути.

• Поздняя осень 1927 года. Тесная Челушманская долина. Отвесные скалистые горы. Сверху узкая полоска голубого неба. По берегу шумной, грохочущей реки пролегла каменная верховая тропа. Он едет старшим ветврачом в Улаганский аймак, а впереди — случайный его спутник. Едут „гуськом“ один за другим, разговаривая, стараясь перекричать реку.

— В Улаган поехал? — кричит спутник, с трудом выговаривая русские слова.

— Да, в Улаган, — отвечает Иван Евграфович.

— Чего делать?

— Жить, работать, лечить...

— Вы доктор?

— Да, ветеринар, — поправляет его Иван Евграфович. Но тому непонятно. — Скот лечить буду... Лошадей, коров, овец...

— А-а! — удивленно восклицает тот. — Скот лечить тоже лекарство есть?

— А как же, есть. Вот проеду по всем урочищам, посмотрю, узнаю, где есть больные. Вы откуда?

— Из Челушмана.

— У вас есть больные лошади, овцы?

— О, о, много-много. Лечить надо.

„Малдын доктор, малдын доктор Титов, скот, говорят, будет лечить“, — из уст в уста передавалась новая весть по всем айлам. Скоро о старшем ветвраче узнали все жители Улагана. Позднее они стали говорить об его успехах, о качествах, обсуждать между собой при встречах друг с другом в пути

— Эзен!

— Эзен!

— Чо есть нового в вашей местности?

— Люди говорят, что в аймаке есть хороший доктор...

— А, знаю, знаю. Малдын доктор Титов. Очень хороший человек.

— Думаю к нему съездить. Лошадь хочу показать. И, если удастся, буду просить приехать ко мне посмотреть овец. Не знаю, поедет ли?

— Никогда не откажется. Приедет, поможет. Он вчера в нашем езеке был, осмотрел скот, а вечером на собрании рассказывал, как надо скот беречь. Кроме того сказал, что по-новому надо жить — артелями. Тогда, говорит, и скот легче будет уберечь, свой лекарь у них будет. От нас он уехал только сегодня утром.

— Куда?

— В аймак.

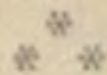
— В таком случае надо торопиться. Но как его найти?

— О, о, его все знают. Спроса любого — расскажет.

Ивая Евграфович был единственным ветеринаром во всем огромном аймаке.

Инфекционные болезни вспыхивали то в одном, то в другом урочище. И он, единственный воин, должен был поспевать всюду, бороться с невидимыми простым глазом врагами — болезнетворными микробами. Сколько животных спас он от гибели!

Много трудного пришлось преодолеть в те первые годы существования колхозов. Остатки кулачества как бы вступали в «союз» с заразными микробами, старались помешать его работе. Но он был смел и настойчив.

Росли и крепили колхозы. Это воодушевляло, вливало новые силы.

Один за другим вырастали: Улаганский ветучасток, Балыкту-Юльский и Чодринский подрайонные ветпункты и Челушманская подрайонная ветамбулатория. Иван Евграфович не ограничивался только организацией этого строи-

тельства, но я руководил им. Нередко случалось — брал в руки топор и помогал плотникам.

Появились колхозные ветеринарные кадры, подготовленные им. Теперь он уже не был единственным ветеринаром в аймаке.

Но вот началась Отечественная война. И кадры его поредели. Четыре сына также ушли на фронт. Начали в тяжкие испытания.

Годы войны потребовали напряжения умственных и физических сил. Ответственность за сохранение животноводства возросла неизмеримо. Старый ветврач понимал, что и от него зависит ускорить победу на фронте.

Многое пришлось пережить за эти годы.

Однажды зимой Иван Евграфович был в отдаленном сельсовете Чедро. Ночевать не остался, выехал ночью, чтобы не терять лишнего времени. С вечера было пасмурно и тихо. Потом далеко впереди на матово-сером небе открылось маленькое голубое оконце. Поднялся ветер. Сначала Иван Евграфович ехал таежной тропой, невольно прислушиваясь к однообразному лесному шороху. Кончился лес. По лицу хлестнул холодный колючий ветер. Иван Евграфович надвинул шапку и поднял воротник. Ветер, поднимая целые тучи снега, свирепствовал в открытой высокогорной долине.

Замело дорогу, залепило снегом лицо и глаза. Лошадь поминутно сбивалась с пути и с большим трудом переставляла ноги по глубокому снегу. Иван Евграфович слез с лошади, взял повод в руки, пошел пешком. Ощупью отыскивал тропу и медленно подвигался вперед. „Еще бы километра два и не страшно, там лес“, — успокаивал себя. Но вскоре совершенно сбился с пути, потерял ориентировку. Густой мелкий кустарник, глубокий снег и ветер затрудняли путь, выматывали силы. Но путник еще долго бродил, стараясь выйти к лесу. Истратив силы, еле держась на ногах, он остановился...

Ехать верхом на лошади было невозможно — до самых костей пробирал холод. А втти уже больше не мог. Стал разгребать снег, чтобы укрыться в нем от сурового ветра. „А как же он? — подумал Иван Евграфович и, с трудом поднявшись, подошел и прижался к своему коню. „Так до утра не доживешь. Неужели конец? — страшная мысль мелькнула в голове. — Нет. Не может быть. Только нельзя стоять на месте, надо втти вперед“. И сделал один шаг, потом второй, третий, наугад взял направление. Прошел, утопая, еще несколько шагов и увидел впереди еле заметную полосу.

Лес! Сразу прибавились силы. Через несколько минут он уже подошел к крайней сосне.

* * *

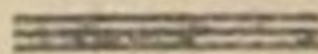
Два сына Ивана Евграфовича погибли в боях за советскую Родину. Казалось, что он не в состоянии перенести горе. Но он перенес, не поддавшись слабости и унынию. Разгорелась ненависть в старом сердце к немецко-фашистским захватчикам, стремление отомстить им за все горе. И он отомстил им, честно трудясь на благо Родины.

Двадцать лет работает старшим ветврачом в Улаганском аймаке Иван Евграфович, двадцать лет непрерывной борьбы за сохранение и улучшение животноводства. За это время он вступил в члены большевистской партии. Три раза участвовал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и получил серебряную медаль.

Время было уже за полночь. Иван Евграфович все еще сидел над развернутой страницей газеты, вспоминая пройденный путь. Потом достал из стола и перелистал целую пачку почетных грамот, как бы ища подтверждения своему праву сказать о прожитых годах: „Не напрасно они прошли. Есть и моя доля труда в том, что создано в Ойротии за четверть века“.

Утром Иван Евграфович уже принимал больных животных на своем ветучастке. Весеннее солнце бросало яркие лучи на его белоснежный халат.

И. Кочев.

В оленьих парках

I

Пока человек приручил зверя, и зверь превратился в домашнее животное, прошли миллионы лет. Превращение в домашнее животное пятнистого оленя, остававшегося диким миллионы лет, совершается сейчас за несколько десятилетий.

Советские хозяйства, занимающиеся разведением маралов и пятнистых оленей, были организованы как звероводческие. И неслучайно называют их животноводческими сейчас даже в ведомственной переписке.

Ветеринарный врач Шебалинского оленесовхоза Максим Васильевич Скибин двенадцатый год работает на Алтае. Он был свидетелем того, как вели себя вначале пятнистые олени, завезенные на Алтай с Дальнего Востока.

—Почти полсотни людей пришлось созвать, чтобы доставить не такое уж большое количество оленей до парка. Казалось, исключена всякая возможность упустить животных. Но вот один самец великолепным прыжком взвивается над головой погонщика, и только его я видели. Для остальных такой способ вырваться на свободу тоже не был затруднителен.

—Трое оленей погибли от нервного шока, — вспоминает врач, — так велико было чувство страха перед человеком. У оленей и сейчас больше причуд, чем у маралов, а в первые годы они были совсем дикошарые...

Убегавших поймать было не просто. Разбирали звено парковой изгороди, сыпали цепочкой корм и вводили ту цепочку далеко за пределы усадьбы, в тайгу. Голодный олень, собирая по соломинке, по зернышку корм, незаметно для себя оказывался за оградой парка. Но возможно это было только в тот период, когда олени уже находились в других зимних отделениях парка. В противном случае — одного поймаешь, а десять упустишь.

Редкие беглецы возвращались к стаду во время осеннего любовного гона.

А вот в 1943 году, чрезвычайно тяжелом для оленьего хозяйства из-за трудностей, связанных с войной: недостатка людей, невозможности запасти достаточного количества кормов, — пришлось оленей перегонять в другой парк. Животные уже настолько привыкли к охране, что спокойно прошли все расстояние... за возом сена.

Сейчас маралы обедают по сигналу колокола. Оленей кормач сзывает криком.

Любезно показывая приезжим свое хозяйство, здесь все же не забудут рассказать несколько забавных и нежелательных случаев с посторонними в парке.

Приезжего городского представителя заинтересовал колокольный сигнал в парке. Он решил проверить действие этого сигнала на маралов в неурочное время, вошел в парк и ударил в колокол. Не успел колокол умолкнуть — со всех сторон появились маралы. Великолепными прыжками приближались самцы-рогачи, украшенные ветвистыми пантами. Должно быть, впечатление оказалось довольно сильным. Кормачи, подоспевшие на неурочный сигнал, нашли гостя притаившимся за кормушкой. Животные не боялись человека, но человек был ими откровенно напуган.

Рассказывают и другой случай, закончившийся не столь безобидно. Актрисы национального театра после выездного спектакля отправились посмотреть животных. Свои восторги они выразили слишком громкими восклицаниями. Красавец-рогач встревожился и перемахнул через двухметровую изгородь. Прыжок закончился неудачно. Марал задел во время прыжка за что-то и сломал пант, пришлось делать срочную операцию.

Все это выслушиваю и я перед поездкой на оленью ферму Арбайты.

II.

От подножья горы нас отделяет речушка. Она звенит где-то внизу, у скалистой подошвы, среди кочковатой согры.

Солнечные лучи на закате. Мягко освещены ими редкие лиственничцы на склонах. Мой проводник называет все это: согру, речушку, крутизну за нею и лиственничцы — садом.

По эту сторону — пологая поляна, высокие изгороди. Солнце вот-вот уйдет за гору, но пока здесь светло тихо на пригреве. Мы сидим на дереве, поваленном бурей и старостью. Даже сюда, в замкнутую горами долину, проникают

бури. Здесь высоко, что-то около полутора тысяч метров над уровнем моря

Проводник кажется старше, когда сидит и разговаривает негромко. Но вот он встал и начал звать:

—Маси! Маси!

И неожиданно эхо делает его голос молодым, звучным, сильным. Оно подхватывает призыв человека и много раз повторяет:

—Маси! Маси!

Я еще не вижу их и нетерпеливо встаю. Проводник останавливает:

—Сиди. Смотри. Вон, с хребтины бегут...

Теперь вижу. С вершины горы катится лавина, желтовато-красная, как осенняя тайга. Человек и конь на такой тропе ломают голову, но то стоногое, что мчится вниз, к нам, не боится крутизны.

Не успеваю перевести глаза—передние уже по эту сторону, на поляне перед нами.

—Шустрые парни,—хвалит их оленевод.

Олешки еще не успели вылинять, зимняя шерсть из желта-бурая напоминает верблюжью, но у крайнего, успевшего нагулять тело, ясно проступили белые по красному яблоки.

Сторожкие уши, черные гуттаперчевые носы, черные, живые, вопрошающие глаза в трех-четырех шагах от нас.

—Вон этот—резанное ухо—плохой парень,—говорит проводник.

—Почему?

—При съемке пантов дерется...

Не успевает он договорить, рядом раздается пронзительный свист. Немногие умельцы так озорно свистят при помощи пальцев. Невольно смотрю на проводника. Нет, это не он.

Свист повторяется, и я получаю объяснение. Это сигнал тревоги. Один из „шустрых парней“ предупреждает стадо об опасности. Держи, мол, ухо остро: с нашим знакомым человеком—чужак.

Некоторые насторожились. Но взбаламутить весь табун вожаку не удастся. Он повторяет свист все слабее.

Длинные сторожкие уши еще долго обращены к нам. Черные глаза долго изучающе смотрят. Резанное ухо стоит ближе всех. Закатный луч сквозит в его отметилах. Он первым начинает жевать жвачку. Жует энергично, быстро двигая узкой маленькой челюстью.

У некоторых уже начинают пробиваться ростки новых пантов.

У большинства—еще гладкие коронки. „Для того, чтобы вырасти пантам, потребуется сорок пять дней,“—говорит проводник. Редко что может сравниться с этим бурным ростом живых клеток.

Проводник называет олений парк садом. На языке китайцев пятнистый олень—олень-цветок. Проводник прав. Животные-цветы пасутся в его саду.

III.

Чучело беркута стоит рядом с письменным столом. В углу—ружье. У крыльца оседланная лошадь. На склоне горы, за конторой, совсем близко от жилищ пасутся маралы.

Хозяин кабинета, ружья, беркута—Василий Андреевич Удадьцов, зоотехник по специальности, рассказывает о повадках животных.

За оградой парка, в горных расселинах по ночам рыщут волки, крадутся росомахи, выжидая удобный момент, чтобы наброситься на беззащитную жертву, лисицы охотятся на оленят-малышей.

В годы войны охотников осталось мало, мужчины ушли на войну, и хищники расплодился в угрожающем количестве. Волки здесь опаснее для паркового хозяйства, чем тигры уссурийской тайги. Те убивают, чтобы насытиться, а волк, ворвавшись в парк, душит животных десятками. Летом в парках организована круглосуточная охрана.

И вот в летние ночи на сторожевой костер собираются обитатели парка, окружают людей и располагаются на ночлег. Сторожа разговаривают, ходят. Животные спокойно лежат в освещенном пространстве, вблизи от огня и человека. Они уже знают, что огонь и человек—верная защита от хищников.

О нравах таежных обитателей тайги и гор Василий Андреевич Удадьцов рассказывает образно и поэтично.

О себе он кратко сообщил: окончил звероводческий факультет Московского зоотехнического института. По окончании института отказался от возможности работать где-нибудь в центральных заповедниках страны, уехал в один из отдаленнейших уголков Алтая—Талбцкий маралосовхоз, и проработал там десять лет. Сюда переведен в сорок пятом году.

Удадьцов озабоченно посмотрел на часы, снабдил меня литературой по истории оленеводства на Дальнем Востоке и Алтае и, сославшись на дела, исчез.

Из книг узнаю: прекраснейшее в мире животное, пятни-

стый олень, в сравнение с которым не идут даже благородные олени европейских аристократических парков, еще в двадцатых годах этого столетия был приговорен к полному уничтожению.

Вот что сказано в одной из книг: „Пройдет еще несколько десятков лет, и последние остатки ценнейшего зверя навсегда сойдут с лица земли“.

На мой недоуменный вопрос по этому поводу ответил уже директор совхоза Николай Васильевич Учакин.

Приговор этот вынесен на том основании, что оленеводческие хозяйства, имевшиеся у частных владельцев до революции, были уничтожены белогвардейщиной и интервентами в годы гражданской войны. Животные поголовно забиты на мясо. Оставшиеся в диком состоянии животные зверски истреблялись китайскими и русскими браконьерами.

Потребовались годы кропотливой работы, чтобы возродить пантовое хозяйство. Не было опыта и сколько-либо обоснованных научных методов правильного содержания оленей и маралов в парках.

В настоящее время не только у себя на родине, в парках полуострова Аскольд, в парках Сигиди в Приморье, но и здесь, на Алтае, в иных климатических условиях, на ином корме, животные чувствуют себя хорошо, размножаются, дают превосходные экземпляры пантов.

—Мой заместитель Василий Андреевич Удадьцов ведет большую исследовательскую работу,—добавил директор.—Воздействие различных кормов на качество пантов, на улучшение оленьего стада доказано. Вымирание оленей—чепуха. Василий Андреевич добился интересных результатов. В его распоряжении оборудованная лаборатория...

На мой вопрос о том, куда уехал Удадьцов, узнаю, что Василий Андреевич с егерями выехал в дальнее урочище Кудаты на волчью облаву.

На следующий день вернулся один из охотников, заведующий почтовым отделением в совхозе. К седлу его был приторочен мешок с четырьмя волчатами. У них еще едва прорезались глаза, но тот, что побольше, уже свирепо рычал на людей. Охотник, обрадованный добычей, поспешил уехать в Шебалино, чтобы сдать зверенышей и получить премию. Участники облавы на месте хватились счастливица, но было поздно. Волчат не следовало трогать. По законам волчьей охоты им следовало подрезать сухожилия на лапах. Волчицу тогда легко было бы выследить. В совхозе были встревожены. Многие уверяли, что волчица теперь будет мстить и может причинить много вреда в парках.

Удальцов с несколькими охотниками остался в засаде до тех пор, пока не будет выслежена и убита волчица.

Скромный зоотехник-коммунист оказался исследователем. Вдумчивый исследователь — страстным охотником, — делаю вывод.

Управляющий снова „вноит поправку“.

— Это не страсть, а необходимость. Самая обыкновенная служебная обязанность.

Он очень конкретен, управляющий. Много лет он проработал в далеких горных хозяйствах, но попробуйте, скажите ему о дальности расстояния, оторванности, он с недоумением посмотрит на собеседника. Искренне стараясь разубедить вас в заблуждении, он назовет вам десятки известных фамилий, людей самых различных профессий и положения, в дружбе с которыми он состоит.

Год назад заслуженный генерал приезжал к нему поохотиться на диких коз. Маститый ученый пишет ему о своих опытах, связанных с пантовым хозяйством. Известный кинорежиссер не раз бывал здесь на съемках фильмов.

Во время нашего разговора в кабинет вошел сын ветврача Максима Васильевича Скибина. Летчик, сфидер, он приехал к отцу, чтобы поправить здоровье после ранения. Он летал над Карпатами и Тиродем. Освобождал Будапешт, бывал с торговой миссией в Тегеране.

Предрассудком показалось собственное первоначальное мнение о дальности расстояний, оторванности и в пору было уже восхищаться здесь, на Алтае, не первозданной красотой горного пейзажа, а многокрасочностью нашей действительности.

В ночь на 10 мая олени парки побелели от снега. Лица людей стали озабоченными. Пятнистые олени и маралы совсем не умеют добывать корм из-под снега. На кустарниках еще не успели распуститься почки — любимое лакомство оленей. Если снег продержится хотя бы сутки, придется животных перевести полностью на концентрированные корма.

В утренний час, когда горное солнце излучает самые чистые свои лучи, оно разорвало тучи, и снег лежал ослепительно белый, до острой боли в глазах. Потом он начал таять. На южных склонах зазеленела трава, омытая им, и маралы спустились с вершин, где любят проводить свои ночи.

Пантовое хозяйство, имевшее до революции единственную цель — экспорт в Китай, сейчас получило значение и для советской медицины. Нашими учеными найден способ использования целебных свойств пантов, известных тибетским врачам многие тысячелетия, но окруженных тайной.

Пантокрин, полученный советскими учеными, имеет свойство восстанавливать утраченные силы человеческого организма. При помощи пантокрина в годы Отечественной войны в госпиталях спасены тысячи жизней.

IV.

По словам Галактиона Медведева, старшего мараловода совхоза, в январе 1942 года на Волховском фронте пополнение из Сибири „по рукам расхватали“.

Воинская репутация сибиряков возросла после обороны Москвы.

Первым вопросом ко вновь прибывшему на фронт было:
— Откуда, земляк?

Вторым:

— Чем занимался до армии?

Родом Галактион Медведев оказался самый дальний, с Алтая, и специальности мудреной и для многих непонятной — мараловод. Фронтowych товарищей заинтересовали обе составные половинки этого слова, и что такое марал, и как его „водят“.

Посмотрел Медведев на белесое небо за Волховом, на плоское болотистое поле и редкий ельник перед окопом. Захотелось рассказать о родном Алтае так, чтобы фронтовики почувствовали — лучше его родной сторонки нет другой на свете. Но где возьмешь слова, достаточно верные и подходящие, чтобы передать всю красоту голубых далеких гор. Как передашь шум водопада и радугу над ним, вставшую из ущелья. Орлиный клекот беркута в бездонной пропасти неба.

Что касается его специальности, то если уж люди не слышали о такой, то что тут и расписывать. Мараловод, одним словом.

— Воспитывал маралов. Охранял, берег, кормил с подручными. В весеннее время снимал панты, варил их, приготавливал, обрабатывал.

И только одному, самому близкому потом дружку, погибшему позднее на поле боя сержанту, открыл душу. По-рассказал такое, что тот только удивленно повторял:

— Красота! Вот где красота-то!

Рассказал Медведев о зеленых заповедных парках в долине реки Пишпек, за стеною высоких гор. Там среди могучих лиственниц, под-над чистыми, прозрачными ключами пасутся редкой красоты животные, быстроногие маралы и пятнистые олени.

Рассказал о пантах, вырастающих каждую весну на го-

лове самца-рогача, чтобы окостенеть, превратиться в могучие ветвистые рога к осеннему любовному гону, а потом опасть в конце зимы, как опадают переспелые плоды. Объяснил и то, почему ценят панты на вес золота. Насыщенные горячей кровью животного, бархатистые, нежные побеги будущих рогов таят в себе целебное животворное свойство. Возвращают людям силы, помогают человеку справиться со многими пагубными болезнями.

Рассказал о мараловодческом совхозе на Алтае, о себе, о семье, о любимом верховом коне «Буяне».

И все беспокоился солдат, как бы без него не пришло в упадок диковинное и ценное для страны его хозяйство.

Во время прорыва ленинградской блокады Медведеву осколком снаряда раздробило голень ноги.

В полевом госпитале в раздробленных костях, изорванных мышцах и тканях началось разложение. В горячечном бреду Медведев беззлобно бранил кого-то, называл «дикошарым», командовал «загонять» «дикошарых» из парка». Да упорно звал любимца, совхозного коня «Буяна».

...Мы едем в парк. Наши кони идут рядом. Медведев в седле, на своем «Буяне» забывает об увечье, о протезе. А работа его сопряжена с моментами довольно острыми и напряженными. Еще до войны один рогач, пока загоняли его в панторезный ставок, налетел и сшиб Медведева вместе с конем.

— Сшиб и стоит. Конь поднялся, потом я. Пришлось снимать панты валом.

Рогачи пасутся сразу за воротами парка. Красноовато-серые, набрякшие, панты формой несколько напоминают побеги кактуса. У отдельных самцов панты разветвились и схожи с рогами северных оленей. Маралы крупнее оленей и менее стройны. Что-то в их походке, в складе, в окраске — верблюжье. И только рога делают их красавцами.

Картина должна быть внушительной, когда один из таких рогачей поднимается на задние ноги и двинется на противника. Бьет он передними ногами.

— Как на кулачки, — определяет мараловод.

Во время осеннего гона, второго ответственного периода в жизни парка, наступающего с сентября, в борьбе с соперниками за самку, марал дерется и рогами, как бык. Здесь они приходят комолами к гону, но это не мешает самцам ожесточенно драться окостеневшими деньками. Весной пеньки спадают, как это обычно бывает с рогами оленей.

Медведев придерживает коня, подолгу изучающе вглядывается в каждое животное, чья голова украшена самыми

ветвистыми спелыми пантами. Пятнадцатилетний навык помогает ему безошибочно определить день, после которого в поспевшем панте начинается процесс окостенения.

Равьше егеря и мараловоды были вооружены биноклями. Подъехать и осмотреть простым глазом не каждый рогач, бывало, подпустит. Бинокль не мешает и сейчас. Но в войну бинокли были нужнее фронту. Опытный мараловод обходится без бинокля.

Подъезжаем к домику, от которого уходит лабиринт высоких, прочных коридоров. Лабиринт этот из парковых секторов ведет животное прямо в панторезный станок.

Женщина известью белит внутренность коридора и стены в помещении станка.

Сама операция спиливания пантов длится две-три минуты. Мараловод утверждает, что вреда от операции животному нет, хотя сама по себе она болезненна. Бывают случаи, когда животное и обомрет, и приходится прибегать к нашатырному спирту.

Он доволен составом, применяемым в последние годы для смазывания места среза. Раньше пользовались полухлористым железом, после него образовывалась ямка в шишке. Сжигало ткани. И следующие панты росли нередко уродливыми, что снижало их ценность. Теперь пользуются смесью алюминиевых квасцов и нафталина. Это дешево и предохраняет от мух. А для заживления пенька больше ничего и не нужно. По их примеру сейчас повсюду в мараловодческих хозяйствах пользуются этой смесью. Применил ее впервые ветврач Максим Васильевич Скибин.

Здесь же впервые начали отлучать телят от оленух, позволяя матери кормить олененка только до пяти месяцев. Равьше этого не делали. Оленуху, уже стельную, продолжал сосать олененок до весны. Истощалась и сама она и плод.

Подъезжаем к сооружению, где происходит процесс консервации срезанных пантов. Процесс этот требует от варщика большого навыка и считается наиболее ответственным. Мне уже известно, что старший мараловод Медведев — лучший варщик пантов, и передает это искусство другим. Известно также, что по возвращении с фронта Медведев немало «попортил крови» кое-кому, когда обнаружил разобранное звено парковой ограды, недочеты в кормлении. Егеря и кормщики в первый же день его появления почувствовали, что с фронта к ним вернулся рачительный хозяин.

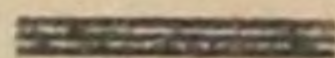
Галактион Анисимович проверяет готовность и этого

участка к предстоящей кампании и мы продолжаем наш путь вглубь парка.

Среди вековых лиственниц на зацветающем лугу пасутся табунками животные. При нашем появлении они перестают есть и провожают нас внимательными взглядами. В черных глазах больше любопытства, чем опасения. Так на большом торговом тракте проводит всадника глазами встречный прохожий.

В табунках есть и саендыши, с рожками-сайками, по второму году и перворожки, у которых нынче уже предстоит снимать панты, и взрослые самцы. Грациозно поворачивают они к нам головы, отягощенные большими прекрасными пантами.

Анна Герман.

Председатель колхоза

Домой Андрей Никандрович Манеев вернулся 3 июля 1942 года. Девять месяцев пребывания на фронте, месяц непрерывных боев на Северо-Западном фронте, тяжелое ранение под Старой Руссой и лечение в госпитале—все это было позади. О фронте ежедневно напоминало радио, газеты, да ноющая, не оправившаяся еще после ранения рука.

Напряженное военное лето было в разгаре. Дорог был каждый день, каждый человек. От успеха на полях зависела помощь Советской Армии. Смотреть, как трудятся другие, наслаждаться заслуженным покоем—не в характере этого коренастого, крепко скроенного человека. Мог ли оставаться в стороне он, Андрей Манеев—потомственный хлебороб, с 1930 года колхозник, бригадир, перед войной—председатель сельхозартеля «Вторая пятилетка» в селе Верх-Карагуж? Тихая и бездеятельная, обособленная от коллектива жизнь Манееву была не по нраву.

Вот почему через три дня после возвращения из госпиталя он уже стоял в кабинете секретаря Ойрот-Турского райкома партии и просил об использовании на работе. А через 8 дней после приезда Манеев уже шагал по усадьбе и полям колхоза «Земледелец», председателем которого, по рекомендации райкома, избрал его народ. Андрей Никандрович по-хозяйски осмотрел все, что ему сдавал предшественник, и колхозники, глядя на него, чувствовали и верили—пришел настоящий хозяин.

Первое впечатление колхозников от председателя не было ошибочным. Манеев быстро сумел навести в колхозе порядок, поговорил с каждым колхозником, определил их интересы и склонности, в соответствии с этим подобрал рабочее место для каждого. Труд в артели стал спориться лучше, результаты и слава передового колхоза с каждым годом росли.

1946 год колхоз «Земледелец» завершил особенно хорошо. Возросло поголовье скота. По крупному рогатому скоту колхоз перевыполнил план на 14 процентов. В хозяйстве повысился настриг шерсти, возросли удои. По всем видам поставок продукции государству колхоз рассчитался досрочно. Особенно же успешной была работа полеводов. Они сумели расширить посев зерновых культур. Неблагоприятные погодные условия не помешали им во-время собрать хороший урожай. Государству «Земледелец» сдал сверх плана 3500 пудов хлеба.

Руководитель крупного коллективного хозяйства, Манеев отличается от других своим определенным стилем работы. Он хорошо изучил людей, их особенности, склонности, желания и нужды, даже характер. Ведь, в конце-концов, в любом деле успех зависит от людей. И Манеев знает каждого колхозника, почти как самого себя, каждому находит работу по душе и способностям. А известно, что когда человек работает там, где ему хочется, по желанию, — работа спорится лучше.

В каждом деле, даже незначительном, опорой Андрею Никандровичу является коллектив. Каждое дело председатель старается обернуть так, чтобы работник сам чувствовал ответственность за выполнение. Он, например, никогда не плавирует задания для бригад и ферм сам, что сделать, конечно, куда легче, а обычно перед началом работ усаживает рядом с собой бригадира или заведующего фермой и заставляет составлять график, нормы, задания. Иногда это было для бригадира непривычно трудно, но в случае неудачи он уже не мог сослаться на других: „Вишь, как напланировали“. Контроль же за исполнением, за ходом работ председатель не ослабит. От его взора не скроется ни промах, ни успех, требующий поощрения.

Вопреки старой пословице, что „добрая слава лежит, а худая бежит“, слава о хорошем председателе, коммунисте Андрее Никандровиче Манееве бежала далеко за пределы колхоза и даже района. Вот почему, когда в декабре прошлого года вместо ушедшего на кооперативную работу прежнего председателя сельхозартели им. Сталина райком порекомендовал в руководители Манеева, колхозники выбрали и приняли нового председателя с радостью. Доярки уверяли полеводов, что Манеев особенно хорошо знает и любит животноводство, поэтому в „Земледельце“ так неплохо работали фермы, Полеводы, в свою очередь, доказывали, что совсем наоборот — он всегда больше уделял внимания поле-

водству. А трактористы, с улыбкой выслушав мнение тех и других, изрекали:

— Эх, вы, ничего вы не знаете! Машины он больше всего любит. В „Земледельце“ всех трактористов хорошо рассчитал, да и у нас уже распорядился, чтобы сполна было выдано заработанное. С таким только и работать нам, трактористам.

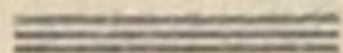
И каждый из колхозников был прав. Манеев одинаково хорошо знает и ценит все отрасли хозяйства, ибо каждая из них дает успех хозяйству в целом.

В новом колхозе Манеев освоился быстро. Колхоз был неплохим, перспективы для его развития и экономического укрепления богатые. В это же время стало известно решение февральского пленума Центрального Комитета партии „О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период“, как бы подытожившее опыт в Манеева, и сотен тысяч других работников социалистических полей. Решение это влило новые силы в Андрея Никандровича Манеева, деятельного, в труде беспокойного председателя колхоза имени Сталина.

Нынче колхоз особенно хорошо подготовился к весне, дружно и во-время начал полевые работы. Полеводы решили к 30-летней годовщине Октябрьской революции вырастить по 12,5 центнера с каждого гектара посевной площади. Животноводы борются за увеличение поголовья скота и его продуктивности. Садоводческая бригада устанавливает новые столбы на хмельнике, восстанавливает его. В этом году колхоз установит мельницу, капитально отремонтирует и расширит скотные дворы. Приобретает колхоз новую грузовую автомашину, — будет на чем подвезти строительный лес и материалы.

Большой и разнообразный круг деятельности коллективного хозяйства. И Андрею Никандровичу Манееву есть где применить свой талант организатора, свои знания и опыт.

К. Растегаев.

Дорофей Замятин

Отец Дорофея Замятина погиб на войне в 1914 году. После смерти матери осталось пять сирот. Старший Евтифей жил в батраках. Доронька с сестрами попрошайничал по деревням. Мыкание по чужим людям, томительное ожидание куска хлеба под окном, забота о ночлеге—вот чем было богато детство.

Восьми лет он боронил, пахал, а в длинные зимние ночи качал зыбку хозяйского ребенка. Горек был кержацкий хлеб. Кому поведать горе и нужду? Брату, сестре? Они и сами ждали, когда насытившийся хозяин, выходя из-за стола, бросит им коротко:

— Дохлебывайте.

Шли годы. Женился старший Евтифей и взял ребятишек к себе. Стало легче. В Верх-Белоануйском селе в 1924 году стал Евтифей организатором коммуны. Всю молодую силу вкладывали братья в устройство и укрепление коммуны, но сильно было кулацкое засилье. Богатеи, прикрываясь коммуной, попрежнему жили вольготно на своих заимках, тихой сапой подрывая ее основы. Не выдержали, ушли братья в Нижнюю Кукую. Стали охотничать. Лето и зиму проводили в тайге, промышляя зверя.

Но не по нутру была бродячая жизнь. Стали сколачивать кукуйских бедняков в промартель. Старший Евтифей стал ее председателем.

В те годы в горах Нижней и Верхней Кукуи были только два коммуниста—старший брательник Дорофея и Шумилов Иван. Молодой парень часто прислушивался к их речам. В 1939 году вступил и он в партию большевиков, как в большую семью, неразрывно связав с ней свою судьбу.

Артельщики—народ дружный. Гнали деготь, жгли известь, делали сани, телеги, а в 1936 году решили перейти на Устав сельхозартели.

Назвали они свое общее хозяйство именем легендарного героя гражданской войны — Чапаева. Дорофей стал председателем артели.

Высоки кукуйские горы. Кругом, куда ни кинешь взгляд, таежная глухомань. Люди из сельхозартели имени Чапаева корчевали пни, пахали крутые склоны гор, сеяли хлеб, и тайга отступила. Победил упорный труд человека, его воля и желание покопчить навеки с нуждой. Люди не хотели быть рабами земли и стали ее хозяевами. То, что принадлежало когда-то кучке богатеев, баев, стало собственностью большой колхозной семьи.

Партия и правительство закрепили навечно землю за труженниками. Рос и процветал колхоз. Общественные стада коров, лошадей и овец умножались. В амбарах был хлеб. Жить бы и радоваться чапаевцам, но коварный враг помещал, вероломно нарушил границы Родины.

В июне 1941 года Дорофей Замятин ушел на фронт добровольцем. В сентябре возле Ленинграда, на Белом острове, был ранен впервые.

После госпиталя снова фронт. Белофинны и немцы откатывались от Ленинграда. По их пятам с автоматом в руках шел свбиряк Дорофей Замятин. Еще три ранения не остановили его. Жгучая ненависть была сильнее. Изрешеченный осколками снарядов, Замятин гнал врага из пределов отчизны, и только пятая тяжелая рана заставила вернуться в родной колхоз.

Пришел зимней ночью. Жена рассказала, как трудились колхозники во время войны. Тяжело было, но они знали, что трудятся во имя победы над врагом.

Наутро в избу фронтовика пришли правленцы.

— Плохо без тебя, Дорофей Павлович. Думаем просить опять в председатели.

Замятин ответил не сразу. Слишком мал был заслуженный отдых, не зажили раны. Помолчал и... согласился.

— Хорошо, созывайте вечером народ.

Когда зажглись огни, чапаевцы собрались в контору. Пришел и Дорофей с женой. На повестке общего собрания был один вопрос: выборы председателя.

— Прошу к порядку, — раздался голос. Стало тихо. С фронта к нам вернулся товарищ Замятин, наш старый руководитель и организатор сельхозартели.

Среди колхозников провесся говор:

— Просим, Дорофей Павлович!

Замятин поднялся. Молча оглянул знакомые лица, вздохнул и произнес:

— Товарищи колхозники! Старые друзья! Скажу одно: будете помогать налаживать артельное хозяйство — подчинюсь вашей воле. Не будете, — так приведу вам одну поговорку, не нами сложенную: один человек — в поле не воин. Не так ли?

— Чего там! Ставьись на старое место, — зашумели колхозники. — С тобой, брат, работать-то весело.

Начались кропотливые, беспокойные дни. Замятин с головой окунулся в знакомое дело.

Весной 1946 года колхоз успешно провел сев. Урожай родился на славу. Наступила хлебоуборка. На полях, возле речки, был построен крытый ток. Дорофей Павлович сам наладил водяное колесо, и воды бурной Кукуи пошли на службу чапаевцам. Молотьба не прекращалась и ночью. Подводы с хлебом непрерывно шли в Улус-Чергу по размытым дорогам. Свою первую заповедь перед государством по зернопоставкам колхоз выполнил к 15 октября.

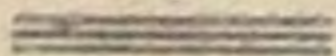
В следующие два дня сдали сверх плана 400 пудов. Следуя примеру своего председателя, колхозники из личных запасов дали государству тонну хлеба, две тонны картофеля и 20 центнеров молока. Помогли далеким, пострадавшим от неурожая районам.

Может быть, далекое детство вспомнилось председателю, когда он первым внес для этой цели центнер хлеба и 6 центнеров картофеля.

Так начал и закончил свой первый послевоенный год Дорофей Павлович Замятин, ветеран Отечественной войны. А во второй год вступил он еще более вооруженным. Решение февральского пленума Центрального Комитета партии „О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период“ и Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда труженникам полей вдохновили и председателя, и рядовых колхозников.

Год этот — итоговый год тридцатилетних достижений социалистического государства — председатель колхоза имени Чапаева Замятин рассчитывает ознаменовать богатым урожаем колхозных полей.

Н. Глебов.

Мастерство

— Ну, Анисим Петрович, похоже, что нам с тобой надо по чужим людям итти. Отыграли мы в бабки, сынок. — Пожилой крестьянин привлек мальчика к груди и горько добавил: „Слышал — мать жалуется, что квашонка стоит пустая, тараканы в ней обосновались“. Он сделал попытку улыбнуться, крякнул, и с деланной суровостью спросил жену: „Где напильник?“

Высокая, худая женщина подошла к полке и подала мужу инструмент. Вскоре отец Аниски шваркал напильником по широким зубьям пилы и, не обращаясь ни к кому, говорил:

— Пойду в Бийск, работы там нашему брату — пильщикам уйма. Вернусь к осени. Как-нибудь без меня проживете. На счет Аниски договорился с Веденеем Степанычем. Бороново-лока ему надо.

Так был отдан в работники к местному богатею Рогатовскому восьмилетний Анисим Черников.

Двадцать один год прожил Анисим Петрович в батраках у Рогатовского. Жилось в богатом доме парню не сладко. Горек был кулацкий хлеб. Скуп и суров был хозяин. Чудаковат. Сеял на пашне траву, завел трехполье и получал, к удивлению Аниски и соседей, по 150 пудов с десятины. Стал батрак приглядываться. Однажды не вытерпел и спросил:

— Веденей Степанович, зачем ты заводишь пар? Растет ведь хлеб и по жнивью.

— Растет-то растет, да росток-то мал. Давай, паши глубже, — только и удостоил объяснением хозяин.

От рогатовской кабалы Анисима Петровича освободила только Октябрьская революция.

В 1922 году вместе с отцом он переехал в Чергу. Старый пильщик работать не мог: вносила, высушила бедняцкая доля. Вся тяжесть мелкого хозяйства легла на плечи Анисима. Десять ртов в семье надо прокормить. И как толь-

ко организовался в Черге колхоз „Искра“, Черников вошел в него. За ним потянулась и остальная беднота. Первым председателем колхоза был Хмелев Василий Иванович, рабочий ленинградской фабрики „Скороход“. Попал он в Сибирь в числе двадцатипяти тысячников. В сельском хозяйстве разбирался плохо.

—Будь у меня правой рукой, Анисим Петрович. Помогай крепить колхоз,—попросил он однажды.—Бери себе полеводство. Прошу об этом как беспартийного большевика.

Обрадованный доверием, Анисим Черников с увлечением взялся за любимое дело. Через год он получил первую награду за свой честный труд—почетную грамоту облисполкома. Рад был и ленинградец Хмелев. Пожимая руку награжденному, повторял:

—Заслужил, Анисим Петрович. Такое у меня сейчас чувство, что это награда и мне.

Вскоре Василия Ивановича Хмелева провожали в Ленинград.

—Ну, прощай, друг,—говорил он уезжая,—я становлюсь опять к станку, а ты—у плуга. Я рабочий, ты крестьянин. Мы братья. Оба будем работать на благо нашей матери-Родины.

Наказ старого друга коммуниста Хмелева Анисим Черников выполнял с честью. Урожай на его участке рос с каждым годом. В марте 1936 года колхоз «Искра» разделился на две сельхозартели. Новый колхоз назвали именем Ворошилова. Председателем был избран сын Черникова комсомолец Степан. В этот год члены сельхозартели получили по 8 килограммов зерна на трудодень. Мастер высокого урожая Анисим Петрович Черников получил на трудодни одного только хлеба 240 пудов. Советуясь с главным агрономом Шебалвинского АЗО Филимоновым, изучая основы агротехники, полевод Черников в 1939 году получил рекордный урожай—25 центнеров пшеницы и по 35 центнеров овса с гектара.

Спустя четыре года на опытном участке Черникова было получено пшеницы 23 центнера, рожь дала 35 центнеров, ячмень—19 центнеров с гектара. В том году звено Черникова получило дополнительную оплату—228 пудов хлеба, а сам Анисим Петрович побывал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, обогатившей его познания по агрономии. На следующий год состоялась незабываемая встреча с основоположником движения за высокие урожаи пшеницы Ефремовым.

Медали «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в

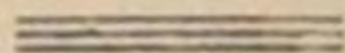
Великой Отечественной войне 1941—45 гг.» — награды военных лет.

В прошлом, неблагоприятном, дождливом году отдельные поля, где работало звено высокого урожая, дали по 18 центнеров пшеницы. Благодаря стахановским методам и самоотверженной работе колхозников, сельхозартель им. Ворошилова осенью досрочно рассчиталась с государством и сдала сверх плана 2400 пудов высококачественного зерна. Колхозы аймака в этом году получили у искровцев в порядке обмена 1170 центнеров семян.

Старый хлебороб хорошо подготовился к весне этого года. Звено Черникова добивается выполнения данного им слова: собрать в этом году по 150 пудов пшеницы и 180 пудов овса с каждого гектара. Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда труженикам полей воодушевляет людей на еще большие дерзания.

Партийная организация поддерживает смелые замыслы Анисима Петровича. Окруженный вниманием, самоотверженно трудится на благо Родины и родного колхоза старый мастер социалистических полей Анисим Петрович Черников.

Н. Глебов.

Тракторист Алексей Порошин

Казалось, что судьба с самого рождения обернулась к нему спиной. Мальчик родился глухонемым. Когда ему было только три с половиной года, погиб отец. Сочувствие односельчан облегчения не приносило. Да и какое могло быть облегчение, если жизнь тогда, в годы первой империалистической войны, для всех была не сладкой. Несмотря на это мальчуган рос крепким и любознательным.

Если бы не Великая Октябрьская революция, принесшая народу счастье и открывшая новые пути в жизни, кто знает, как сложилась бы судьба этого человека. В царской России на долю людей с такими физическими недостатками чаще всего выпадал путь тяжелой нищеты и горя. Но Октябрь изменил все по-своему, в том числе и жизнь Алексея Порошина...

В 1930 году шестнадцатилетний Алексей вместе с матерью переехал в село Майма-Чергачак и вступил в сельскохозяйственную коммуну им. Сталина. Он до самозабвения любил машины, сутками возился с ними, изучая по винтикам их устройство. И в коммуне, зная эту его страсть, всегда направляли Алексея работать на жатках, сенокосилках, сеялках.

В 1932 году коммуна получила первый трактор. Это был маленький и неуклюжий „Фордзон“, с длинной трубой и большими капризами. Но и он был в то время посланцем чего-то нового, большого в жизни деревни. Алексея трудно было отозвать от машины. Он целыми днями вертелся у трактора, изучая его устройство и надоедая просьбами разрешить поработать на нем. И вот вместе со старшим товарищем он работает на „Фордзоне“. Когда слабая и несовершенная машина капризничала или загружала в грязи, Алексей, которому силы не занимать, с помощью других парней брал трактор на руки и переносил на новое

место. Работа на тракторе была ему праздником, но продолжалась недолго. Когда организовалась МТС, Порошина работать туда не взяли, побоялись его вемоты. Алексею пришлось снова работать на простых сельскохозяйственных машинах в своем колхозе.

В 1938 году Алексей по совету матери решил поискать счастья в других краях. Человеку с золотыми руками и умной головой счастье у нас искать долго не приходится, оно берется в честном и настойчивом труде. Порошин работал в Красноводске на хлебозаводе. Работал хорошо, получал много благодарностей и премий. Но душа тосковала по родным местам, по Ойротии, где он родился, где прожил детство, юность. В самом начале войны с немцами Алексей снова возвращается в родной колхоз.

Зиму Порошин ремонтировал тракторы в Ойрот-Турской МТС, а весной 1942 года стал, наконец, трактористом, первый раз вывел в поле СТЗ-НАТИ. С тех пор он не расстаётся с любимой машиной.

Трудно говорить в колхозе им. Сталина о Порошине, не вспоминая трактор, или наоборот, разговаривая о тракторах, забыть об этом знаменитом трактористе, который из года в год перевыполняет нормы, для которого трактор стал как бы частью самого себя. Зимой Порошин работает в МТС на ремонте. Весну, лето и осень — в поле на тракторе. В страду Алексей чуть свет появляется у машины, осматривает все детали, не надеясь на прицепщиков, сам смажет части у трактора и прицепного инвентаря.

— Им только доверь — жестикулируя и смеясь, объясняет Порошин, — они по молодости да небрежности помажут сверху, точно салом по губам. — И Алексей выразительно проводит по губам пальцем. Бригада хохочет.

Понимают его в тракторной бригаде хорошо, „разговаривают“ с ним, шутят, ибо он сам любит шутку, учатся у него, ибо есть чему у него поучиться. Машину он чувствует, как собственное сердце. На первый взгляд кажется странным, как может он слышать особый стук неисправного мотора, определить, сидя за рулем, что выбыла из строя свеча зажигания. Но это именно так. По дрожанию машины, по ее ходу, колебаниям, по сотням особых, понятных только ему, примет Порошин безошибочно раньше других узнает неисправность и указывает другим.

Порошин охотно передает свой опыт молодым трактористам бригады, помогает самому бригадиру Шабанову, который пришел на трактор позже Алексея, дает ценные советы прицепщикам. Для колхозника, любящего машины, работа

с Порошиным — лучшая школа, а он сам — достойный пример для подражания.

В прошлом году Алексей Порошин выработал на своем тракторе 880 гектаров вместо 500 по норме. За экономию горючего ему выдано более 2 тысяч рублей премиальных, а за качество работ и выполнение их в срок он получил от колхоза премию-надбавку в 45 трудодней и на 700 рублей промтоваров.

Этой весной тракторный отряд Ивана Шабанова снова вышел на поля колхоза им. Сталина. В составе отряда — и Алексей Порошин. Трактор его старательно отремонтирован. В смеву с ним работает молодой тракторист Василий Кашин. Заранее все объяснил Алексей своему молодому напарнику, подготовил его к серьезной работе.

Нам пришлось побывать в бригаде Шабанова как раз тогда, когда там заключали договор на соревнование с бригадой соседнего колхоза.

Бригада приняла серьезные обязательства. Шабанов при этом спросил Порошина быстрыми, понятными обоим знаками:

— Вот подписали мы договор, чтобы впереди быть, а как будем работать в этом году?

Порошин смеется, красноречиво отвечая жестами:

— Раз я подписал, то трактор будет не назад пятиться, а идти вперед. Работать буду так, чтобы заслужить правительственную награду. — Алексей пальцем рисует кружок медали на левой стороне груди.

Глядя на этого крепкого, способного и настойчивого человека, верится, что все будет именно так, как он сказал и как он хочет.

* * *

Когда был уже набран этот очерк, в колхоз им. Сталина пришли газеты с Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями колхозников, колхозниц, работников сельского хозяйства Алтайского края. С большим удовлетворением встретили этот Указ труженики деревни. В числе передовых людей края, награжденных правительством, был и Алексей Порошин. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Воодушевленный высокой наградой, Порошин взял новое обязательство в соревновании в честь 30-летия советской власти.

К. Растегаев.

В пути

На зеленом лугу над быстрой Маймой еще стояли нарядные павильоны. Ойротия только что отпраздновала свой десятилетний юбилей.

По тракту шли обозы двухколесных тележек. Изредка пробегали автомашины. До Кош-Агача машины отправлялись не иначе, как колонной. Примитивный колесный путь—последнее достижение дорожного строительства на Алтае—в те годы изобиловал серьезными трудностями. Но еще за десять лет до этого выучный способ передвижения в горах был единственным. По сравнению с ним колесная дорога уже являлась большим достижением.

Из Ойрот-Тура мы выехали вечером в допотопной арбе на связках газет и почты. До первого парома через Катунь добрались поздно, на другие сутки. Долго ждали переправу.

За Катунью путь пошел еще дичее. Во тьме тесным ущельем показалась долина Семы. Запомнилась узкая, высеченная в скале дорога. Громада нависшего камня в неясном свете прорвавшейся из-за туч луны. Силуэты гор. Туман на вершинах. Шум реки где-то внизу, в глубине долины. Рассказ проводника о кулацких бандах, грабивших почту и обозы. Ночной приезд в деревню Русский Камлак.

В Камлаке третий год существовала коммуна, организованная бывшими партизанами. По утрам до начала работы коммунары получали из общественного амбара дневное довольствие, каждому поровну. К работе приступали поздно, труд не был организован. Еще часто кто-нибудь из бывших партизан, наскучив работой на поле, седлал коня, забрасывал винтовку за плечо и мчался в горы „отвести душу“. Горное эхо развосило ружейные выстрелы. Работа на поле стояла.

Август в том году был погожим. Утрами косяки седых предосенних туманов паслись на горах, опадали на землю

обильными росами. И вся жизнь вокруг была похожа на раннее, предрассветное утро.

Председатель коммуны направил приезжую на постой к „бабушке Емельянихе“. Утром с невесткой хозяйки собрались на покос. В горьких лугах пробыли весь день. Помогали сгребать сено. Выпустили стенгазету.

Домой возвращались в сумерках. Каменистая узкая тропа вилась в густых зарослях. Молодая женщина ехала впереди. Мой конь шел следом. Ночь застала на полдороге, и спутница моя созналась в безотчетном, давящем страхе...

Оказалось, за неделю до этого ее постигло горе. Любимую сестру зверски убил муж-единоличник. Осталось трое детей. Убийца арестован и находится в соседней Черге.

Стараюсь успокоить, объяснить ее страх несгладившимся еще тяжелым впечатлением. Спустились к Семе. В темноте певилась и шумела вода. Лошади шли вброд, с усилием преодолевая течение.

Впереди засветились огоньки деревни. В освещенном квадрате распахнутой двери темнел силуэт старухи. Цоканье лошадиных копыт по гальке далеко слышно. Старуха кинулась к невестке, схватила за стремя: „Слава богу, жива. Ведь он, варнак, убежал из-под замка. Рыщет окрест. В черемушнике за Семой видели бабы. Грозится всю нашу семью извести за то, что в коммуне“.

Этой же ночью была организована облава и преступник пойман. Сирот взяла на воспитание сестра погибшей — Анастасия Акимовна Торощина.

Пятнадцать лет прошло с тех пор. Снова еду в Камлак, чтобы познакомиться с работой бригадира-хмелевода колхоза им. Сталина.

Автомобильная дорога, одна из самых живописных по стране, заполнена движением. На пути — колонки с горючим, чайные. Возле каменных бомов, на крутых поворотах — белые деревянные и серые гранитные парапеты.

В одном месте укатанное полотно дороги спряталось в аллее цветущих черемуховых зарослей. Душистым белым садом едем долго. Изредка из-за черемух блеснет голубая в пене у камней река.

Легкий красивый мост перекинут через Катунь. Дачные домики какого-то санатория выглядывают по ту сторону, в месте слияния Семя и Катунь.

Знакомая реченка Камлак журча торопливо бежит к Семе. В устье ее — большое селение. Машина останавливается возле правления колхоза имени Сталина.

Встречаю знакомых, узнаю последние колхозные новости. У колхоза, оказывается, уже своя лесопилка. На мельницу недавно привезли новые жернова. Заложен яблоневый сад. Небольшая когда-то пасека теперь разрослась на четыре точки. Пчел в них 200 семей.

Только что колхозники купили новенький грузовик. Наднях они пускают свою электростанцию в 25 киловатт.

А ведь позади не одни безоблачные дни мирного труда. Позади — четыре года войны, великого напряжения, большой помощи фронту. И многих нет, кто нужен был бы сейчас...

И все-таки: лесопилка, электростанция, клуб и новая вокруг него оградка. И кроме большой животноводческой фермы — около четырехсот гектаров пашни в горах. А в прошлом году колхозники сняли по 36 центнеров овса с гектара. И урожай пшеницы был в среднем больше десяти центнеров, хотя и невастье залило. Лето непогожее было. И ко всему этому — плантация хмеля.

Все, кому случается в жаркие августовские дни проезжать Чуйским трактом мимо колхоза имени Сталина, что в деревне Камлак, вдруг начинают ощущать в знойном воздухе крепкий хмелевый аромат. Путники невольно ищут глазами источник этого дурманящего аромата и видят на склоне горы, над студеным быстрым Камлаком, бегущим к Семе, зеленую стену. Это поджарый снизу хмель свесил буйную шапку своих кудрей через девятиметровые столбы и натянутые на них опоры.

Здесь, над Семой и торспливым Камлаком, прошло детство бригадира. В зимние вечера за прялкой Настя зубрила наизусть стихи из школьной „Книги для чтения“

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются,
С горя да печали
Все они секутся...

Заучивая под жужжанье веретена урок на завтра, Настя была озабочена — успеет она спрясть лен сколько положено? Тогда можно будет и в школу утром пойти.

Но спряден был лен, выполнен урок, а школа оставлена по второй зиме. Вышла замуж сестра. Тканые льняные полотенца ушли в приданое. Надо было начинать прясть снова. Работника одного не стало в семье, работы прибавилось.

Снова жужжит веретено. Тугая льняная коса свешивается через девичье плечо. Тонкая льняная нитка тянется без конца. И забыты уже школьные стихи. Впереди — замужество, дети, старость.

Так бы оно и случилось. Но за учебник Анастасии Акимовне еще пришлось засесть, спустя почти четверть века.

Уже были позади и молодость, и песни, и в поредевших волосах пробилась седина. Волосы начали седеть, когда на фронт в сорок первом году проводила мужа, а немного позднее и сына. Сын знал и стихи Кольцова, и много других хороших вещей. Сын успел закончить восемь классов средней школы.

Ей посчастливилось: муж и сын благополучно, с победой вернулись домой. Но ведь как было знать это в 1941 году...

—Плачу было досыта,—вспоминая проводы на фронт, говорит женщина. Но если обратимся ко времени ее отъезда на курсы хмелеводов в Майму-Чергачак, то увидим, что плакать, как будто, и времени не было.

На курсы она выехала в том же сорок первом году, тридцати семи лет от роду—жена фронтовика, а вскоре и мать второго фронтовика.

Курсантка училась, должно быть, неплохо. Курсы окончили всего десять человек. Анастасия Акимовна вернулась и вступила в обязанности бригадира.

...Мы сидим в конторе правления колхоза. Анастасия Акимовна Торощина подробно рассказывает, как растут они хмель, ухаживают за ним:

—Чтобы шишка у него была шелушлива, пружиниста...

Подробно объясняет женщина, как пахут междурядья, когда и как проводят рамовку, на который день по весне срезают лишние побеги, чтобы крепче росла матка.

Сейчас на плантации идет забивка колышков. Потом начнут натягивать шпагат. По столбам вверху протянута проволока. У шпагата на одном конце проволочный крючок. Забросят его, зацепят за верхнюю проволоку, а нижний привяжут к колышку. Получается как натянутые струны большой арфы.

Вытянутся побеги хмеля сантиметров на 20—30, дождутся женщины первого жаркого дня и начнут завивать хмель вокруг шпагата. В холодные дни нельзя: хрупкими делаются побеги, ломкими. А в жару—вялые они, податливые. Завивают их женщины в одну сторону, по ходу солнца.

Самое любопытное происходит на плантации, когда хмель уже в рост человека. По бокам—зеленая стена. Сверху—свешивается шатром. И в это время надо проводить окучивание плугом. Делают так: одна женщина перед конем раздвигает зацветающие ветки. За плугом, вслед идет борова. Идет опять же и за бороной женщина и верев-

кой направляет борону, чтобы не задела та, не потревожила зеленый коридор.

К этому добавьте прополку, подъемку кустов. В других хозяйствах, у соседних хмелеводов нередко ложится хмель и подопревает. Было и у них три года назад, в самую пору созревания шишек, бригаду перебросили на сенокос. Людей, конечно, не хватало в войну.

Внезапно изменилась погода. Сначала пришла недобрая тишина в их долину. Потом из-за гор выползла туча. Потемнело небо. А впереди тучи шел ураган. Налетел на кудрявую стену хмеля, изорвал, повалил. И не хватило сил поднять его. Ну, и ничего не удалось собрать.

Но если ухаживать, охранять, следить за плантацией, то и вырастет шишка в четверть крупнее дикой, раз в пять сильнее в ней хмельная крепость. Высохнет—зеленая, душистая. 25 августа самая пора убирать.

К этому времени свекор Анастасии Акимовны, старый пасечник, уже наплетет корзины. Убирать помогут школьники и взрослые. Сбор—веселая пора, только головы хмель дурманит.

Упаковать его тоже не просто. Холщевые кипы—метра в два длиной—подшивают к жердям. Влазит туда женщина на деревянный круг, утаптывает туго-натуго до самого верха. Зашьют—кипа громадная, а весу в ней 50 килограммов.

Готов хмель к отправке.

В прошлом году собрала ее бригада 22 центнера. Получил колхоз доход от плантации 26 тысяч рублей. И почти все эти двадцать шесть тысяч государство отоварило. Получили они мануфактуру: шевиот, сукно, платки головные. Весь колхоз оделся в новенькое. Кроме этого получили хозяйственный припас: соль, шпагат, пряжу на мешковину, и все это за хмель. За урожай с площади в два с половиной гектара. Польза всему колхозу. И государству польза. Вторым сортом сдают они хмель для хлебопекарен и пивоваренных заводов. Первым сортом—идет на медикаменты.

Бригадир рассказывает все это с таким выражением, словно и сама она удивляется тому, как хорошо сложилась ее жизнь, какое большое новое содержание внес в ее жизнь плодотворный труд на колхозных полях.

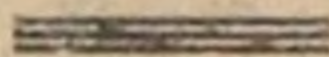
Прощаемся. Вновь впереди ровная лента благоустроенной и оживленной дороги. Мысли все возвращаются к тому, ка-

кой бедной, однообразной нитью могла тянуться жизнь в этой цветущей долине, если бы в свое время люди здесь не объединили свой труд и свою судьбу.

Каким убогим оставался бы этот путь в горах, если бы в октябре 1917 года трудовой народ не взял власть в свои руки.

Навстречу мчатся грузовые машины. Идут и едут по своим делам люди из соседних колхозов. Встретился пассажирский автобус. Прошел грузовичок, похожий на пестрый букет. Не то школьная экскурсия, не то детский дом отправился куда-то по своим делам. Ветви цветущего маральника и черемухи в руках маленьких пассажиров. Кабина в цветах, и даже на замасленном комбинезоне шофера — затейливая бутоньерка. В кузове, среди белорозового цветения, — искрящиеся удовольствием глаза — серые, черные, раскосые, голубые.

Анна Герман.

Будет цвести земля

Нам указали дорогу—через мост и вверх. Что-то в крутом подъеме этой узкой улочки, выводящей за город, напоминало европейские курортные околицы, Италию, Карпаты, словом, не наше, не обычное. Незнакомым зноем исходила земля, чуть опрыснутая коротким дождем. Не лаяли собаки—словно их не было. Не кричали петухи. Нестерпимый жар лил с неба, где уже ни тучки, ни облачка. А итти все выше, все труднее. Ограды и деревянные домики исчезли, исчез тротуар, надвинулась зеленая гора, и дорога повернула в гору...

Как ни жгло солнце, как ни подсказывала память всяческие сравнения с южными и западными городками, все же мы знали и не забыли, где мы находимся. Несколько часов езды на машине отделяли нас от пустыни Гоби; через два района отсюда—в Кош-Агаче—вечная мерзлота: зимой здесь не редкость пятидесятиградусный мороз. Словом, это Сибирь, настоящая Сибирь, столица горной Ойротии—Ойрот-Тура,—и жаркое лето тут коротко, как выходной день на неделе. И помня все это, мы просто не поверили своим глазам.

Словно где-нибудь в Кисловодске, на горном склоне фантастическое великолепие цветников. От них шла теплая волна густого аромата. Были тысячи роз всех оттенков—от пурпурных до бледно-розовых с подпалиной. Стеной стояли белые табаки, огненные пионы, синие георгины, оранжевые лилии. Тут не было клумб и скамеек, тут просто сияло, как в поле, несметное богатство красок. А дальше, за цветниками, шли ягодники, еще дальше—фруктовый и ботанический сад,—перед нами была гордость Ойротии, ее показательный „плодово-ягодный питомник“.

Наверху, в конторе, мы познакомились с невысоким мечтательным человеком в очках, совсем не похожим с виду

на практика, — Михаилом Афанасьевичем Лисавенко, создателем этого сада.

Сибирский садовод — особенный человек. Чтоб вырастить сад в Сибири, надо родиться экспериментатором, опытным, уметь искать и находить, проверять и пробовать. В Сибири всего дано в чудовищном излишке — морозов, дождей, сухости, зноя, только мало отпущено времени для вегетационного периода, и выращивать сад — это значит побеждать недостаток времени. Двадцать шесть лет назад тут совсем не было плодовых садов, сибиряки просто не верили в возможность своего плововодства. Люди жили и умирали, так и не изведав вкуса яблока. Лисавенко рассказывает, что первую яблоню, которую он увидел своими глазами, он сам посадил. А сейчас в короткое лето здесь вызревают и яблоки, и сахарная свекла, и виноград, и арбузы.

Быстрым молодым движением подхватив кепку, хозяин ведет нас, для начала, в несчетные, густо обсаженные аллеи ягодника. Бережно, по-хозяйски он время от времени указывает нам на ветку, на куст, на ягоду — не угощает, а дает пробовать. И мы пробуем неспеша. Легкие и мохнатые, как пчелы, нагретые солнцем ягоды малины; россыпи красной смородины, крыжовника, густые кисти крупной черной смородины, лучшей и самой витаминной. Лисавенко собрал дички смородины из четырехсот мест Алтая, вырастил 83.000 кустов, создал много гибридов и, не глядя, говорит: „Эту не рвите, грубый сорт, попробуйте вон там“, — и мы кладем ее в рот, понимая тайну вкуса этой единственной ягоды на языке, в промежуток меж разговором, глубоким дыханием и медленным движением.

В яблоневом саду вы в первую минуту разочарованы: так малы красные, сморщенные, как старушки, яблочки, знаменитые „сибирские ранетки“. Но садовод глядит на них любовно, ведь они — прародители сибирского яблока. Он никогда не наступит на упавший плод, никогда не позволит себе откусить и бросить его, и вы тоже этого при нем не сделаете. Огромный труд человеческий, почти материнский уход, месяцы и годы терпения вложены в сибирские плодовые сорта.

Чтобы предохранить яблони от вымерзания, в Сибири создали особую стелющуюся, „бахчевую“ форму посадки, не дают дереву расти вверх, а заставляют его стелиться по земле. Странное впечатление производят крупные золотистые яблоки, раскиданные по земле на длинных ползучих ветках, словно огурцы в огороде. Но Лисавенко открыл в своем питомнике, что яблони гибнут в Ойротии не столько

от вымерзания, сколько от „подпревания“ на земле, и предпочитает „тарелочную“ форму посадки: он дает стволу расти вверх на 40—50 сантиметров, а потом сгибает ветви горизонтально вокруг ствола во все стороны так, что дерево становится похожим на плоский зонт или гигантский гриб. Так меняется „технология“ посадки в применении к местным условиям.

Конца нет саду и его очарованию. А ведь только девять лет назад на его месте был пустынный дог, куда горожане выгоняли своих коров. Этот сад начался в Москве, на съезде колхозников.

«Крестьянская газета» предложила тогда Лисавенко, молодому сибиряку опытнику, создать в Ойротии плодоводство. Лисавенко приехал в Ойрот-Тура. Не сразу получил землю. Как сам он рассказывает, несколько месяцев «болтался по огородам». Потом ему выделили первые четыре гектара, бюджет в четыре тысячи, и весной 1934 года он посадил первые яблони. А пока он ездил по Алтаю, своими руками собирая дички, сеял, сажал, изучал, — с ним вместе сеяли его саженцы, изучали, пробовали и алтайские колхозники. По его указаниям вырастил свой сад знаменитый на весь наш Союз председатель лучшего алтайского колхоза Федор Гривько.

Девять лет—такой ничтожно малый срок. Между тем за эти годы четыре гектара превратились в сто семьдесят, бюджет из четырехтысячного стал двухмиллионным, питомник разослал около 100.000 плодовых саженцев, до 500.000 ягодных кустарников, 725.000 саженцев земляники. Рассылке предшествовало испытание сортов, разработка плодово-ягодных стандартов для каждой из трех зон Алтая: степной, лесостепной и горно-таежной; было издано около 100 пособий по плодоводству, велась непрерывная пропаганда по радио и в печати.

Город Ойрот-Тура рос и застраивался. Питомник и тут сыграл свою роль, показав, как важно для архитектора и планировщика иметь реальную помощь садовода: провел озеленение города, разбил со вкусом и изяществом центральный сквер.

Начав работу с четырех гектаров и в единственном числе, неутомимый Лисавенко сумел сделать свой питомник в буквальном смысле слова рассадником садоводческой культуры не для одной только Ойротии, а и для всего Алтая.

На Урале, особенно в Свердловской области, увлекаются сейчас плодово-ягодными садами. Но чтоб увлечение не вылилось в кустарничество, не заглохло в самом начале от

организационных недостатков, надо бы, прежде всего, заложить под Свердловском вот такой серьезный опытный питомник, воспитать в нем людей, сделать его культурной базой плодоводства и вести в нем селекционную работу для всего Урала.

Двадцать шесть лет строили мы, а теперь двадцать девять месяцев зверствуют, разрушают и гадят немцы на нашей земле. Немало еще надо усилий, труда, мужества, чтоб добить их и выгнать, чтоб снова поднять и застроить опустошенные ими земли. Но как по новому наполнилось для нас время и как чувствуем мы сейчас великую его конкретность! За девять коротких лет в Сибири, в жесточайших условиях климата и природы, где никогда не было массового садоводства, успели вырасти и плодоносить груши, яблони, сливы, и от них выросли и тоже стали плодоносить другие груши, яблоня, сливы, и Алтай стал покрываться садами. Дух созидания сильнее духа разрушения. Время наполняется и множится для тех, кто создает; и оно убывает, «приходит в умаление», теряется для разрушителей.

Мариэтта Шагинян.

1943 г.

Акташ-гора

На вершине ее не переставая дует ветер. Древним кажется ветер, как, может быть, сама Акташ-гора. Он свистит в ушах, обжигает лицо, срывает на склонах колючую хвою, поднимает ее сюда и бешено швыряет в глаза. Здесь, на высоте почти трех тысяч метров, людей узнают по умению ходят против ветра.

Люди приходили на рудник и уходили. Оставались энтузиасты. Они вгрызались в вершину горы, покрытую почти круглый год снегом и льдом. Копали траншеи и штреки. Сначала кайлом и лопатой, ломом и топором. Потом привезли отбойный молоток. Это было событием. Вечерами при свете коптилки в грязном и холодном бараке мастер разбирал его и рассказывал об его устройстве. Безусые юнцы, жадно блестя глазами, упорно постигали нелегкое мастерство настоящего забойщика, вооруженного настоящим пневматическим молотком. А везли его сначала по железной дороге, потом пятьсот с лишним километров по тракту на автомашине, наконец, и машину оставив, на лошадях, вьюком на вершину.

Гора! Сейчас ее можно вызвать по телефону из рудоуправления. Это просто. Сейчас обычна и нормальна сводка о перевыполнении Горой плана добычи металла. Но значение этого слова шире.

Акташ-гора — это затопленные шахты в годы Отечественной войны, это взорванный Никитовский ртутный комбинат, люди с комбината, собственными руками взорвавшие его, чтобы не достался врагу. Инженер Мирошанский, горстка специалистов, направленная в сибирскую тайгу, в горы, без достачного оборудования, без техники, без дорог. Потом нужно вспомнить, что за три года рудник вышел по своей мощи на третье место по Союзу и заменил Никитовский комбинат. Если вспомнить все это, тогда станет понятным.

что такое Гора. Здесь, на Акташском ртутном руднике, и этот ветер и эти люди будто созданы, чтобы проверять ежечасно мужество, совесть и волю.

* * *

Вечер. Плавится закат. Внизу у подошвы Горы, где выхлопная труба двигателя запускает седые венки дыма, свежая трава прокалывает прошлогодний осиновый лист. Там пришла весна.

На Среднем стане дует поземка. С верхних стропил нового двухквартирного дома летят жирные щепки—дом достраивается. Таких домов, красивых, просторных, будет выстроено нынче 10. Это—обязательство плотницкой бригады. Средний стан благоустраивается. Здесь сосредоточены главные общественные и артельные постройки: школа, клуб, жилые дома, контора рудника, баня, металлургический завод. Средним он называется потому, что находится на середине горы, между рудоуправлением, которое находится на 6 километров ниже, у самой ее подошвы, и шахтами, расположенными выше стана, на самом гребне Акташа. Оттуда вниз идет руда. Сначала небольшое количество ее несут в химлабораторию на анализ. После этого руда идет на завод.

Теперь все это носит определенные названия, потому что все это уже настоящее, почти капитальное. Химлаборатория в полном смысле слова стала походить на лабораторию. „Возгонка“ уже пережила себя и по праву стала называться металлургическим заводом, с новыми печами и мощной производительностью.

Весенний вечер. Гремит по обкатанным галькам бурная Чибитка. На улицах рудоуправленческого поселка вспыхнул электрический свет. Он льется сквозь узорные занавески чистых и уютных домиков, пахнущих смолой.

Из гаража выходит «Студебеккер». Из конторы выскакивает на крыльцо молодая девушка. Она машет рукой шоферу и бежит за машиной. Ее догоняет чье-то веселое восклицание:

—Погоди, что же это такое? А веснушки!..

Девушка смеется и вскакивает на машину.

—Повезу их на Гору... На рудник. Пусть знают там, что уже весна.

Это секретарь рудничной комсомольской организации Таня Майдунова, она пробыла в управлении, внизу, два дня, и весна успела отметить ее.

Оставив струйку газа на повороте, „Студебеккер“ пошел в гору.

Главный инженер рудоуправления Алексей Степанович Мирошанский задумчиво смотрит ему вслед. Вот и машины на Акташе. Они ходят даже там, на Горе, подтаскивая лес на строительство. Инженер провожает глазами каждую из них. Легко и свободно идут они вверх, будто век тут ходили, эти мощные машины!..

Он поворачивает голову и показывает на громадный утес, нависший над Чибиткой.

— А ведь тут, по этому хребту, запросто медведи гуляли. Вылезет на вечерней зорьке и смотрит вниз. Ему, медведю, дико казалось видеть в этой глухомани людей.— Алексей Степанович улыбается этим воспоминаниям.

Сначала это казалось дико зверю. Люди в 1941 году думали иначе. Они пришли в тайгу с земли, на которую вторгся враг.

Разведчики углубились в горы Алтая. Они прощупывали горные недра желонками, буравами, шурфами, канавами. Неумоимо, упорно выполняли они приказ Родины.

Металлическая ртуть была найдена в каменной толще Акташа.

В 1942 году на том месте, где сейчас просторно раскинулся рудничный поселок, в густом ельнике появилось несколько брезентовых палаток. Жилье пионеров будущего рудника. Разведчики врубались в тайгу узкой просекой, поднимаясь все выше и выше к леднику. Там в горных породах туманно поблескивала ртуть. Ее нужно было взять...

Наступил сентябрь. День и ночь сеял мелкий дождь. С гор плыли оползни. Вчерашнюю тропу утром перебрадали по колено в грязи, ломали ребра на пнях и колодинах, кони обдирали кожу... Шесть километров до рудника; взбирались туда по 10 и 12 часов. В один из таких дней, когда на Горе метался холодный ветер и хлестал дождь, перемешанный со снежной колючей крупой, пришла первая партия рабочих.

Они жались от холодного, пронизывающего ветра за толстыми деревьями, курили из рукава, и со страхом смотрели на вершину.

— Там? — спокойно спросил один в рваном дождевике, из-под которого виднелась засаленная телогрейка. Это был Соколов, старый горняк, один из немногих, свободно подставивших свое лицо и грудь ветру.

— Там, — ответил ему начальник рудника.

Соколов пристально взгляделся в сероватую муть пурги, которая свирепствовала на вершине горы. В глазах его блеснуло восхищение.

— Ого, как гуляет! Как бесчинствует!

Остальные поежились и отвернулись. Мрачны были их лица.

Начальник понял: не удержать, уйдут, не выдержат. Надежными казались веселые глаза Соколова. „Этот работать пришел“, и чтобы хоть чем-нибудь приободрить людей, начальник сказал:

— Шахты там, а стан будет здесь отстраиваться.

Он не ошибся. Соколов остался. Остальные из этой партии поработали немного.

Сколотили первый барак. Лес рубили в часы отдыха. В эти же часы корчевали и очищали площадку.

В первый барак на общие нары втиснулись с пожитками, инструментом...

Вставали на рассвете. Карабкались на рудник, скользя по льду, держась друг за друга. Упорно врубались в породу, шли к руде. Людей хватало всюду: в шахте, на жилплощадке, на строительстве „возгонки“, в хозяйстве. Помогли окрестные колхозы. Из Онгудая, из Кош-Агача, из Ойрот-Тура прибывали новые люди. Вместе с другими пришла на шахту Зяблицкая Акси́нья Павловна. Строгая, трудолюбивая, с прямым, решительным характером женщина. Пришла Акси́нья Павловна, посмотрела вокруг и отрезала мастеру:

— Недолго пробуду у вас. Пока лихую пору переживаете, поработаю, а там домой уйду, в деревню. Какая же это жизнь на хребтине этакой, будто куры на нашесте. Ни огорода тебе, ни овощей.

Месяц поработала Акси́нья Павловна в забое, потом на откатке, да так и осталась.

— Горячая работа и дружная... Приглянулась...

Осталась Акси́нья Павловна и других женщин сговорила. Сколачивался коллектив, упорный, деловой и настойчивый.

„Возгонка“—это примитивный металлургический завод, где с помощью ретортных печей добывалась ртуть, она загружалась доотказа. Но производительная мощность ее мала. По мере того, как росли люди, увеличивалась производительность труда.

На проходку капитальной штольни встали: Дмитрий Петин, Иван Масловский, Фаина Хабарова, Мотя Вилицова, Бирюкова Валя, Маина Жаркова, Денежкина, Григорий Фи-

лимонов, Павел Желкунбаев, а позднее—Чеучалова Лида, Иван Тишков...

Это были люди, воспитанные рудником. Стахановская работа коллектива заставила подумать о реконструкции завода, о расширении химлаборатории.

Усовершенствовали печи. Мощность завода несравненно выросла. Пустыли больше отвалов. Значительно вырос заработок рабочего. Улучшилось материальное положение. Росла с каждым месяцем мощность рудника.

Вечерами, после короткого отдыха, шло благоустройство Среднего стана. Падали вековые ели и пихты, выкорчевывались с корнем. Срезались откосы, уступая место широкой дороге.

Добровольческая плотницкая бригада строила контору, школу, баню. С большими усилиями по необъезженной дороге подвляли на завод паровую машину. Поставили динамо в 45 квт. Установили пилораму. На стане вспыхнул электрический свет.

Все работы, не связанные прямо с добычей ртути, проводили путем общественного трудового участия. Это не мешало руднику в 1946 году перевыполнить годовой план.

...Наступил второй год великой сталинской пятилетки. В просторном, ярко освещенном клубе Среднего стана собрались рабочие, мастера, забойщики, крепильщики, инженеры и техники. Начальник рудника тов. Тулупов доложил собранию о производственных возможностях Акташа, о планах 1947 года.

— В этом году мы должны увеличить вдвое добычу ртути,—сказал он в заключение. — Страна требует от нас этого. Постараемся... перевыполнить.

...Рудник включился во Всесоюзное социалистическое соревнование. В шахте организовалась комсомольско-молодежная бригада.

Бригада становится на проходку капитальной штольни и не выходит на-гора не выполнив дневного задания на 150—170 процентов.

Крепильщики поднимают движение за полторы—две нормы в смену. С каждым днем ширится фронт работ...

— Мы обязались удвоить добычу,—говорят старатели. —Мы выполним обязательство к 30-й годовщине Октября.

Люди все точно рассчитали:

— Первый квартал дал нам увеличение в полтора раза, —говорят они, второй — в два. Порода подготовлена.

Во втором полугодии построим механизированный завод с печью Гульда. Части и оборудование к ней уже поступают. К концу года доведем проходку выработок механизированным путем на 70 процентов. Это уже не то, что четыре года назад. От былой кустарщины не останется и следа...

Акташ давно пережил период своего становления. Он становится мощным, современным предприятием с высоко-развитой техникой проходки и обработки руды. Главный инженер рудоуправления Алексей Степанович Мирошанский, указывая на широкую просеку, идущую по склону горы на рудник, говорит:

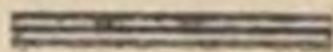
— Здесь пройдет высоковольтная линия от гидроэлектростанции на Гору. Там, на Горе, вырастут образцовые дома для шахтеров с душем, сушилками. Построим больницу, овощехранилище, радиоузел. На Горе будет стационарная киноустановка. Печь Гульда увеличит обжиг руды по сравнению с существующими печами в несколько раз. Народ у нас сильный. Жажда совершенствоваться, расти велика у людей.

Мы стоим на гребне Горы. Кругом, насколько хватает глаз, сверкающие белизной вершины Чуйских альп. Дует ледяной ветер.

Внизу, в ущельях, распустилась береза, и первые цветы все выше и выше поднимаются в гору на южных склонах.

У главного инженера нет оснований сомневаться в своих людях. Этот ветер они встречали не в уютных комфортабельных квартирах. Холодное дыхание его они чувствовали круглые сутки в шалашах, в палатках, в наскоро сколоченных бараках. Люди научились ходить против него с открытой грудью. Потому что это советские люди. Потому что для этих людей нет таких трудностей, которых бы не преодолели они ради победы.

А. Демченко.

У горы Азартной

На прииск Василий Семенович Попов приехал весной, к началу старательских работ. Даже его, потомственного горняка-золотнишника, поразила на новом месте бессистемная и хвщническая добыча золота. Всюду возвышались холмы промытой породы или, как их называют горняки, эфельные отвалы, всюду разбросаны колоды, грохота, поломанные трафареты, разбитые тачки. В местах, где почва обнажалась от снежного покрова, виднелся щебень незачищенных золотоносных площадей.

Новый начальник прииска поднялся на одну из окрестных гор. Перед ним открылась величественная панорама. Далеко, куда только мог достать глаз, были видны другие вершины, поросшие хвойным лесом. Внизу, на дне долины, виднелись избушки старателей. Всмотриваясь, Василий Семенович различил человеческие фигуры. Они поодиночке и группами по два и по три человека, подобно муравьям, копошились на берегу стремительной речки.

Но вот невдалеке раздался шум воды. Это прорвался из-под снега водяной поток и, увлекая за собой мелкий щебень, ринулся вниз. Вначале маленькая струйка воды выходила из-под снега. Но накопив силы, она преодолела препятствие и свободно бежала вниз, журча и перекатывая частицы породы.

Силы воды—вот что должно прийти на помощь людям. Наблюдая за работой ручейка, Попов вспомнил прочитанную в одном из журналов статью о гидравлической добыче золота.

* * *

Предложение Попова о строительстве гидравлики одобрили и в приисковом управлении и в тресте. Вскоре маркшейдеры и гидрологи прокладывали трассу будущих водо-

заводных канав, исчисляли дебет воды. Теперь на прииске только и разговоров было, что о гидравлике. Молодые горняки горячо поддерживали начинание нового начальника, ибо видели в гидравлике облегчение своему труду. Но других мнений держались старые золотоискатели, считавшие добычу золота гидравликой пустой затеей и выдумкой Попова. Они боялись, что гидравлика отнимет у них возможность заработка лотком и колодкой.

Между тем, строительные работы шли своим чередом: рылись водозаводные канавы, насыпались дамбы, возводились перемычки и плотки. День и ночь кипела напряженная работа. И всюду можно было видеть коренастую фигуру начальника прииска. Он успевал подбодрить землекопов, несколькими словами переброситься с плотниками, побывать у старателей.

Бригада землекопов Макара Евдокимовича Попова работала так, будто глинистая вязкая земля была богатой золотосной жилой.

Вот настал и долгожданный день. Посмотреть на „выдумку Попова“ собрались все — от большого до малого. А когда из насадка монитора, похожего на пожарный брандспойт, вырвалась мощная струя воды и, ломая на своем пути все преграды, понесла к шлюзу не только гальку, а даже тяжеловесные валуны, все ахнули.

—Пустая затея, начальник,—произнес стоявший у гидромонитора пожилой старатель.—Э-ка, какие камни прет. Где же тут удержаться золотишко.

Василий Семенович не подал виду, что эти слова кольнули в самое сердце.

Чтобы прекратить недоверчивые рассуждения, Василий Семенович отыскал в толпе кассира и приказал ему принести десяток золотых самородков. Люди затаили дыхание. Попов, внешне совершенно спокойно, взял и бросил самородки в груды песка, повернул ручку монитора. На месте, куда было брошено золото, вмиг не осталось ничего.

—Как корова языком слизнула!—ахнул кто-то в толпе.

—Было золотишко и тю-тю! Поминай, как звали!

Геолог с Поповым подошли к шлюзу, медленно подняли грохот. В средней части шлюза на черном сукве лежали все десять самородков.

* * *

Гидравлики потребовали изыскания новых золотосных песков. Этим и занялось созданное на прииске геологическое бюро. Поверхностное обследование указало на пески возле го-

ры, на вершине которой начальник прииска провел свой первый день.

С азартом работали геологи и забойщики. Были заложены десятки шурфов и борозд. Но по мере углубления, кроме шлихов, не обнаруживалось ничего. Пробили несколько многометровых контрольных шурфов. Золота не было. Это вызвало общую растерянность. Люди, взявшиеся с энтузиазмом за изыскания, теперь ходили повурями и несловоохотливыми. Растерянность затронула и Василия Семеновича. Но он решил продолжать разведку.

— Не унывайте, хлопцы, — подбадривал он забойщиков, — если нужно, углубимся до центра земли, а золото найдем.

Но темпы разведки все слабели. Шурфы достигли десятиметровой отметки. Появилась подпочвенная вода. Неизвестно, сколько бы еще выдержало человеческое упорство, если бы вскоре не произошло интересное событие.

Трудовой день подходил к концу. Рабочие, находившиеся на поверхности, расположились на земле и, завернув по самокрутке, о чем-то тихо рассуждали. Вдруг из-под земли донесся еле слышный голос, вызывавший о помощи:

— Тащите, тащите скорее! — доносилось из глубины шурфа.

Сидевшие бросились к воротку. Не прошло и минуты, как показалась голова, а потом и сам спасенный. Первое, что удивило рабочих, это радостное лицо забойщика.

— Что ты улыбаешься, дурень! У нас душа в пятка ушла, а ему весело! — ругались они.

— Братцы, товарищи! — с трудом переводя дыхание, произнес «спасенный». — Чего пугаться! Вот оно. — И он разжал кулак. В его выпачканной глиной руке лежал золотой самородок.

Так под одиннадцатиметровой толщей были найдены мощные залежи золотоносных песков. За упорство, с каким работали старатели по исследованию этой горы, она получила название Азартной.

* * *

Недавно нам пришлось побывать на этом прииске. Приезд совпал с тринадцатилетием пребывания здесь Василия Семеновича Попова. За эти годы прииск стал неузнаваемым. Построены десятки километров водозаводных канав и плоток. По ним бурным потоком бежит вода к мониторам.

Побывали и у горы Азартной. У ее подножья возвышаются отвалы золотоносных песков, выдаваемых из недр. Здесь же, в лабиринте подземных коридоров и площадей, по-

встречались с энтузиастом стройки гидравлики, ныне передовым забойщиком Макаром Евдокимовичем Поповым. Пятидесятилетний возраст не мешает ему упорно отвоевывать у горы ее богатства. За свою жизнь на прииске Макар Евдокимович научил мастерству забойщика десятки молодых людей. В том числе и двадцатилетнего юношу Николая Байгашева, с которым работает и сейчас.

Что касается начальника прииска, Василия Семеновича Попова, то он попрежнему энергичен, несмотря на преклонный возраст. Вместе с ним мы побывали и на вершине Азартной.

—К 30-летию Октябрьской революции рудник приходит технически вооруженным. Наши горняки продолжают внедрять передовую технику.—Попов указал на людей, работавших у речки.—Создают водоемы для драг. Скоро здесь будет работать несколько пловучих фабрик добычи золота.

Мы долго стояли, созерцая панораму прииска. Панораму того, как сталинский план воплощается в жизнь.

Г. Зорин.

Мастерица-стахановка

Бывало такое с человеком раньше: живет, трудится и не знает того, что попади он в другие условия, загорелся бы, заблестал творческим огнем и талантом, развернул во всю ширь, во всю силу дремавшее в нем способности.

В наших условиях эти возможности широки. Каждый молодой человек может заранее подумать о своем призвании, обдумать будущую профессию и на всю жизнь отдаться любимому делу.

Вначале Марусе Кыровой некогда было подумать об этом. Выросла она в небольшом горном выселке Нижняя Тырга. Смерть матери переложила заботы о хозяйстве на ее плечи. Работала она в промысловой артели „Красный бондарь“, которая вела небольшое производство бондарных изделий и имела кустарный завод по выработке пихтового масла. Часто думала Маруся в то время о том, как хорошо, интересно работать на большом предприятии, где много людей, много машин.

Когда подросли сестра и брат, Мария решила идти в город. Как-то ранним утром, в январе 1938 года, она простилась с родной деревенькой и зашагала по тракту в город.

„Хорошо бы поступить на какие-нибудь курсы“, — робко думала она, подходя вечером того же дня к городу.

Во многих предприятиях и цехах пришлось ей побывать, но ученицы нигде не требовались. В „Ойротке“ пообещали принять, но не скоро. Она решила ждать. Чем больше думала Мария о светлом, просторном цехе „Ойротки“, тем больше тянуло туда, тем сильнее чувствовалось желание сделаться квалифицированной портнихой, шить удобные, красивые одежды людям.

— А вот и буду портнихой, — упрямо твердила она себе, вспоминая, как ей отказали в приеме на курсы кройки и шитья, потому что опоздала.

Пока что пришлось поступить домработницей, потом дошницей мясокомбината. Но вечерами, проходя мимо цехов „Ойротки“, она с завистью заглядывала в окна:

— Все равно буду портнихой. Рано или поздно, а приду в эти цеха.

И она пришла. Желанный день наступил в июне 1938 года. Ее приняли ученицей в оптовый цех.

Шумный, многолюдный цех сначала напугал. Она краснела под испытующим взглядом мастера, стыдливо опускала глаза, когда глядели на ее первую работу сверстницы, такие же девушки, как она, только принятые значительно раньше. Девушки ободряли ее, а мастерица даже похвалила:

— Ты только смелее, Маруся, смелее, и дело пойдет.

Первая работа была несложна, только требовала быстроты и аккуратности. Обметывание петелек, пришивка пуговиц. Это знакомо. Но молодая работница старалась как бы не было брака, как бы ей не сказали, что она даже такой простой вещи не может делать хорошо, доброкачественно.

Прошло с месяц. На одном из цеховых собраний было впервые произнесено имя Маруси Кыровой как одной из лучших, успевающих учениц.

Пытливая, старательная Маруся скоро постигает все несложное мастерство оптового цеха. И ее переводят, как самую способную, в заказной цех. Врожденная сметливость, приобретенная уже сноровка и неутомимая усидчивость выдвигают ее в ряды быстро растущих мастериц. Но Маруся хочет быть не только мастером своего дела, она хочет быть культурным, грамотным человеком и хорошей общественницей. Она находит время для посещения вечерней школы взрослых и успешно заканчивает ее.

Постоянное общение с людьми открывает в ней способности агитатора, и Маруся становится одной из лучших общественниц артели. Ее принимают в комсомол. Это были дни большой радости. Взволнованная таким важным событием в своей личной жизни, она с радостью сообщает об этом своим близким и знакомым в далекую Тыргу.

— Я нашла свою судьбу! И она не уйдет от меня, — писала она родным. — Я хорошо определилась. Теперь это моя линия жизни...

В артели выросла комсомольско-молодежная бригада. Девушки встали на бессменную вахту. Руководить бригадой было поручено Марусе Кыровой, только что переведенной в разряд мастеров. Это было первым большим и серьезным поручением. Маруся с жаром и неутомимой

энергией берется за дело. Время грозное, военное. Работницы приходили в холодный цех и принимались за выполнение спецзаказов. Ими руководило желание помочь армии, помочь родному народу, вставшему на защиту своего отечества.

— Вчера мы дали бригадой 140 процентов выполнения задания, — говорила Маруся, — а сегодня должны дать 150...

И девушки выполняли задание на 150 процентов. Коллектив рос, мужал, сплоченный горячим призывом: „Все для фронта! Все для победы!“.

Члены комсомольско-молодежной бригады работали не считаясь со временем. Вместе с ними трудилась бригадир Маруся Кырова. Она сама садилась за машину и не покидала рабочего места, не выполнив задание на 200—220 процентов.

Комсомольско-молодежная бригада с годами выросла в замечательную школу стахановцев. Не один десяток девушек воспитала она, вырастила в прекрасных мастериц. Десятки девушек через бригаду, через комсомол нашли свою настоящую линию жизни. И в этом немало помогла им Маруся Кырова, ныне лучшая мастерица „Ойротки“, принятая недавно в члены Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

Вл. Дремов.

Павел Иванович Чевалков

Давно выйдя на оседлость, отец Павла Ивановича занимался сельским хозяйством. Человек передовой среди своих сородичей, забитых отсталых кочевников, он видел единственный путь избавления сына от бесправия и нищеты в образовании. Он хотел иметь грамотного сына.

Немало мытарств испытал отец, задаривая и унижаясь перед начальством, прежде чем сына зачислили на казенный кошт в бийское катехизаторское училище.

С вечера мать уложила пожитки Павла, собрала сына в дальнюю дорогу. Отец, поглядывая на сына, наказывал:

—Смотри, теперь все зависит от тебя. Начальство не любит непокорных...

На заре Павел простился со спящей Улалой. Последний раз взглянул он на покрытые легким туманом островерхие горы. Что ждет его в чужом, незнакомом городе?

... На другой день они переплыли Бию, пересекли город, и двуколка остановилась на широкой площади у железной ограды. За оградой был сад. Стояло несколько мрачных домов.

Первое время город действовал угнетающе. Давили мрачные стены общежития. Окрик наставника заставлял вздрагивать. От учеников требовали покорное, елейное повиновение.

В десять вечера двери спальных комнат запирали на ключ угрюмый веромонах.

В катехизаторском училище, организованном миссионерами, процветали нравы и обычаи бурсы: драки, взаимные издевательства, доносы. За алтайцами было особое наблюдение: молятся ли, не богохульничают ли? Из них готовили послушное орудие православной миссии. Павел пристрастился к литературе. Но многое приходилось читать тайком.

Увлеченный Чернышевским или Ж. Ж. Руссо, Л. Толстым или Гоголем, Павел забывал об окружающем. и

Но вот в дверь тихо заглядывает иеромонах с большою связкой ключей. За нарушение дисциплины следовали неприятные последствия. Редкие воскресные отпуски в город были отравлены побоищами с воспитанниками других училищ. Те ходили стайками с камнями в свинчаткой в карманах и при встрече обидно кричали...

—Татары!.. Лепешки!

Обыватели натравливали подростков. Потешались, когда те, вцепившись в волосы, волтузили друг друга. В ключья летели казенные рубахи, кровянились носы и губы. Обыватели хохотали до упаду.

От всего этого страстно хотелось уйти в горы.

Долгими зимними ночами в снах вставали серебряные отроги гор. Дальние зимовки пастухов... Он просыпался и с тревогой спрашивал себя: «Кто же на эти зимовки принесет луч света? Не твое ли это дело?»

Павел жадно читает и учится. Он решает отдать свою жизнь на службу народу, а для этого нужны знания.

Он перечитывает все исследования об Алтае, записки путешественников, миссионерские очерки. И с горечью убеждается в том, что его край—это вотчина царских чиновников и купцов. Алтайский народ даже не имеет своей письменности и скольконибудь верной истории.

А как богат душевно его народ! Творческие силы его подавлены, не исследованы.

...Позади упорные годы учебы. Павел Иванович Чевалков получает звание народного учителя. С большим волнением он приступает к работе. Но первые же шаги его омрачены. Молодой учитель убеждается, что для детей пастухов и чабанов, уходящих далеко в горы с байскими стадами, закрыты двери его школы. Над учителем посмеивались богачи:

—Зачем пастуху грамота?

На его глазах предприимчивые купцы и миссионеры закабалили народ, а он в своей школе обязан был проповедовать смирение и покорность, непротивление злу насилем.

Началась первая империалистическая война. Представителям интеллигенции предложили ехать в горы уговорить алтайцев принять христианство. За это обещали не брать «ясашных» на тыловые работы. Многие пошли на это. Павел Иванович наотрез отказался. Только что крещеных алтайцев окружили жандармы и полицейские и под улюлюканье кулацкого населения погнали обслуживать тыл. С

болью смотрел на этот подлый обман и произвол молодой учитель. Единственным утешением было то, что он не был «агитатором» миссионеров в этом грязном обмане.

Освобождение алтайцам от произвола принесла Великая Октябрьская социалистическая революция. Свободно и радостно вздохнул народ. По-новому зацвела алтайская земля.

Павел Иванович горячо принимается за работу, помогает первым Совдепам наладить обучение в деревнях. В школу пришли дети обездоленного раньше алтайского кулы-раба. Несмело и робко садились они за парту, с надеждой глядя на своего учителя. И он с упоением и радостью открывал перед ними книгу, отдавая все свои знания и способности делу их просвещения.

Эти дни были днями второго рождения. Павел Иванович работал неутомимо. Днем он в школе, вечером — на участке, ночью — в сельисполкоме. Это были горячие дни. Дни становления народной власти.

Вскоре его, как лучшего учителя, назначили инспектором школ. Павел Иванович совершенствуется в методике. Глубоко изучает материалы обследований. Требовательный, но справедливый и честный, он пользуется любовью учителей.

Чуткий и проницательный педагог, он бережно, как садовник, прививает молодым учителям страсть к своему труду и совершенствованию в знаниях.

Тридцать восемь лет отдал Павел Иванович на службу просвещения. В числе лучших педагогов Ойротии немало положил он труда на создание собственно алтайской азбуки.

В настоящее время Павел Иванович работает над учебником русского языка для I класса национальных школ. Это большая работа, требующая не только теоретической подготовки, опыта, но и большой наблюдательности, знания специфики восприятия алтайскими детьми русского языка.

Большую, многообразную работу ведет областной педкабинет, этот своеобразный институт усовершенствования учителей. Он концентрирует лучшие работы учащихся и учителей, дает анализ, обобщение по отдельным образцам педагогической практики. Работа его широко известна педагогам, живущим далеко за пределами области. В педкабинет едут и приезжают учителя из многих районов края.

За истекший 1946 год педкабинет посетило около 2 тысяч учителей. И Павел Иванович Чевалков в нем лучший советчик, один из лучших методистов. Он ведет обширную переписку с учителями области, помогая молодым расти, совершенствоваться в благородном деле воспитания нового поколения.

Ал. Демченко.

Народная учительница

— Сколько их было, этих волнующих минут в жизни, когда забываешь про еду, про сон. Мне кажется, нет дорожки в жизни этих минут... Вот они начинают говорить языком взрослых, каждый по своему, по-особенному... Вот раскрывают двери в мир уверенно после лет, проведенных под твоим наблюдением и руководством... Ради этого стоит жить и волноваться.. Я довольна тем, что переживаю, мучаюсь за них еще долго после того, как они захлопнут за собою дверь моего класса...

Екатерина Ивановна раскрыла лежавшую перед ней книгу Ник. Островского.

— Я не помню, который раз ее перечитываю, — сказала она мягко, и сеть морщинок собралась у добрых материнских глаз — И каждый раз мне хочется спросить людей, понимают ли они все величие подвига этого человека? Нашего человека. Кремневый, принципиальный, настойчивый... Вот я уже пожилая женщина, а хочется ему подражать, хочется иметь в себе хоть частицу того творческого горения, той силы воли, какую имел этот молодой большевик...

* * *

Было это в начале первой четверти. Весь день лил дождь, к вечеру взбухла река. Лишняя грязь стаскивала галоши. Темень наступила. В маленьком домике на берегу Улалушки долго не могли заснуть, ждали, прислушиваясь к бульканью и хлопанью дождя по лужам, к резким порывам ветра.

Екатерина Ивановна пришла поздно ночью.

— Да как же вы в такую слякоть? — укоризненно встретила ее Анфиза Ивановна. Бывшая ее ученица, Анфиза Ивановна теперь уже двадцать восьмой год вместе с нею работает учительницей. И живут вместе лет двадцать.

— Это ничего, Физа. Ведь пришла же?.. У меня неприятность. Забота. Ты понимаешь, новенькие отстают... Ходила к родителям.

— И не раньше, не позже? Простудитесь...

Екатерина Ивановна хитро улыбнулась.

— Как будто сама вытерпела бы... Помалкивай, голубушка, знаю тебя.

— То я... А вам можно и поспокойней, днем. Ведь который уже год? Сорок шестой учительствуете, а все бегаєте, волнуетесь и в ночь, и в полночь..

— И пятьдесят проучительствую, а бегать буду.

Затих бесполезный спор. Анфиза Ивановна сообщила:

— Привет вам просили передать. От полковника.

— От Саша?— всплеснула руками Екатерина Ивановна.— С этого бы и начала... Ну, как он? Командует? Жив? Здоров?

— Командует. Здоровье велел вам беречь,— подчеркнуто добавила Анфиза Ивановна.

— Это уж он такой... Заботливый.

Отогрелась, подседа к столу, задумалась. Сколько их разлетелось за многие годы, резвых птенцов из ее класса! А теперь—кто полковник, кто инженер, кто врач... И не забывают. Письма шлют. Приветы пересказывают..

* * *

Случай обычный в учительской практике. В классе, наряду с успевающими, по разным причинам оказались отстающие. Учитель использует все, чтобы поднять этих ребят. Есть много приемов, чтобы помочь им одолеть свое отставание. Важно с первых дней учебы правильно определить „темное место“ в знаниях учащихся. Это стало правилом в практике Екатерины Ивановны. Но, даже определив слабые стороны ученика, можно не добиться успеха, если не учесть сложную детскую психологию.

— Другой настолько впечатлительный,— говорит Екатерина Ивановна,— что даже от того, если учитель лишний раз спросит его при всем классе, начинает нервничать, возмнит, что он уже пропавший человек, что теперь будут навсегда, на всю жизнь омрачены дни школьной учебы, что он, очевидно, бестолковый, хуже всех...

Каким осторожным нужно быть учителю! Екатерина Ивановна Истигешева придает особое значение подходу и правильному определению причин отставания ребенка в учебе.

— Каждый отстающий лежит на моей совести,— сознается она,— всю жизнь мучаюсь, беспокоюсь о тех, кто не за-

кончел моего класса, выбыл из школы и потерялся уже навсегда. Где он? Как определился в жизни? И если узнаю, что он плохо живет, обвиняю себя в его неудачах..

К счастью, таких случаев немного в долголетней практике учительницы-орденоноски. Мастерски, терпеливо и настойчиво она добивается того, что ее класс прекрасно усваивает программный материал. Отстающие в учебе не замечают того, что под влиянием материнской заботы Екатерины Ивановны, незаметно для себя и других, приходят наравне с другими уверенно к контрольным работам.

Но каких усилий и скрытых стараний стоит это Екатерине Ивановне.

— Зато как приятно и хорошо сознавать, что ты только что преодолела большую и серьезную опасность, что у тебя хватило мастерства и энергии добиться своего. Будто экзамен держишь на аттестат зрелости. Вот он! какое, это чувство..

Многолетняя самоотверженная работа принесла Екатерине Ивановне заслуженную известность. Вся жизнь ее—это большой трудовой подвиг, честное, бескорыстное служение народу.

Нередки случаи, когда бывшие ее ученицы, успевшие стать матерями, добиваются того, чтобы дети их начинали свою учебу в классах Екатерины Ивановны.

— На всю жизнь Екатерина Ивановна умеет вложить в душу веру в свои силы и способности, любовь к труду. А с такой силой смелее идешь в жизнь, уверенней и тверже ступаешь по земле,—так говорят они о бывшей своей учительнице.

Екатерина Ивановна Истигешева—скромная учительница начальных классов 12-й средней школы города Ойрот-Тура. Сорок шесть лет педагогического труда, творческого горения и забот о людях посеребрили ее виски. Но полна энергии и молодого энтузиазма старая учительница. Сотни молодых людей отправила она в дальнее плавание. Она горда их успехами в жизни. Она попрежнему волнуется и радуется за них, переживает вместе с ними их горести и успехи.

Эти благородные качества—любовь к людям и своему труду—помогли Екатерине Ивановне стать передовой советской учительницей. Она источник энергии и силы, источник не потухающего творческого горения.

А. Демченко.

На переднем крае

Он так и не стал доктором, — лекарский помощник Дмитрий Ильич Калмыков. Но сорок с лишним лет врачебной практики, — какой врач не позавидует такому диплому? Большую половину своей медицинской практики он провел „на переднем крае“ борьбы за человеческую жизнь.

1904 год, война с Японией. Сретенский полк, минуя сопки, входит в соприкосновение с сильным врагом. Бои начались жестокие. Храбро бьются русские солдаты. Молодой фельдшер Калмыков проходит первое боевое крещение. Минуты выпадали тяжелые: вооруженный до зубов, хорошо подготовленный враг шел напролом.

Калмыков сутками в перевязочной. Неутомимый и энергичный, он бесстрашно идет в передовую цепь, туда, где требуется помощь. За храбрость Калмыкова награждают тремя георгиевскими крестами.

Кончилась война. Бездарные царские генералы усеяли костями солдат маньчжурские сопки, не выиграв сражения. Возвращаясь с Востока, Калмыков видел бедные таежные деревеньки на неизмеримом пространстве Восточной Сибири. Глухие медвежьи углы. И решил бесповоротно: „Вот где нужна моя помощь“. Не испугали ни расстояния, ни суеверие, невежество и темнота, царившие в этих углах.

Калмыков остается в Сибири.

Ачинск. Енисейская губерния. Деревни и город охвачены эпидемиями тифа. В наскоро сколоченных бараках сотни больных. Лекарский помощник Калмыков предлагает свои услуги. Его принимают на работу фельдшером.

Снова „передний край“. Бессонные ночи. Сутки беспрестанного труда. Сотни человеческих жизней, отвоеванных им у смерти. Добрым словом вспоминают многие спасенные люди расторопного, душевного лекаря в серой солдатской шинели.

Первая империалистическая война. Калмыков—в теплушке. Эшелоны вдут на запад, на фронт...

Походная двуколка. Красный крест. Солдатский лазарет. В редкие минуты затишья Калмыков запросто беседует с солдатами. Слушает их сокровенные думы. Болит душа у солдат. Далеко родные деревеньки. Зачем эта бойня? Ради чего? Грустны и печальны солдатские песни. От них веет теплом тихих деревенских вечеров Рязани, Тулы, широких волжских просторов, солнечных степей Кубани, таинственным шелестом сибирских лесов...

Один удивил. Солдат был суров в бою, смел и находчив. Крепко сложенный, налитый, он томился лазаретным бездельем. Сумрачный и молчаливый обычно, он преображался, когда кто-нибудь спрашивал его об Алтае, откуда был родом. Начнет рассказывать, и перед фельдшером встают безбрежные просторы степей, горные перевалы, бурные реки. Алтай все больше и больше тянул к себе.

— Работы у нас там непочатый край, — говорил сибиряк.

Медленно, тягостно шли фронтовые дни. Все ясней становилась порочность этой войны, продажность царского командования и чиновников. Громче раздавался ропот солдат. Сквозь тысячеверстные пространства упорно шел слух: рабочие сбросили царя. Временное правительство отстаивает интересы помещиков и капиталистов. Им война—наруку. Но части снимаются с фронтов, требуют прекращения войны, превращают ее в гражданскую.

В 1917 году Калмыков покинул армию. Давно манила его к себе Сибирь. В Алтай! В горы!

... Тихая заштатная Улала. Кривые, грязные улочки. Несколько больших купеческих домов. Вдали по дороге в Чою — блестящие маковки монастырской церкви. В центре городишка в неприглядном, двухэтажном здании ютится участковая больница.

В горах властвует шаман и знахарь. Люди охотнее идут за помощью к ним, чем в больницу. По горным селениям, на пастушьих стоянках, в дымных айлах — чесотка, трахома, оспа...

Дмитрий Ильич с жаром принялся за работу. Сознание необходимости быть здесь, вновь «на переднем крае», воодушевляло веутомимого солдата медицины. Десятки трудностей возникли с первых же шагов. Здание больницы было в запущенном состоянии. С этого и пришлось начать. Дмитрий Ильич идет по дворам. С помощью местных жителей он добивается открытия стационара. Горячего, страстного агитатора принимали подозрительно и недоверчиво. Нехотя

шли на его уговоры. Однако соглашались содержать стационар на собственные средства.

Каждый месяц Дмитрий Ильич собирает пожертвования на стационар. Подавали кто что мог. Так и жил стационар подавниями. Страстная преданность своему делу, отличное знание его, отзывчивость неутомимого фельдшера пленили многих. Постепенно растет медицинский актив. Бескорыстие и честность делают Калмыкова вскоре одной из популярнейших фигур в городе и области. С опаской и недоверием пришли первые пациенты — алтайцы. К ним требовался особый подход. Помощь этим первым, осмелившимся пренебречь шаманом, он считал большим и серьезным делом. Вылечатся эти, убедятся, за ними придут и поверят другие.

Наступило время грозных событий на Алтае. В горах шла тяжелая борьба с колчаковщиной. Бандитские кулацкие ватаги свирепо расправлялись с первыми Совдепами. Дмитрий Ильич назначен заведующим отделом здравоохранения. Он расширяет стационар. Он всеми силами и средствами помогает борьбе за установление советской власти. Это были нелегкие годы. Разруха, невозможность достать медикаменты, инструменты не раз создавали безвыходное положение. Но было упорство, была вера в полезность своих усилий и неутомимость зачинателя медицины в глухом, до этого заброшенном углу. Немало седин прибавилось в голове лекпома. Но вот свободно вздохнула Ойротия и приступила к строительству новой жизни. Немало трудов и борьбы предстояло еще впереди. Нужно было вырвать народ из лап суеверия и темноты. Эта борьба требовала большой настойчивости, выдержки и умения.

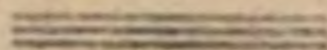
К этому времени прибыли в Ойротию первые советские врачи-энтузиасты. С жаром принялись они за организацию врачебных пунктов, яслей, консультаций, стационаров. Одним из первых пионеров медицины в Ойротии был Илья Александрович Щилькин. Фельдшер по образованию, он прибыл сюда в 1922 году и горячо принялся за работу. Он ликвидировал натуральную оспу в Онгудайском аймаке, вел огромную профилактическую работу. Учил мыться в бане, шить и стирать белье... Власть камов и шаманов все еще была сильна. Врачи боролись с их влияниями осторожно, терпеливо, но неотступно.

Памятен такой случай. Один из элкманарских шаманов болел венерической болезнью. Привели его на участок. Стали лечить. Вылечившись, кам всенародно отрекся от своего бога и заявил:

— Вот кто исцелители настоящие, а не духи и боги..

За годы советской власти Ойротия покрылась густой сетью лечебных учреждений: больницами, стационарами, амбулаториями, родильными домами, диспансерами. Дмитрию Ильичу Калмыкову идет 75 й год. Он еще полон энергии и подрежнему „на переднем крае“ борьбы за человеческую жизнь.

Вл. Дремов.

Сельский врач

В холодный, дождливый осенний вечер пожилая женщина осторожно пробиралась к центру села. Едва она подошла к цели своего путешествия—освященному электричеством зданию—навстречу бросился какой-то человек.

—Евдокия Дмитриевна, беда! Евдокия Дмитриевна, у нас беда!

—Да что за беда? Говори толком,—попросила, едва придя в себя от неожиданной встречи, женщина.

—Бык заporол человека. Худо очень ему. Ревмя кричит и просит: „Позовите скорее Бородину. Она может спасти меня“. Вот, послали за вами.

—Да ты откуда?

—Кировский я. Из колхоза имени Кирова.

Через 10—15 минут Евдокия Дмитриевна Бородина уже переправлялась на небольшой лодочке через бурлящую гневную Катунь. Все: и страх перед возможностью разбиться о подводный камень, и холод, пронизывающий до костей, отступало куда-то на задний план перед сознанием—нужно спасти человека.

* * *

Еще гимназисткой молодая девушка обратилась как-то с пустяковой болезнью в земскую больницу. Ей быстро помогли избавиться от боли. Чистая обстановка, условия, в которых приходится работать врачам, а главное—сознание, что можно облегчить страдания сотен, тысяч людей,—все это привело к решению стать врачом.

Бородина поступила в Вятскую фельдшерско-акушерскую школу. В 1914 году, учась на последнем курсе, она работала в лазарете, через год окончила на «весьма отлично» школу и была назначена заведующей больницей Яронского земства, Вятской губернии.

Четырнадцать лет, заполненных тяжелой и нужной работой, протекли в одном и том же районе.

В 1920 году Евдокия Дмитриевна приехала в Смоленский район, Алтайского края. Работала и одновременно училась на заочном отделении Томского медицинского института. И только с третьего курса перешла для учебы на очное отделение.

Институт она закончила настолько успешно, что сразу же была направлена для усовершенствования в Ленинград. Прослушана последняя лекция, пройдены практические занятия в клиниках и успешно сданы экзамены. Евдокия Дмитриевна вышла на улицу шумного Ленинграда, решая вопрос: куда ехать, где применить свои обогащенные знания с наибольшей пользой. Выбор пал на Ойротью.

В 1940 году Бородина приняла заведывание Эликманарской районной больницей, в которой было сосредоточено все: и родильное отделение, и изолятор, и мужские и женские палаты. По наименованию палат было много, а располагались они все в двух-трех комнатах. Кажется, впервые Евдокия Дмитриевна усомнилась в своих силах и способностях наладить нормальную работу больницы, написала об этом мужу в Томск. Старый большевик, член партии с 1905 года, ответил телеграммой, коротко и довольно убедительно: „В хороших условиях может работать каждый, а ты попробуй наладить работу в таких условиях“. Стало неудобно и обидно, что она сама не смогла прийти к такому единственно правильному решению.

Евдокия Дмитриевна принимается за работу и вступает в ряды большевистской партии. Настойчивая и решительная в своих действиях, она требует этого и от всех работников больницы. Она добивается создания лучших условий для работы больницы, хлопочет о приобретении необходимого оборудования, подбирает и кропотливо обучает кадры работников. Вскоре под больницу было отстроено хорошее, удобное здание. В Москве Бородина приобретает для больницы мягкое и лабораторное оборудование, инвентарий. Так кропотливо, по-хозяйски создает она необходимые условия для плодотворной работы.

Теперь уже Бородину не страшили трудности. Она убедилась, что горячая любовь к своему труду, приносящему пользу обществу, находит горячий отклик. Больница работает хорошо и служит примером для всех сельских больниц края. Евдокия Дмитриевна не раз в тяжелые годы Отечественной войны получала премии и благодарности облздрава, крайздрава и Наркомата здравоохранения. И все-

таки высшей наградой для себя за свой честный труд Евдокия Дмитриевна считает уважение и любовь народа.

Трудно сказать, есть ли в районе такой населенный пункт, где бы не побывала Евдокия Дмитриевна за семь лет работы в Эликманаре. Трудно сказать, есть ли даже люди в аймаке которые бы не знали об этом хорошем враче-энтузиасте. Забредет ли в дом колхозника случайная болезнь случится ли какое увечье или подойдет время принять на свет маленького горластого наследника—во всех этих случаях жители района вспоминают о том, что у них в районном центре живет и работает замечательный по своей отзывчивости человек и хороший, опытный врач.

Ей уже 54 года. Несмотря на свой возраст, она полна кипучей энергии, полна уверенности, что сможет еще долго работать и быть полезной народу. Евдокия Дмитриевна готовит кадры опытных медицинских работников, передает им свой богатый опыт и практические навыки по уходу за больными.

Главное, что старается привить своим ученикам Евдокия Дмитриевна,—это любовь к избранной профессии и стремление к постоянному совершенствованию.

Среди приезжающих на практику студентов фельдшерско-акушерской школы Бородина безошибочно узнает тех, кто искренне любит свою будущую специальность, и охотно помогает им. Десятки бывших практикантов Бородиной сейчас работают самостоятельно, с благодарностью вспоминая своего учителя.

Жизнь и работа сельского врача Евдокии Дмитриевны Бородиной—яркий пример того, как, находясь на любом участке работы, советский человек может и должен служить своему обществу:

К. Растегаев.

Режиссер Забродин

—Дяденька, а дяденька, пропусти!

—Сказал, нельзя. Мал еще!

—Я одним глазком только...

—Вход по билетам. Русским языком тебе сказано. Да и заколешь, холодище там у нас. Жизнь настала, прости господи, чаю вскипятить и то не на чем...

—Дяденька, я вам дров принесу, пропустите только. Я в сторонке где-нибудь...

—Дров?! Ну, ладно, тащи пару полен — проведу.

Такой диалог происходил зимой 1921 года около входа в здание Барнаульского народного дома между стариком-сторожем и маленьким шустрым пареньком в легоньком пальтишке.

Дровяная „контрамарка“ открыла двери неизвестного мира, мира искусства. Шел «Спартак». Для мальчика, сидящего в уголке холодного закуравевшего зала, все окружающее перестало существовать. Он не чувствовал холода, не замечал посиневших обнаженных ног артистов, одетых в туники, картонные латы и шлемы. Все его существо ушло в восприятие чудесного человеческого умения перевоплощаться, переносить зрителей в иную эпоху, среду, обстановку.

Когда закрылся занавес, мальчик не заметил, что зал опустел. Он все еще был во власти того, что происходило на сцене. Кто-то тронул за плечо:

—Говорил заколешь! Застыл парень. Пойдем, чаем отогрею.

Мальчик молча пошел за стариком. И только в сторожке, выпив кружку горячего морковного чая, он вернулся к действительности.

—Вот бы и мне так, дяденька, а?

—Ты это о чем?

— Это я про себя... Спасибо за чай, дяденька, я пойду...
Сторож покачал головой вслед:

— Чудной парнишка!

Так Ваня Забродин впервые приобщился к сценическому искусству, которому потом посвятил свою жизнь.

* * *

Нужно иметь большую волю и настойчивость, чтобы трудным и сложным путем подняться до подлинного искусства.

Иван Степанович Забродин не испугался трудностей этого пути, а пошел по нему и достиг успеха.

Годы учебы в школе сочетались с участием в драматических кружках. Потом было получено специальное образование в театральной мастерской Московского пролеткульта. С первых шагов самостоятельной режиссерской работы Забродин избрал верный путь социалистического реализма. Любимой настольной книгой молодого режиссера стала „Моя жизнь в искусстве“ — Станиславского.

В Ойротию Забродин приехал в октябре 1936 года. К этому времени он уже имел опыт режиссера-педагога, режиссера-постановщика, но не имел никакого опыта работы в национальных театрах. Да в то время вообще еще не был накоплен этот опыт. Большинство театров братских республик страны находилось в стадии своего творческого становления.

Перед Забродиним встала нелегкая задача создания театра у народа, который не только еще не знал своих форм профессионального искусства, своей драматургии, но в самом недалеком прошлом не имел и своей письменности. Благородная и большая задача. С молодой горячностью и творческим энтузиазмом Иван Степанович взялся за ее решение.

Пришлось много и усиленно работать, пополнять свои личные знания, изучать нравы, обычаи, язык, характер, историю алтайского народа, его творчество.

Большинство алтайской молодежи, пришедшей в организованную театральную студию, не видело в жизни ни одной пьесы, ни разу не ступало по сцене, даже в самодеятельных спектаклях. На ряд учебных дисциплин студийцы смотрели как на ненужную трату времени. Занятия по драматическим этюдам ими воспринимались как пустая детская забава. Казавшиеся им бесконечными повторы одних и тех же этюдных задач будущие национальные актеры объясняли никчемной придирчивостью и „выматыванием“ режиссера-педагога.

Терпеливо и настойчиво учил Забродин своих питомцев.

Занятия по музыке, движению и танцам были такими же обязательными, как история театра, грим, мимика, техника речи, общеобразовательные предметы, русский язык. Именно этот принцип помог тому, что в театре выросли не только драматические актеры, но и несомненно даровитая танцовщица Евгения Тыдыкова, певица Ирина Шульгина.

Студийный период театра—это период вдумчивого изучения Забродиным каждого из будущих актеров, их творческих возможностей. К концу этого периода Забродин с большим волнением приступил к постановке первого спектакля—пьесы „Чапаев“ по Фурманову.

Этот спектакль был пробой творческих сил молодого театра. Дебютировал театр в колхозах Онгудайского аймака. Горячо приняли „Чапаева“ на русском языке зрители-алтайцы, впервые увидевшие театр. И когда в одном из горных колхозов после окончания спектакля седой колхозник-кожончи спел импровизированную песню в честь театра и его артистов, в которой выражал от имени колхозников похвалу и благодарность, руководитель труппы понял все значение начатого им большого и благодарного дела. Понял он еще и то, что не на сезон, не на режиссерские гастроли он приехал в Ойротию, а надолго и прочно свяжет свою творческую судьбу с судьбой созданного им молодого театра, с судьбой и развитием культуры и искусства алтайского народа.

Дата выпуска „Чапаева“ и считается датой начала жизни государственного Ойротского национального театра, который в этом году отмечает 10-летие своего существования, бессменным художественным руководителем которого все это время работает Иван Степанович Забродин.

Для любого, а тем более молодого театра, его репертуар—наиболее сложная проблема. Для Ойротского театра эта проблема усложнялась еще и тем, что репертуар являлся практической школой, продолжением студийного периода для актерского состава. Художественный руководитель на протяжении всего времени своей работы успешно решал из сезона в сезон эту проблему. Благодаря его хорошо развитому чувству, высокой художественной и политической требовательности театр избежал на своем творческом пути увлечения „кассовыми спектаклями“, преклонения перед показной зарубежной „культурой“, не впал в излишний историзм.

Театр познакомил алтайского зрителя с классическим наследием лучших русских и западных драматургов, с пьесами советских писателей, рисующих военную и трудовую героиню советских людей. Большую работу театр проделал по созданию национальной драматургии, показывающей жизнь алтайского народа в прошлом и настоящем.

Из 27 пьес, поставленных театром за 10 лет, наибольшей творческой удачей Иван Степанович справедливо считает постановки „Чейнеш“ Павла Кучняк и „Васса Железнова“ М. Горького. Эти спектакли характерны не только как творческая удача режиссера-постановщика и актерского состава, но и как этапные работы в развитии театра.

«Чейнеш» — это начало, первая страница подлинной советской алтайской оригинальной драматургии. Это первый спектакль, где зритель-алтаец увидел свой родной Алтай именно таким, каким он был в годы гражданской войны, в годы борьбы алтайского народа за власть Советов. Подлинная правда искусства, о которой мечтал Иван Степанович в юности, звучит в этом спектакле.

«Васса Железнова» — это выдержанный театром экзамен на профессиональную зрелость.

Возбужденный и радостный после премьеры „Вассы Железновой“, Иван Степанович говорил у себя в кабинете:

— Если Алтарыкова от бабки Ульяны доросла до Вассы, значит театр существует не зря, значит мы по-настоящему живем и растем!

Хотелось добавить к этим горячим словам:

— Если так выросла Алтарыкова, Уксегешева, Тыдыкова и другие артисты, значит и вы, Иван Степанович, по-настоящему жили и работали.

* * *

«Ай-Тана» Енчинова — пьеса о жизни алтайских колхозников в дни войны, „Русские люди“ Симонова и ряд других спектаклей, осуществленных в последние годы, говорят о том, что театр имеет все для дальнейшего роста в свете последних указаний Центрального Комитета партии. И в том, что театр имеет эти творческие возможности, несомненная заслуга Ивана Степановича Забродина.

Сейчас Иван Степанович занят мыслью о постановке большой пьесы в форме музыкально-драматического спектакля из жизни сегодняшней Ойротии.

Работники театра, зная его мечту, говорят:

— Скоро возьмемся за музыкальную драму.

— Так, ведь, это только еще режиссерские мечты!

— Ну и что ж? Уж если Забродин задумал, значит будет.

И это, пожалуй, лучшая оценка Ивана Степановича Забродина — организатора и мастера большого благородного дела.

Б. Каирский.

Актриса

Вечером, после захода солнца, над урочищем Емири неслись протяжные и гулкие звуки шаманского бубна...

Больше лесных медведей, больше тяжелой, окованной медью трубки старой Оймок, от ударов которой на голове не заживали ссадины, больше плети хозяина Кыстака и пинков его отца бая Меркуша маленькая Анка боялась филина и шамана. Ведь, Анке не было еще и семи лет. По ночам, укачивая крикливую Тиманка, она слышала доносившиеся из тайги жуткие рыдающие вопли филина. Ей казалось, что это кам Чолтый, превратясь в филина, камлает, сзывая со всей округи злых курмесов.

Вот и сейчас, спрятавшись за толстый ствол кедра, она смотрела на поляну застывшими, широко открытыми глазами и ее худенькие плечи вздрагивали от пробегающего по спине холодка страха.

Окружающие поляну айлы были похожи на громадные муравьиные кучи, из которых выползли люди и собрались большим кольцом вокруг костра. Из этого кольца сидящих на корточках людей и доносился скрипучий голос Чолтыя.

Анка знала, что камланье совершается по поводу предстоящей дальней поездки в Онгудай ее хозяина Кыстака и кам Чолтый будет спрашивать у доброго духа Ульгения милости в будущих делах сына Меркуша. Но когда вокруг костра зловещей тенью заметалась, загремела побрякушками и колокольчиками фигура кама, когда вихрь разлетающихся лент и полы его шубы стали захватывать огонь и вырывать из костра снопы искр, она зажмурилась. Ей снова показалось, что Чолтый превратился в ночного жуткого мохнатого филина. Анка не вытерпела и бросилась искать спасения у своего единственного друга и защитника, большого пса Тайгыла. Около стенки айла Меркуша она еще весной вырыла в земле ямку. Эта ямка и была ее убежищем.

Скорчившись в ямке, Анка тесно прижалась к теплой шерсти Тайгыла. Она боялась плакать громко — уши старой Оймок были не менее чуткими, чем у лесной рыси. И если она услышит, значит снова будет долго долбить по голове трубкой, как дятел долбит сухое дерево...

Тайгыл шершавым горячим языком слизывал тихие слезы со щек Анки.

Над урочищем неслись дикие завывания кама и глухие удары бубна...

* * *

...На рассвете Тиманка особенно сильно раскричалась и разбудила всех в аиле Меркуша. Кыстак избил плетью незадачливую няньку, а Оймок сломала черенок трубки о голову Анки.

Когда все ушли на севохос, Анка выкопала около очага в земляном полу глубокую ямку, связала руки и ноги орущей Тиманка, посадила ее в ямку, приперла палкой снаружи двери аила и бросилась тайгой в сторону села Александровки, к деду и бабушке.

В полдень в урочище приехал Меркуш. Увидев связанную Тиманка, он вскочил на лошадь и поскакал в Александровку. Но там Анки не оказалось. Старый охотник Денис по следу нашел в стороне от тропы, в зарослях черемушника спящую Анку и на этот раз заступился, не дал Меркушу бить внучку.

— Бери своего щенка, но обещанной овцы от меня не получишь, — взревел Меркуш, вскочил на коня и умчался.

Бабушка гладила по голове рыдающую Анку и утешала:

— Ничего, балам, как-нибудь проживем!

Но даже „как-нибудь“ жить было трудно. Дедушке Денису перевалило за девяносто. Бабушка была не намного моложе. Хоть и жили они «по-русски» — в рубленой избе с настоящей русской печью, но изба доживала свой век. На бок она осела так сильно, что под правые ножки стола были подложены чурбаки.

Хозяйство деда состояло из Каурого, который от старости уже даже не мог насторожить уши и седлался только по чрезвычайным случаям, да коровы Пеструхи.

Всю долгую жизнь дед собирался купить вторую корову и доброго коня для охотничьего промысла, но вот близилось его столетие, было уже не до покупок.

В молодости, после миссионерского православного крещения, за которое обещали ему настоящую избу и коня, он больше двадцати лет батрачил на «духовных отцов» в Улалинском миссионерском стане, отрабатывая ссуду на из-

бу, а потом еще чуть не десять лет—за коня, который к тому времени давно уже сдох.

Отец бая Меркуша и вся богатая «родня» по сеоку*), боясь явно высказывать свою неприязнь деду за его русское имя и новых богов, всячески усугубляли и так невыносимо тяжелую жизнь. Но деду Девису не было выхода. Он принимал байскую «родственную помощь», чтобы кое-как прокормить семью. «Помощь» была кабалой, из которой он почти до самой смерти так и не вырвался. И вот сейчас, когда ему уже очень трудно забраться на печь или в седло, когда даже летний промысел для него стал непосильным и он не может съездить расставить на таежных тропах ловушки для кротов, умерла дочь и исчез неизвестно куда из села пьянчужка зять, и на руках стариков осталась Анка.

Старикам трудно было глядеть друг другу в глаза. Они знали, что отдавая Анку «в люди», посылают ребенка на муки, истязания и непосильный труд, лишают ее всех маленьких детских радостей. Но Анку надо было кормить. А третий рот был им не по силам.

* * *

Маленьких нянек брали на работу охотнее, чем взрослых. Такие «няньки» были выгоднее. Они не только смотрели за ребятами, но на их детские плечи можно было взвалить всю черную домашнюю работу. Их можно было кормить объедками, не платить деньги, а после периода найма, «с пасхи до покрова», к зиме выгонять безнаказанно на улицу: «Иди, девонька, зимой бабы сами по-хозяйству управятся!» Если хозяин был в добром расположении духа, то в руку совался целковый и какой-нибудь пустяк, вроде железной гребенки, а если был зол, то весь «расчет» заключался в подзатыльнике.

Выгодны были такие батрачки еще и тем, что по своему малолетству не жаловались набиравшим крепкую силу сельсоветчикам и комбедовцам.

Несколько лет маленькая Анка проработала «в няньках». У самогонщицы Марфы Тыдыевой она не только возилась с ребенком, но следила за самогонным аппаратом, кормила и воевала ежедневно с громадными боровами, рвавшимися из своих клеток на запах гущи—самогонной закваски. У «дяди Павла» и его брата «дядя Арсентья» кроме ухода за оравой ребятешек доила по десятку коров, изо дня в день месила пудовые квашни, зашивала порванные штаны и ру-

*)сеок — род.

бах ребятам, но не имела времени поставить латку на свою рваную «становнну» — домотканное дерюжное платьишко.

Но она уже видела, что в жизни Александровки и Бирюли происходят крупные изменения. Если ее били, то били так, чтобы не знали соседи. На „покров“, при расчете, кроме пары засаленных рублевых бумажек стали давать какой-нибудь „ремек“ — обносок одежды. Хозяева чаще и чаще, шопотом, стараясь, чтобы не слышала Анка, повторяли слова „комбед“, „батрачком“. Анка не понимала значения этих слов, но чувствовала, что хозяева боятся их и в ее представлении комбед и батрачком стали чем-то вроде алтайских могучих богатырей из сказок деда Дениса.

И когда ее вызвали в батрачком и стали спрашивать, сколько ей платят хозяева, она испугалась, не смогла ответить и убежала из сельсовета. Но в сельсовете не забыли маленькую батрачку.

Сельские комсомольцы взяли над ней шефство. Много потерял времени терпеливый секретарь комсомольской ячейки, избач Николай Голубцов, чтобы «приручить» пугливую и забитую Анку. Девочка была неграмотной. Голубцов настаивал, чтобы девочка училась. Из первой попытки ничего не вышло. Летнего заработка нехватило на зимнюю одежду. Анка проходила в школу только два месяца и вынуждена была продолжать учебу с помощью подруг, сидя на дедовской печке. Пытливый ум не удовлетворялся пересказами школьных уроков и, к большой радости набожной бабушки, Анка самостоятельно постигала грамоту по „божественным“ старым миссионерским книгам на алтайском языке и русскому псалтырю.

Но научившись грамоте по „божественным“ книгам, Анка не утешила бабушку верой в бога. Наоборот, она принесла ей большое огорчение. Бабушка твердо верила, что у всех «косомолов» и „кыманистов“ на затылках поставлено антихристово тавро и растут, как у сарлыков, хвосты. Напрасно над ней посмеивался дед Денис, еще с батрацких времен в миссионерском стане потерявший веру в богов. Бабка уверяла, что сама лично видела у Николая Голубцова повыше шчшковатого лба маленькие рожки, выглядывающие между густых кудрей. И вдруг ее внучка, ее Анка, так хорошо научившаяся нараспев «читать божественное», вступила в комсомол. От огорчения бабушка заболела. Но вылечить ее от этого недуга Анка не могла.

Для вступления в комсомол ей нехватало лет, предусмотренных уставом. После горячих споров ячейка решила,

что для нее, как для батрачки, можно сделать исключение. В этот день Анка поняла, что в ее жизни произошло нечто большое и сложное, меняющее всю жизнь.

Только через год бабушка перестала по ночам оцупывать ее лоб. Старуха убедилась, что рога у ее внучки не появляются. Но зато появилось другое: смелый взгляд, решительная походка, уверенная речь в общении с очередными „хозяевами“.

„В люди“ ее — хорошую работницу — брали попрежнему охотно, скандалы с „комсомолкой“ хозяева боялись заводить.

Началось наступление на кулачество. В первых рядах комсомольцев активистов — Анна Алтарыкова. Она хорошо знала многие кулацкие усадьбы и была незаменимым разведчиком в поисках хлебных тайников и упрятанного от описи кулацкого имущества.

А когда организовалась александровская коммуна, почти первыми в нее вступили дед Денис и Анка. Дед помолодел на несколько десятков лет, распрямил спину. В коммуне его определили сторожем. Часто он приходил на скотный двор, где Анка работала дояркой, говаривал:

— Счастливая жизнь, Анна, у тебя будет. Хорошая жизнь для бедных людей наступает. Перед смертью увидел — не хочется помирать.

Отличницу школы малограмотных, Алтарыкову комсомольская ячейка направила в чемальские подготовительные классы. С этого времени началась для Анны Алтарыковой новая прекрасная жизнь. С каждым годом все сильнее и сильнее охватывала жажда новых знаний. Училась Анна с упоением. В ее табелях были только отличные отметки. Из чемальской школы она поступила на подготовительное отделение Ойрот-Турского педтехникума, но уже в середине зимы была переведена на основной курс. В годы учебы и учительства книга стала ее лучшим другом. Больше всего Анна почему-то любила читать пьесы. Читая, она, как живых, представляла себе Марию Мнишек и Любовь Яровую, Луку и Хлестакова, Чацкого и Арбеня.

Одновременно шло увлечение кино. Последние полтинники стипендии Анна, не задумываясь, тратила на билеты в кинотеатр. Приходила с киносеансов притихшей, задумчивой. Следя за игрой Кторовы или Эммы Цесарской, она увлекалась чудесным мастерством перевоплощения, завидовала праву артистов на это перевоплощение.

Живых артистов Анна впервые увидела на сцене Ойрот-Турского дома культуры. Шли „Без вины виноватые“ Островского. Образ Незнамова настолько взволновал ее, вос-

кресил картины детства, что в общежитии до утра не могли успокоить рыдающую девушку.

Встречая артистов на улице, она почтительно уступала им дорогу и долго смотрела вслед. Ей казалось, что это люди из какого-то другого мира, люди необычной души, поведения и склада, и когда она увидела одного из артистов, ругающегося на базаре с торговкой, она была глубоко оскорблена. «Этот не может быть артистом, — решила она, — он случайный человек в театре».

* * *

Анна Петровна до сих пор удивляется, как у нее хватило смелости пожелать стать актрисой. Но желание родилось, а она уже научилась правилу новой жизни: если хочешь, значит можешь сделать. 1936 год она учительствовала в Инвинской школе. На летние каникулы приехала в Ойрот-Тура и узнала об открывающейся театральной студии. Не задумываясь, подала заявление, выдержала испытания. И только когда прочла свою фамилию в числе принятых, очнулась от мысли: куда ты, Анна, лезешь? Ладно ли с тобой? Но тут же решила: все ладно и лезу правильно.

Как-то раз Анна Петровна сказала: «В театре я родилась в третий раз». И это верно. Если вступление в комсомол было ее вторым рождением — рождением общественным, то вступление в театральную студию стало ее третьим рождением — рождением творческим.

Вначале в театральной студии многое ей казалось странным и попросту ненужным. «Особый мир» жизни артистов оказался самой обыкновенной классной комнатой с партами, с черным квадратом классной доски. Так же нужно было учить уроки, выполнять задания, писать сочинения, выходить к доске. Верно, кроме общеобразовательных предметов были новые для нее: история театра, мастерство актера, техника речи, грим, музыкальная грамота, танец, но все же это были уроки, а она мечтала, что ей в театре дадут «большую роль в большой пьесе» и она начнет зажигать сердца людей. Она злилась самым откровенным образом на режиссера-педагога за то, что он бесконечное количество раз заставлял повторять не только одну и ту же задачу какого-либо драматического этюда, но и отдельную фразу, слово, движение, жест, добиваясь какой-то «полноты выразительности», «чувства правды», когда, на ее взгляд, она делала все «так, как бывает в жизни». Студийкой Алтарыкы ва оказалась колючей, но эта «колючесть», упорное отстаивание своего мнения и нравились педагогу.

Он верил, что за сегоднешним упрямством у Алтарыковой завтра последует самостоятельная, вдумчивая творческая работа.

Делать так, как бывает в жизни, Анна Петровна научилась не сразу. Только через несколько месяцев поняла она, что без упорной учебы невозможно замечательное мастерство перевоплощения, которое увлекало ее в игре киноартистов. Она поняла истину: для того, чтобы „зажигать сердца“, нужно этому учиться, настойчиво и упорно.

Педагог не позволял ей участвовать в выпускном спектакле „Чапаев“. Это обескуражило, но не убило. Она не привыкла отступать перед трудностями. И уже на репетициях следующего спектакля «Поднятая целина» режиссер довольно улыбался, когда на сцене появлялась Алтарыкова — бабка Ульяна. О бабке Ульяне заговорили, как об актерской удаче, похвалили в газетах. Это окрылило. Но голова от первого успеха не закружилась. Она знала: похвала не только вдохновляет, но и в первую очередь обязывает.

Ее десятилетний творческий путь — это путь талантливого человека, отдавшего себя любимому делу служения народу через искусство. Все эти десять лет Анна Петровна не только создавала художественно-убедительные образы, но и все время училась.

В 1939 году театр получил право участия во всероссийском смотре. В Москве Анна Петровна побывала во МХАТе. Шел „Егор Булычев“. В антракте, глядя загоревшимися черными глазами на своего спутника, она взволнованно проговорила:

— Теперь я поняла, что такое подлинное чувство правды... Из Москвы Алтарыкова привезла книжку в светло-кофейном переплете, на корешке которой было вытеснено: Станиславский. «Работа актера над собой».

С тех пор ее девизом в творческой работе стало „подлинное чувство правды“.

22 роли, сыгранные Анной Петровной в театре, — это упорный поиск сценической правды жизни.

Создавая образ Кабанихи в „Грозе“ Островского, она вновь пережила свое детство. Ведь она еще застала остатки „темного царства“ в Бирюле. Кабанихи измывались над ней, коверкали ее детскую душу. И Алтарыкова показала Кабаниху во всей ее жуткой наготе.

В „Чейнеш“ Павла Кучияк, первой оригинальной алтайской пьесе, поставленной театром, Анна Петровна играет Баланку — жену бедняка Садона. Баланка Алтарыковой — это живой образ женщины-алтайки, доброй, хорошей мате-

ри, но настолько забитой и приниженной, что она никак вначале не может понять свободолюбивых мечтаний своей дочери Чейнеш. Она воспитана на принципах рабского сознания. Побег Чейнеш из аила мужа Яжная, куда ее взяли насильно, Баланка воспринимает как святотатственное нарушение вековой традиции: „Дерево там сгнивает, где выросло, девушка там умирает, куда выдана“.

Работая над ролью Баланки, Анна Петровна опять-таки воскресила в памяти картины своего детства. В ее памяти возникли образы десятков женщин-алтаек, таких же бесправных и забитых, как Баланка. На сцене она воссоздает этот образ правдивым в своей простоте и играет так, „как это было в жизни“.

Несколько лет художественный руководитель Забродин и вся труппа театра мечтали о горьковском спектакле. Наконец они почувствовали, что имеют достаточно сил и творческих возможностей, чтобы осуществить свою мечту. Решили ставить «Вассу Железнову». Но кто будет играть Вассу? Ведь без Вассы нет спектакля. Эта мысль волновала коллектив. Роль была поручена Анне Петровне. Спектакль являлся, по выражению критики, экзаменом на профессиональную зрелость театра.

Поставив «Вассу Железнову», театр получил аттестат зрелости. А вместе с театром в числе его лучших артистов этот аттестат получила Алтарыкова. Ее Васса—это работа художника уже умеющего смело, ярко создавать задуманный и выношенный образ. Алтарыкова—Васса—это купчиха-стяжательница, крупный «делец», жена, способная хладнокровно отравить мужа, дабы не пострадала «честь» ее фирмы, способная отдать в руки полиции жену своего сына опять-таки для того, чтобы та не помешала процветанию ее «дела» в будущем. Васса сыграна Алтарыковой с подлинным актерским мастерством и талантом.

Так настойчивость, упорство, страсть ко всему новому, вдумчивая наблюдательность художника привели Анну Петровну Алтарыкову к раскрытию в себе замечательного для артиста свойства—чувства сценической правды.

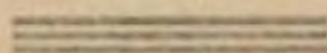
Вступая в партию, Алтарыкова дала себе слово стать настоящим большевиком-пропагандистом. Это слово она выполняет.

Сейчас Анна Петровна работает над образом Любови Яровой. „Для души“ она работает над Пушкиным и Шекспиром. Держа в руках томик пушкинских или шекспировских трагедий, она передает себя во власть образов, созданных этими двумя могучими титанами драматургии. И

она отдается мечте воплотить один из этих образов на сцене.

Но у нее есть и еще одно сокровенное желание: не только сыграть, но и создать самой спектакль, говорящий о сегодняшней жизни народа в горах ее родного голубого Алтая. И если ей поручат такой спектакль, то он, наверное, будет ярким и правдивым, потому что Анна Петровна Алтарыкова знает жизнь своего народа, вместе прошла с ним за 25 лет трудный, но славный путь от мрака бескультурья и невежества, забитости и приниженности, до высокого права советского человека строить светлое будущее.

Б. Каирский.

На пастушьих стоянках

Сурова природа Кош-Агача. Зимой студеные ветры с заснеженных Чуйских альп поднимают в степи тучи накопленных морозом колючих песчинок. Пронизывая случайного путника до костей, они наметают песчаные сугробы, чтобы через час перенести их на другое место.

В такое время года стада уходят в горы. Пастухи ведут их за сотни километров от степи к зимним пастбищам, прячут в глубокие балки и ущелья. Там пасутся отары овец, табуны коней. Быют копытом, добывая вкусную траву, яки и козы.

Долгие зимние месяцы отрезаны от мира пастухи. По капризной горной тропе иногда приедет сосед—и тогда у жаркого костра перебираются все вести. Беседы длятся целую ночь. Все интересует пастуха: и как там, в степи, их район живет, и какие новости у соседа в стаде, как идет тебеневка, хватает ли трав, нет ли падежа. О многом можно переговорить за долгую ночь.

Скучна была бы жизнь тебеневщика вдали от человеческого жвля, в пустынных горах и одиночестве, невозможно его участие в общественной жизни, если бы не юрта-передвижка...

Она организована в 1946 году по инициативе райкома партии. Укомплектованная хорошим штатом массовиков-агитаторов, она имеет библиотечку, патефон, радиостанцию, различные музыкальные инструменты. Нередко передвижку сопровождает кино.

Приезжает юрта-передвижка в горы—и оживают пастушьи стоянки. Весть о приезде быстро разносится по всему кусту. Вечером собираются пастухи. Юрта живет в одном кусту три—четыре дня. Пастухи съезжаются к ней поочередно: сегодня один, завтра—другой, чтобы не оставлять стада без надзора.

Дарья Васильевна Трушкокова — руководитель агитбригады — планирует работу юрты-передвижки интересно, разнообразно. Агитаторы проводят беседы, читки, знакомят пастухов с решениями Центрального Комитета партии, обкома и облисполкома, рассказывают о последних постановлениях правления колхоза.

Пока развлекается молодежь — одни сражаются в шашки, другие играют на гитаре или мандолине, поют или танцуют, агитатор-бытовик идет по юртам, айлам, беседует с женщинами. Много тем у бытовика: и как содержать в чистоте аил, как мыть посуду, шить и чинить белье, ухаживать за ребенком, правильно использовать продукты питания.

В это время Дарья Васильевна побывает в гуртах и отарах. Просмотрит тебеневочные площади, состояние животных, перед отъездом соберет всех пастухов, решит с ними различные хозяйственные вопросы. В заключение агитатор Ольга Павловна Иртычына подготовит с молодежью концерт, разучит новую песню. Далекю провожают юрту верховые добровольцы.

По горным ущельям едет агитбригада юрты-передвижки на новые далекие стоянки.

Разнообразную работу ведет бригада разъездных агитаторов. Она оформляет соцобязательства и договора пастухов, периодически проверяет их, ведет доски почета, выпускает стенные газеты и боевые листки, немедленно сигнализирует в район о всех неполадках на тебеневах. Бывает, что заболит тяжело в гурте животное. Если нельзя ему оказать помощь на месте из походной аптечки, немедленно отправляется нарочный за ветеринарным работником в Кош-Агач.

Ничего не забывают в юрте-передвижке. Все наказы записывают и строго следят за тем, чтобы все по возможности выполнялось.

Однажды, подъезжая к стойбищам колхоза имени Калинина, Дарья Васильевна проверила еще раз прошлые заказы колхозников и вдруг обнаружила, что забыла выкройку для пастушки Зины Тызыляновой, которую та очень просила. Остановила лошадей. Посоветовалась. Солнце уже опускалось на зубцы Чуйских альп.

— Нехорошо, если не привезем, — сказала Дарья Васильевна. — Ведь человек ждет, а в следующий раз на эти стоянки не скоро вернемся. Пока объездим аймак — реки разольются. Одному нужно вернуться.

„Юрту“ завезли под увал — от холодного, пронизывающего ветра, отпрягли лошадей. Один из бригады поскакал в

Кош-Агач за выкройкой к платью колхознице Тызыляновой...

Верхового пришлось ждать несколько часов. Дров на степи не сыщешь. Промерзли порядочно, а ехать неполной бригадой не хотелось. Вдруг из-за увала показались несколько всадников. Коня их закуржавела и тяжело дышала, видно, что прошли немалый путь. В первом из них, молодом колхознике, Дарья Васильевна признала чабана колхоза имени Ворошилова.

— А мы вас вот уже часа два разыскиваем, — сказал он. — Знаем, что выехали вы. Ждем на стоянках — вас все нет. Решили, что в степи заблудились. Поехали разыскивать. Вы ведь к нам?

Дарья Васильевна поблагодарила их за внимание и заботу, но сказала, что едут пока они не к ним, а на стоянки колхоза им Калинина. Огорчились посыльные, стали упрашивать, чтобы к ним вперед заехали...

В это время вернулся посланный в Кош-Агач. Выкройка была в „юрте“. Можно ехать дальше. Прощаясь с „ворошиловскими“ посыльными, Дарья Васильевна попросила их, чтобы секретарь парторганизации подготовил к проверке все соцобязательства пастухов.

— Будем производить проверку перед окотом...

...На стан приехали при звездах. Несмотря на поздний час, там никто не спал. Пастухи ждали в одной из юрт. Не успела передвижка остановиться, как ее окружили. Гостей повели в юрту, помогли втащить культмущество. Уютно в теплой юрте, вкусен чай после долгой дороги.

Пока гости отогревались, молодежь с увлечением слушала новые пластинки.

— Во первых, ваши наказы, — сказала Дарья Васильевна, поблагодарив за угощение. — Наказы ваши все выполнены. Тебе, Джантайден, книжку достали, какую ты желал. Тебе, Зина, выкройку привезли... А всем вам — очень интересную беседу...

Далеко за полночь внимательно слушали колхозники беседу об историческом решении февральского пленума Центрального Комитета партии „О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период“. В тишине слышался голос агитатора, да тихо потрескивал костер под таганом. Величественная картина грандиозной стройки вставала перед людьми реально и осязательно. Вставала из руин города, разрушенные немецкими варварами. Дымили новые гиганты могучей советской промышленности. Тучные стада запол-

няли колхозные дворы, колосились необъятные колхозные поля...

После беседы один за другим выступали чабаны, брали обязательства образцово провести окот.

— Наше стадо к концу сталинской послевоенной пятилетки должно вырасти вдвое, — таково было решение колхозников в ответ на заботу партии о сельском хозяйстве.

* * *

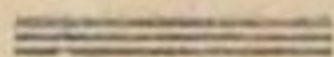
Юрта-передвижка Кош-Агачского аймака за зиму и весну 1947 года проделала большую агитационно-политическую работу. Она побывала почти во всех колхозах аймака и на пастушьих стоянках.

В далекой колхозной Ташанге чабаны колхоза „Путь к социализму“ хорошо запомнили день, когда бригада юрты-передвижки своими руками преобразила чабаны стоянки. В них стало культурно, чисто и уютно. Боевые призывы появились на стенах юрт, поддерживая огонь социалистического соревнования пастухов.

„Юртой“ проведено свыше 30 бесед и чток, прочитано несколько докладов, организовано 12 молодежных концертов, демонстрировались кинофильмы.

Большой заслугой кочующих агитаторов является изучение и передача опыта лучших чабанов и пастухов. Благодаря им достоинством многих стал опыт лучших животноводов аймака — Елены Аланхуновой, Соijen Курдяковой, бригады знатных табунщиков колхоза „10 лет Ойротии“, верблюдовода Ачубаева Кадыра и других.

А. Демченко.

В Алтайском заповеднике

Величественные горы окружают Телецкое озеро. На западном берегу высоко, точно бросая вызов голубому небу, подняла свою могучую вершину гора-исполин Алытын Туу. Перед ней в старину алтайцы падали ниц и приносили жертвы. Но теперь иное время.

Старик теленгит Какаев Павел бестрепетно смотрит на золотую гору и говорит: „Чернь“. Так выразительно называют алтайцы тайгу.

—В черни все есть,—говорит Какаев,—горностай, колонок и белки много. А там заповедник—промышлять нельзя,—показывает старик на восточный берег и вздыхает.

—Видно жалко тебе тех мест, что так тяжело вздыхаешь?—спрашиваю старика

—Маленько жалко. Но в черни тоже всякий зверь есть, охотиться можно. В заповеднике зверь плодится. Если его везде стрелять, кого тогда промышлять станем?

Такой ответ можно услышать не только от Павла Какаева. И другие охотники поняли, какое огромное значение для развития промысла имеет Алтайский государственный заповедник. Созданный в 1932 году, он занимает незаселенную прителецкую тайгу. На всей его территории, от Телецкого озера и реки Челушман на западе до границ Тувинской автономной области на востоке, запрещена всякая охота на зверя и дичь. Богатые природные условия заповедника, разнообразие ландшафта, климата, широта массива—все способствует развитию диких животных. В заповеднике созданы условия и для научно-исследовательской работы.

ГОРДОСТЬ ЗАПОВЕДНИКА

Гордость заповедника—копытные животные марал и лось. Красавец таежных гор—марал, сильный и быстрый, оказывался беспомощным перед осторожным и зорким охотником.

Рослый зверь, мясо которого так вкусно, шкура которого так велика и тепла, не давал покоя охотнику. Как бы далеко в горные кручи, болота ни заходил зверь, всюду неотступно его преследовал охотник и убивал.

—Марала убить — год можно жить, — говорят охотники-тувинцы, охотящиеся за маралами в мае, когда молодые рога налиты кровью, из которых изготавливают ценнейший медицинский препарат — пантокрин.

Неудивительно, что зверь быстро шел на убыль. До организации заповедника маралы сохранились только в самых отдаленных местах.

По подсчетам наблюдателей, в 1932 году маралов на территории заповедника находилось очень мало. С того времени как человек взял под свою защиту чуткого и осторожного зверя, тот начал привыкать к нему. Теперь марал уже не бежит в беспредельном страхе на своих быстрых ногах от человека, а держится более доверчиво, выходит из неприступных мест и распространяется по всему заповеднику. Сейчас в заповеднике насчитывается большое количество маралов.

СОБОЛЬ НА ПРОСТОРЕ

Не менее счастливо сложилась судьба соболя. Когда-то этот ценный пушной зверек буквально не мог найти себе места. В долинах, в таежных падах, в нагорьях, — охотники всюду преследовали его. Инстинкт помогал зверьку запутывать следы, уходить под снег, скрываться в непролазных валунах. Но за соболями ходили опытные охотники. Подолгу просиживали они над соболиной стежкой и, разгадав «игру» зверька, шли дни и ночи по его следам, пока, наконец, не добывали серебристый соболин мех.

15 лет назад наблюдатели заповедника исходили всю тайгу. После тщательных поисков только под гребнями хребта Корбу, в каменных россыпях, были обнаружены следы трех-четырёх пар соболей. Это все, что осталось от водившихся раньше почти по всему Алтаю в несметном количестве соболей.

Соболи жизнеспособны. В заповедных лесах они распространялись быстро, и сейчас их насчитывается много.

Масса соболей уходит на другую сторону Телецкого озера, в так называемую чернь. За последние годы на заготовительные пункты все чаще стали приходить охотники с соболями. Так с помощью заповедника в нашей области восстановлен соболин промысел.

ХИЩНИКИ ВНЕ ЗАКОНА

На безлесных гольцах наблюдатели и научные работники заповедника находят могилы горных баранов-кочкоров. Огромные животные, весом до 18 пудов, почти вымерли. На могильниках были обнаружены скелеты баранов, погибших, вероятно, от осеннего джута или затянувшейся зимы. Находки их представляют исключительный научный и практический интерес.

Сохранить все существующее в природе — закон заповедника. Только одни волки поставлены вне закона. Их можно стрелять, травить, капканить. В заповеднике волков не так-то уж много. Высокотравье летом, глубокие снега зимой выживают их из тайги, и существенного урона хозяйству заповедника они не приносят.

Более страшна рысь. Осенью, когда медведи после сытого, ягодного лета забираются в берлогу на всю зиму, рысь становится хозяйкой лесов. Ловкая, широколапая, она легко догоняет копытных животных, вязнувших в снегу. По снежной пороше наблюдатели узнают трагическую борьбу, которая длится, видимо, недолго между благородным животным и хищником.

На марала рысь чаще всего бросается с дерева и вгрызается ему в шею. Ни судорожные прыжки, ни стремительный бег не помогают сбросить хищника, и обессиленный марал с перерванным горлом падает. Выев лакомые места, печень, рысь уходит.

Не будь рыси, маралов в заповеднике было бы в два-три раза больше. Охотница главным образом на копытных животных, она полностью истребила горного козла. Такая же судьба может постигнуть и кабаргу, лосей, горных баранов и других животных.

В селении Айле — научном и управленческом центре заповедника — идет спор. Одни говорят, что не надо истреблять никаких зверей, в том числе и хищников. Пусть в природе развивается все само собой. Копытные должны как-то извернуться, уберечься. Другие расположены более воинственно: хотят истребить всех хищников. Вопрос, конечно, серьезный. Алтайский государственный заповедник — крупнейший, второй по величине заповедник Советского Союза, богатейший как по фауне, так и флоре. К нему приковано внимание широких научных кругов. Поэтому особенно важно сохранить природу заповедника в ее естественном виде. Безусловно, хищники оказывают влияние на развитие других животных, и с точки зрения научного подхода необходимо, чтобы они оставались нетронутыми. Но нам, лю-

дям, не занятым биологическими проблемами, не нравится, что в заповеднике так их много. Мы против того, чтобы истреблять в заповеднике всех хищников. Но нам кажется необходимым вместе с волками истреблять и рысь, и росомаху, оставив их для науки в небольшом количестве.

ПОД ЗАЩИТОЙ ЧЕЛОВЕКА

Главным пушным зверьком здесь является алтайская белка. Слава о ней идет издавна. Она всегда шла по высоким ценам на сибирских да и на российских пушных рынках. В заповеднике белка расплодилась в таком количестве, что вынуждена иммигрировать из заповедника в соседние леса, кедровую чернь. Наблюдается переселение из заповедника и других животных как, например, копытных.

Места, примыкающие к заповеднику, стали излюбленным местом для охоты.

Так, в сезон 1945 года охотники колхозов Улаганского аймака „Пограничник“, имени Сталина, «Кызыл тоурак» и других на левом берегу Челушмаева в день убивали по 60—70 белок. При этом надо отметить большую сознательность и государственное отношение охотников к заповедным лесам. Кордоны, несущие сторожевую службу, вот уже ряд лет не отмечают нарушения границ заповедника колхозниками.

В кедровой тайге всюду встречается бурундук. Зверек он неказистый, неценный. О нем можно было бы и не писать, но он так всех радушно встречает, всем прочокает, что просто непростительно не упомянуть о нем. К тому же у него интересная биография... Говорят, что когда-то праотец всех бурундуков в чем-то провинился. Короче—проворовался. Звери ему простили, но все-таки доцарапали его. Вот с тех пор все бурундуки и живут с отметинами.

Есть и другое предание. Давно это было. Медведь бурундука встретил и говорит:

— Э, давно я тебя не видал, как звать-то позабыл.

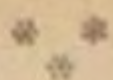
— Бурундук я, дедушка, бурундук.

— Ну, а где ты был все время?

— Отца и мать дорогих проведывал, родных навещал.

— Молодец, бурундук, подойди-ка ко мне поближе, я поглажу тебя.

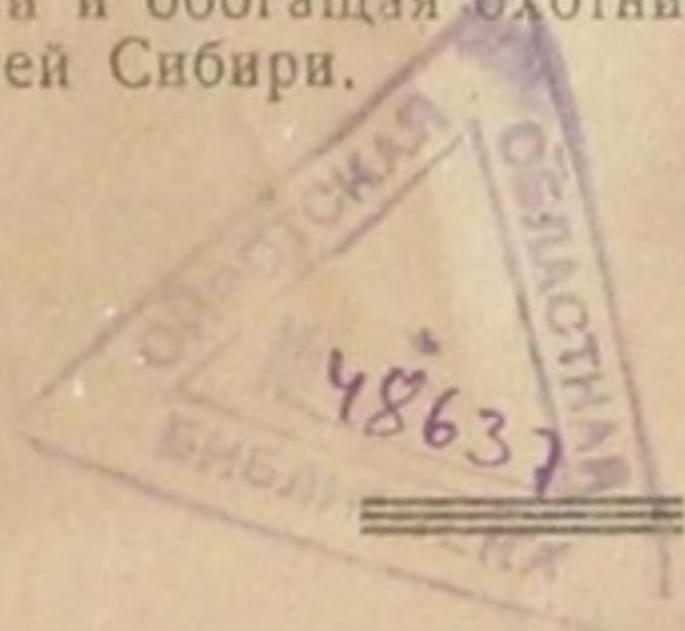
Нелегкой оказалась медвежья ласка. На спине, где лапой провел медведь, пять борозд от когтей осталось. С тех пор все бурундуки полосатыми стали.

К таежному хозяйству заповедника самозабвенно относится его замечательный отряд опытных работников. Шесть лет безвыездно живет в заповеднике руководитель научной части. Он ведет летопись природы. Им написаны ценные научные работы о развитии диких животных. Он оказывает неоценимую помощь всем экспедициям и научным работникам.

Много замечательных людей в Алтайском государственном заповеднике. Все они любовно трудятся, разрешая научные задачи и обогащая охотничий промысел Ойротии и других областей Сибири.

А. Каланаков.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	стр.
Дела и люди социалистической Ойротии. И КОЛОМИН.	3
Лейтенант Шуклин. К. РАСТЕГАЕВ.	17
Жанбек Елеусов. К. РАСТЕГАЕВ.	22
Сергей Налимов. К. РАСТЕГАЕВ.	25
Наказ матери. К. РАСТЕГАЕВ.	33
Балтийский моряк. К. РАСТЕГАЕВ.	35
Собрание в Кош-Агаче. М. ШАГИНЯН.	38
Слуга народа. В. ДРЕМОВ.	44
В Шаргайтинской долине. А. ДЕМЧЕНКО.	47
О чем пел старый пастух. К. РАСТЕГАЕВ.	52
Сила коллектива. М. ОЛЕГОВ.	56
Елена Упаева. А. КАЛАНАКОВ.	59
Чабан Маньки Клещев. А. ШАШКИН.	66
Тадышев Николай. И. КОЧЕЕВ.	71
Чабан Софья Адиканова. К. РАСТЕГАЕВ.	76
Старый Бактубай. Н. ГЛЕБОВ.	79
С берегов Чун. А. ДЕМЧЕНКО.	82
Старший ветврач. И. КОЧЕЕВ.	87
В оленьих парках. А. ГЕРМАН.	93
Председатель колхоза. К. РАСТЕГАЕВ.	103
Дорофей Замятин. Н. ГЛЕБОВ.	106
Мастерство. Н. ГЛЕБОВ.	109
Тракторист Алексей Порошни. К. РАСТЕГАЕВ.	112
В пути. А. ГЕРМАН.	115
Будет цвести земля. М. ШАГИНЯН.	121
Акташ-Гора. А. ДЕМЧЕНКО.	125
У Горы Азартной. Г. ЗОРИН.	131

Мастерица-стахановка. В. ДРЕМОВ.	135
Павел Иванович Чевалков. А. ДЕМЧЕНКО.	138
Народная учительница. А. ДЕМЧЕНКО.	141
На переднем крае. В. ДРЕМОВ.	144
Сельский врач. К. РАСТЕГАЕВ.	148
Режиссер Забродня. Б. КАИРСКИЙ.	151
Актриса. Б. КАИРСКИЙ.	156
На пастушьих стоянках. А. ДЕМЧЕНКО.	165
В Алтайском заповеднике. А. КАЛАНЯКОВ.	169

Редакционная коллегия: К. Растегаяев (ответ. редактор), И. Колосин
 А. Герман, М. Саруева, М. Тихтиков.
 Технический редактор Н. Куряков.
 Обложка и титул художника И. Матрофанова

Сдано в набор 6/VI 1947 г. Подписано к печати 13/VI 1947 г. Формат бумаги
 60×84 ¹/₁₆. Печатных листов 11. Учетно-авторских 11,2. В печ. листе 41.000 знаков.
 ЛГ 13442. Тираж 2000 экз.

Типография изд-ва газеты «Бийский рабочий». Бийск, Советская, 6.

СКОДИЕ В НОМЕРЕ

Содержание номера: 1. Доклад о состоянии экономики СССР в 1953 г. 2. Доклад о состоянии экономики США в 1953 г. 3. Доклад о состоянии экономики Великобритании в 1953 г. 4. Доклад о состоянии экономики Франции в 1953 г. 5. Доклад о состоянии экономики Германии в 1953 г. 6. Доклад о состоянии экономики Японии в 1953 г. 7. Доклад о состоянии экономики Индии в 1953 г. 8. Доклад о состоянии экономики Китая в 1953 г. 9. Доклад о состоянии экономики Австралии в 1953 г. 10. Доклад о состоянии экономики Канады в 1953 г. 11. Доклад о состоянии экономики Южной Америки в 1953 г. 12. Доклад о состоянии экономики Африки в 1953 г. 13. Доклад о состоянии экономики Азии в 1953 г. 14. Доклад о состоянии экономики Европы в 1953 г. 15. Доклад о состоянии экономики Австралии в 1953 г. 16. Доклад о состоянии экономики Канады в 1953 г. 17. Доклад о состоянии экономики Южной Америки в 1953 г. 18. Доклад о состоянии экономики Африки в 1953 г. 19. Доклад о состоянии экономики Азии в 1953 г. 20. Доклад о состоянии экономики Европы в 1953 г.

№ 100

ктатуры.

с того вре-
ериканская
й импери-
Советской

...мощней

ЦЕНА 6 руб.